ФАНТАСТИКА

КЛИФФОРД САЙМАК

НАСЛЕДИЕ ЗВЁЗД

Наследие звезд
Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Саймак. Наследие звезд
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26

Аннотация

Человек вышел в космос, начались полеты к звездам. Но на земле произошла Катастрофа, после которой остатки человечества окунулись в эпоху анархии, дикости и варварства. Технологическая цивилизация исчезла, развитие общества прекратилось. Но остались старые предания, в которых говорилось о Месте, откуда уходили к Звездам.

И вот, благодаря невероятным совпадениям и приключениям главного героя и его спутников, впервые за долгие полторы тысячи лет у землян появился лучик надежды на возрождение, на подъем из пропасти, в которую рухнул мир.

Клиффорд Саймак
Наследие звезд

© Д. Арсеньев, перевод на русский язык
© Издательство «Молодая гвардия», 1991

1

Одним из любопытных обычаев, возникших после Катастрофы, является создание пирамид из головных кожухов роботов, точно так же, как древние азиатские варвары воздвигали пирамиды из человеческих голов, позже превращавшихся в черепа, чтобы ознаменовать сражение. Хотя этот обычай не распространен повсеместно, по свидетельству торговцев, его практикуют многие оседлые племена. Кочевники тоже складывают пирамиды из кожухов роботов, но лишь в особо торжественных случаях. Обычно эти кожухи хранят в священных ящиках, и, когда племя движется, их перевозят на телегах во главе колонны, оказывая им подобающие почести.

В целом можно полагать, что это увлечение мозгами роботов является напоминанием о торжестве человека над машиной. Но очевидных свидетельств нет. Возможно, что симметричные формы кожухов оказывают определенное эстетическое воздействие. А может быть, их сохраняют как символическое свидетельство о вещах, созданных человеком технологической эры. Они очень прочны и сделаны из волшебного металла, противостоящего и времени, и погоде.

Из Уилсоновской «Истории Конца Цивилизации».

2

Томас Кашинг всю вторую половину дня окучивал картофель на узкой полоске земли между рекой и стеной. Земля была хорошо возделана. Если не поразит какая-нибудь непредвиденная болезнь, если не ограбит ночью какое-нибудь бродячее племя, если не выпадет другого зла, урожай составит много бушелей. Кашинг немало поработал, чтобы вырастить этот урожай. Он ползал на четвереньках меж скалами, сбивая картофельных жуков маленькой палочкой, которую держал в одной руке, а другой подставляя корзину. Жуков нужно было поймать, чтобы они не расползлись вновь. Он ползал на четвереньках по рядам, мышцы его болели, а безжалостное солнце палило его так, что начинало казаться, будто вместо воздуха теперь повсюду раскаленная пыль. В перерывах, когда корзина чуть не до верху наполнялась копошащимися жуками, он отправлялся на берег реки, сначала обозначив место, где остановился, воткнув палку в землю; затем, сидя на корточках, высыпал содержимое корзины в реку, яростно тряся ее, чтобы выбросить цепляющихся жуков,

отправляя их в путешествие, которое мало кто из них переживет; а тех, кто выживет, река унесет далеко от его картофельного поля.

Иногда он мысленно разговаривал с ними. Я не хочу вам вреда, говорил он им, я так поступаю не по злобе, а чтобы защитить себя и своих близких, чтобы вы не ели пищу, на которую рассчитываем мы. Извинялся перед ними, объяснял им, чтобы отвратить их гнев, как древние доисторические охотники извинялись и объяснялись с животными, которых убивали для еды.

В постели перед сном он снова думал о них, снова видел их — золотистую накипь, брошенную в водоворот и быстро уносимую к судьбе, которой они не понимали, не знали, почему их постигала такая судьба, бессильные предотвратить ее, не способные спастись.

Утопив их в реке, он снова возвращался к рядам, снова собирал жуков, чтобы предать их такой же судьбе.

Позже, когда прекратились дожди и солнце безжалостно жгло с безоблачного голубого неба, он таскал ведра с водой на коромысле, чтобы утолить жажду растений; день за днем брел он от реки к полю, выливая воду и снова возвращаясь к реке — бесконечный напряженный труд,

чтобы растения процветали и чтобы был запас картофеля на зиму. Существование, думал он, и выживание, купленные такой дорогой ценой. Бесконечная борьба за выживание. Совсем не так, как в те древние дни, о которых писал Уилсон, дрожащими пальцами пытаясь воссоздать прошлое, исчезнувшее за несколько столетий до того, как он поднес перо к бумаге. Вынужденный жестоко экономить, Уилсон писал на обеих сторонах каждого листочка, не оставляя полей, не оставляя белых мест вверху и внизу. И всегда мелким, болезненно мелким и скупым почерком — в попытке вместить как можно больше слов, теснящихся в мозгу. Мучаясь над тем, что история, описываемая им, основывается больше на мифах и легендах, чем на фактах. Этого невозможно было избежать, потому что факты почти не сохранились. Но Уилсона вело убеждение, что факты все же существовали до того, как были забыты. И он писал, мучаясь над обширностью мифов и легенд и все время задавая вопрос: «Что я должен записать? Что должен опустить?» Потому что он не мог записать все, кое-что приходилось опускать. Миф о Месте, откуда уходили к Звездам, он опустил.

Но хватит об Уилсоне, говорил себе Кашинг:

ему пора возвращаться к окучиванию, прополке. Сорняки и жуки — враги. Отсутствие дождя — враг. Слишком жаркое солнце — враг. Не только он считал так. Были и другие, возделывавшие крохотные поля зерна и картофеля вверх и вниз по реке вблизи стен, чтобы иметь хоть какую-то защиту от грабителей.

Он окучивал всю вторую половину дня, и теперь, когда солнце скрылось за утесами на западе, он сидел на корточках у реки и смотрел на воду. Выше по течению, примерно в миле, виднелись каменные быки разрушенного моста; кое-какие детали моста сохранились, но перейти по нему через реку нельзя. Еще выше по течению виднелись две большие башни — жилые сооружения, которые в старых книгах называются небоскребами. Похоже, что было два типа таких строений: обычные небоскребы и небоскребы для престарелых. Кашинг мельком удивился такому различию. Сейчас этого нет. Нет разницы между старыми и молодыми. Те и другие живут вместе и нуждаются друг в друге. Юные дают силу, старики — мудрость, они действуют вместе с пользой для всех.

Он сам испытал это, когда впервые пришел в университет и был принят под покровительство

Мости и Нэнси Монтрозами; со временем это покровительство перестало быть формальным; он жил с ними и став в сущности их сыном. За последние пять лет он стал частью университета, как будто в нем был рожден. И он наконец познал счастье, которого лишен был в детстве. Теперь, сидя на берегу реки, он признавался себе, что это счастье стало источником тревоги. Преданность пожилой чете, которая приняла его и сделала частью себя, окрасилась ощущением вины. Он многое получил за эти пять лет — он научился читать и писать, познакомился с книгами, рядами стоявшими на полках библиотеки; он научился лучше понимать окружающий мир, каким он был раньше и каким стал теперь. В безопасности за стенами он получил возможность думать, работать над собой. Но он все еще не знал, чего он в сущности хочет.

Он снова, в который раз, вспомнил тот дождливый день ранней весны, когда он сидел за столом среди библиотечных стеллажей. Он уже забыл, что делал тогда, — вероятно, просто сидел и читал книгу, чтобы вскоре вновь поставить ее на полку. Но он с поразительной ясностью вспомнил тот момент, когда открыл ящик стола и обнаружил там стопку листочков — чистых листов, вырван-

ных из книг, исписанных мелким экономным почерком. Он помнил, как сидел, замеров от удивления, потому что понял, кто написал это. Он много раз перечитывал историю Уилсона, и теперь у него не было ни малейшего сомнения, что это записки Уилсона, лежащие здесь в столе много лет после того, как они были написаны.

Дрожащими руками он извлек из ящика листки и положил их на стол. Медленно читал их в убывающем свете дождливого дня и находил материалы, знакомые ему и вошедшие в историю. Но была страница, — точнее полторы страницы, которые не были использованы — это был миф, настолько несообразный, что Уилсон, должно быть, решил не включать его, миф, о котором Кашинг никогда не слышал и, как он узнал позже путем осторожных расспросов, не слышал никто.

В записях говорилось о Месте, откуда уходили к Звездам. Место это находилось где-то на западе, хотя точного указания не было, просто «на западе». Все это звучало очень туманно и походило на нелепую выдумку. Но с того самого дня сама невероятность этого мифа захватила Кашинга и не оставляла его.

За широким разливом реки возвышались

крутые утесы, увенчанные группами деревьев. Река с громким плеском проносилась мимо, и в ней чувствовалась огромная сила, способная на своем пути снести все. Мощная штука, эта река, ревнивая и злая, хватающая все, до чего может дотянуться: древесный ствол, лист, стаю картофельных жуков или человека. Глядя на реку, Кашинг вздохнул, ощутив угрозу. Хотя почему он должен ее чувствовать? Здесь он дома. Это ощущение угрозы — лишь временная слабость.

Уилсон, подумал он. Если бы не эти полторы страницы записок Уилсона, он бы ничего подобного не ощущал. А может, нет? Только ли дело в записках Уилсона? Может, дело в стремлении бежать из этих стен, и вернуться к ничем не сдерживаемой свободе в лесах?

Он гневно сказал себе, что просто одержим Уилсоном. С того момента, как он прочел его историю, этот человек овладел его мыслями и никогда их не оставлял.

Как это было, подумал он, почти тысячу лет назад, когда Уилсон впервые принялся за работу? Шептали ли листья за окном на ветру? Оплывала ли свеча? (В его представлении, писали всегда при свечах). Кричала ли снаружи сова, высмеивая задачу, которую поставил перед собой человек?

Как это было с Уилсоном в тот вечер в отдаленном прошлом?

3

Я должен писать ясно, сказал себе Хирам Уилсон, так, чтобы читать можно было спустя много лет. Я должен аккуратно писать и точно рассчитывать, и что самое важное, я должен писать мелко, потому что у меня нет бумаги.

Я хотел бы, подумал он, чтобы у меня было больше фактов, чтобы меньше я зависел от мифов, но я должен утешаться тем, что историки прошлого опирались на предания. Хотя мифы — это романтические сказки, родились они из фактов.

Порыв ветра из раскрытого окна поколебал пламя свечи. На дереве за окном пронзительно закричала сова-сипуха.

Уилсон обмакнул перо в чернила и записал близко к краю страницы, так как должен был экономить бумагу.

«Рассказ о тех потрясениях, которые привели к концу Первую Человеческую Цивилизацию (надеюсь, что будет и вторая, потому что то, что у нас есть сегодня, это не цивилизация, а анархия). Написан Хирамом Уилсоном из университета в Миннесоте на берегу реки Миссисипи. Рассказ

начинается в первый день октября 2952 года».

Он отложил перо и перечел написанное. И добавил, неудовлетворенный:

«Сведения собраны из все еще существующих древних книг, а также древних мифов, фольклора и устных преданий, из которых автор пытался извлечь зерна истины».

По крайней мере, подумал он, я честен. Читатель предупрежден. Я могу ошибаться, но все же старался писать правду.

Он снова взял перо и продолжал писать:

«Несомненно, некогда, примерно пятьсот лет назад, на Земле существовала развитая технологическая цивилизация. Ничего действующего от нее не сохранилось. Машины и технология были уничтожены, вероятно, в течение нескольких месяцев. Уничтожались и книги по технологии, а из других книг вырывались страницы, где были ссылки на технологию. По крайней мере так было в нашем университете, но мы предполагаем, что так было везде. То, что сохранилось, дает лишь самые общие сведения о технологии и науке, которые ко времени уничтожения казались настолько устаревшими, что не представляли угрозы, и им позволили сохраниться. Из этих отрывочных упоминаний мы можем

представить себе ситуацию, но у нас не хватает информации, чтобы узнать технологию в полном объеме и определить ее влияние на цивилизацию и культуру. Старые планы университетского городка свидетельствуют, что здесь некогда было несколько зданий, предназначенных для обучения технологии и инженерному делу. Этих зданий больше нет.

Существует легенда, что камни, из которых были построены эти здания, пошли на сооружение защитной стены, окружающей ныне городок.

Полнота уничтожения и очевидная методичность его свидетельствуют о крайней ярости и фанатизме. Когда задумываешься о причине этого, то первым делом приходит в голову, что принесла эта технология — истощение невосполнимых ресурсов, загрязнение окружающей среды, массовая безработица. Но когда подумаешь, такое объяснение кажется слишком упрощенным. При дальнейших размышлениях приходишь к выводу, что главная причина, вызвавшая катастрофу, кроется в социальной, экономической и политической системах, порожденных технологией.

Технологическое общество, чтобы быть наиболее эффективным и экономичным, стремится к гигантизму — к гигантизму в организации про-

изводства, в правительственных учреждениях, в финансах и в сфере обслуживания. Большие системы, пока они поддаются управлению, имеют множество преимуществ, но по мере роста становятся неуправляемыми. Достигая некоторой критической точки, системы превращаются в сверхгигантские, ускоряют свое развитие и все более выходят из-под контроля. В процессе такого роста накапливаются ошибки, исправить которые почти невозможно. Неисправленные, ошибки становятся постоянными и вызывают еще большие ошибки. Это происходит не только с машинами, но и на высших правительственных и финансовых уровнях. Люди, руководящие машинами, возможно, понимали, что происходит, но были бессильны что-либо сделать. К тому времени машины полностью вышли из-под контроля, внося абсолютный хаос в сложное социальное и экономическое устройство общества, которое стало возможно лишь благодаря им. Задолго до окончательной катастрофы, когда системы начали ошибаться, стала подниматься волна гнева. Когда пришла катастрофа, гнев вызвал оргию разрушений, и она смела всю технологию, чтобы ее никогда уже нельзя было вновь использовать. Когда ярость поутихла, бы-

ли уничтожены не только машины, но и сама концепция технологии.

То, что вместе с машинами были уничтожены тексты, касающиеся технологии, а вот другие книги сохранились, свидетельствует, что единственной целью была технология, и что разрушители не имели возражений против книг и обучения. Возможно, они даже испытывали уважение к книгам, потому что даже в разрушительном угаре не тронули книг, не имевших отношения к технологии.

С дрожью думаешь об ужасной ярости, вызвавшей такие странные последствия. Невозможно себе представить хаос, воцарившийся после того, как был уничтожен образ жизни, которого человечество придерживалось в течение столетий. Тысячи погибли насильственной смертью во время разрушений, другие тысячи погибли от его последствий. Все, на что опиралось человечество, лишилось корней. Анархия сменила закон и порядок. Коммуникации были нарушены так основательно, что в одном городе вряд ли знали, что происходит в другом. Сложная система распределения остановилась, и начался голод. Все энергосистемы были уничтожены, и мир погрузился во тьму. Прекратилась и медицинская

помощь. Обрушились эпидемии… Мы можем лишь догадываться о том, что тогда происходило, потому что никаких записей не сохранилось. Сегодня даже самое богатое воображение не может представить себе всю глубину ужаса. Сегодня нам может показаться, что случившееся было скорее результатом безумия, а не гнева, но даже и в этом случае нужно ясно сознавать, что и у этого безумия была какая-то причина.

Когда ситуация стабилизировалась — если можно представить себе хоть какую-то стабилизацию после такой катастрофы, мы можем лишь гадать, что увидел бы тогда сторонний наблюдатель. У нас слишком мало фактов. Мы видим лишь самую общую картину. В некоторых районах группы фермеров создавали коммуны, силой отстаивая свои посевы и скот от голодных мародерствующих толп. Города превратились в джунгли, где шайки грабителей сражались друг с другом за право грабить. Возможно, тогда, как и сейчас, местные вожди пытались основать правящие династии, сражаясь с другими вождями и, как и сейчас, сходя со сцены один за другим. В таком мире — и это сейчас справедливо, как и тогда, одному человеку или группе людей невозможно завоевать власть, которая послужила бы основой

для создания постоянного правительства.

Насколько нам известно, ближе всего к порядку и стабильности подошел наш университет. Неизвестно в точности, как появился этот уголок порядка и относительной безопасности на нескольких акрах. Мы сохраняем такой порядок только потому, что не пытаемся расширить свои владения или навязывать свою волю, и оставляем в покое тех, кто оставляет в покое нас.

Многие живущие вне наших стен, возможно, ненавидят нас, другие презирают нас как трусов, укрывающихся за стенами, но я уверен, что есть и такие, для которых этот университет превратился в чудо, в колдовство и, возможно, именно по этой причине нас уже больше ста лет никто не трогает.

Характер общества и настроения интеллектуалов диктовали реакцию — разрушение технологии. Большинство, не задумываясь о последствиях, дало волю гневу, отчаянию и страху. Лишь немногие, очень немногие, вероятно, оказались способны заглянуть дальше, думая о том, что будет через десять или сто лет. Университет при тех условиях, что существовали перед катастрофой, превратился в тесно сплоченную группу, хотя, возможно, многие его члены и не желали

признавать это. Все они считали себя индивидуалистами, но когда разразилась катастрофа, они поняли, что под внешним индивидуализмом скрывается общий образ мыслей. Вместо того, чтобы бежать и скрываться, как поступало большинство, университетское сообщество скоро осознало, что лучше всего оставаться на месте и пытаться среди всеобщего хаоса сохранить порядок, основанный на традициях, которые создавались в течение многих лет в высшей школе.

Маленькие островки безопасности и здравомыслия, они оставались сами собой в гибнущем мире. Можно вспомнить о монастырях, которые были островами спокойствия во времена европейского средневековья. Разумеется, были такие, которые напыщенно говорили о необходимости высоко держать факел знаний, когда ночь поглотила человечество, и были даже такие, кто в это искренне верил. Но все же главное было в необходимости выжить, выбрать способ действий, наиболее благоприятствующий выживанию.

Даже здесь должен был наступить период смятения, во время которого в первые годы Катастрофы разрушительные силы уничтожали научные и технологические центры городка,

убирали из библиотек все, что касалось технологии. Видимо, во время смут была уничтожена и часть ученых, представителей технических направлений. Возникает даже мысль, что некоторые ученые могли сыграть определенную роль в разрушениях. Не хочется думать об этом, но в старых университетах существовала глубокая вражда между учеными, основанная на противоречиях в научных взглядах, и эта вражда и могла перерасти в личную.

Однако, когда разрушение завершилось, университетское сообщество, вернее то, что от него осталось, снова сплотилось, старая вражда была забыта, и началась работа, направленная на создание замкнутой территории, отгороженной от остального мира. Здесь должны были сохраниться хотя бы остатки человеческой цивилизации. Опасность уничтожения сохранялась много лет, о чем свидетельствуют защитные стены, возведенные вокруг отдельных зданий. Строительство же главной стены было долгим и трудным, но под компетентным руководством оно было завершено. Во время этого периода университет, вероятно, не раз подвергался набегам грабителей.

Но, к счастью для городка, грабителей больше

привлекало содержимое складов, магазинов и домов города за рекой и другого города, расположенного дальше к востоку.

Поскольку никаких связей с внешним миром у нас нет и единственные сведения, которыми мы располагаем, это рассказы случайных путешественников, мы не можем утверждать, что знаем о происходящем. Возможно, происходит много событий, о которых у нас есть информация, по-видимому, высший уровень социальной организации представлен фермерскими общинами, с которыми у нас установлены непрочные торговые связи. Непосредственно к востоку и к западу от нас, где когда-то были богатые и красивые города, теперь почти совершенно разрушенные, несколько племен добывают средства к жизни, возделывая землю и изредка воюя друг с другом из-за вымышленных обид, или чтобы получить желанный участок земли (хотя бог знает почему желанный); или же просто ради иллюзорной славы, полученной в сражениях. На севере обитает небольшая фермерская община из дюжины семей, с которой мы торгуем. Полученные от них продукты несколько разнообразят наше меню, состоящее в основном из картофеля и овощей. За еду мы расплачиваемся безделушками — бусами,

плохо сделанными украшениями, кожаными вещами, которые им в их простодушии кажутся прекрасными. Как низко мы пали — гордый некогда университет вынужден изготовлять безделушки и платить ими за продукты.

Раньше семейные группы могли держаться поместий, укрываясь от всего мира. Большинство этих поместий уже не существует, а их жители либо погибли, либо вынуждены были присоединиться к племенам ради защиты, которую они там получали. Есть еще кочевники, воинственные банды с их скотом и лошадьми, все время высылающие отряды для грабежа, хотя уже мало что осталось грабить. Таково состояние известного нам мира, и в определенном смысле нам гораздо лучше, чем остальным.

Мы пытаемся до некоторой степени поддерживать обучение. Наши дети учатся читать, писать и считать. Тот, кто хочет, получает добавочное образование, и, конечно, есть книги для чтения, тонны книг, и многие члены нашей общины хорошо информированы именно благодаря чтению. Умение читать и писать — сегодня редкое искусство, потому что некому учить людей. Изредка к нам обращаются люди со стороны, желающие обучаться, но таких мало, потому что образова-

ние в наши дни не ценится высоко. Некоторые из пришедших остаются с нами, расширяя тем самым наш генофонд, в чем мы очень нуждаемся. Вероятно, некоторые из пришедших за обучением на самом деле ищут безопасности за нашими стенами. Неважно, мы все равно их принимаем. Пока они приходят с миром и живут в мире, мы встречаем их радушно.

Нетрудно заметить, что мы почти перестали быть научным заведением. Мы можем обучить лишь немногому; начиная со второго поколения, уже никто не мог давать высшее образование. У нас нет преподавателей физики или химии, философии или психологии, медицины и многих других наук. Да в них и нет необходимости. Какая польза в медицине, если нет никаких лекарств, если нет оборудования для терапии и хирургии?

Мы часто бесплодно рассуждаем, существуют ли другие колледжи и университеты. Кажется вероятным, что существуют, но мы о них ничего не знаем. В то же время мы не делаем попыток искать их, так же как и обнаруживать свое присутствие.

В книгах, которые я читал, содержится много пророчеств о том, что нас ожидает именно такое будущее. Но во всех случаях причиной считали

войну. Вооруженные бесчисленными машинами разрушения, главные государства древних дней обладали возможностью уничтожить друг друга (а также и весь мир) за несколько часов. Этого, однако, не произошло. Нет никаких следов опустошений, вызванных войной, и нет никаких легенд о ней.

По всем указаниям, которыми мы сегодня располагаем, гибель цивилизации вызвана гневом большей части населения против созданного технологией мира, хотя этот гнев во многих отношениях был неверно направлен...»

4

Дуайт Кливленд Монтроз был худым человеком небольшого роста, коричневая кожа лица оттенялась белоснежными волосами и сединой усов, густые брови казались восклицательными знаками над яркими голубыми глазами.

Он тщательно подчистил тарелку, вытер усы и выпрямился.

— Как дела с картофелем? — спросил он.

— Сегодня кончил окучивать, — сказал Кашинг. — Думаю, что это в последний раз. Теперь можно оставить. Даже град теперь не повредит.

— Ты слишком много работаешь, — сказала Нэнси. — Больше, чем можешь.

Эта маленькая женщина с кротким выражением лица напоминала птицу, съежившуюся к старости. Она с любовью взглянула на Кашинга.

— Мне нравится моя работа, — ответил он. — Я горжусь ею. Другие умеют делать другое. А я выращиваю хорошую картошку.

— И теперь, — резко сказал Монти, расправляя усы, — полагаю, ты уходишь?

— Ухожу?!

— Том, сколько ты с нами? Шесть лет, верно?

— Пять, — ответил Кашинг. — В прошлом месяце исполнилось пять лет.

— Пять лет, — сказал Монти. — Пять лет… Достаточно, чтобы узнать тебя. Последние месяцы ты беспокоен. Я не спрашивал тебя, почему. Мы, я и Нэнси, вообще не расспрашивали тебя.

— Да, не расспрашивали, — согласился Кашинг. — Вероятно, временами со мной было трудно…

— Никогда, — сказал Монти, — никогда. Ты знаешь, у нас был сын…

— Сейчас он был бы как ты, — сказала тихо Нэнси. — Умер шести лет…

— Корь, — это Манто. — Раньше люди знали, как справляться с корью. Раньше о ней и не слыхали.

— И еще шестнадцать, — вспоминала Нэнси. — С Джоном семнадцать. Все от кори. Это была ужасная зима. Самая плохая из всех.

— Мне жаль, — сказал Кашинг.

— Сейчас легче, — сказал Манто. — Конечно же, печаль осталась и будет с нами всю жизнь. Мы редко говорим об этом, потому что не хотим, чтобы ты думал, что ты занял его место. Мы любим тебя и так.

— Мы любим тебя, — мягко повторила Нэнси, — потому что ты Томас Кашинг. Из-за тебя мы меньше горюем. Том, мы обязаны тебе больше, чем можем дать.

— Мы имеем право говорить с тобой так, — сказал Манто, — конечно, это необычный разговор. Знаешь, это становится невыносимым. Ты ничего не говоришь нам, считая, что мы ничего не замечаем. Тебя сдерживает преданность. Мы видим, что ты задумал, но ты скрываешь это от нас, боишься нас встревожить. Мы боялись с тобой говорить: думали — ты решишь, будто мы хотим, чтобы ты ушел. Но теперь мы считаем, что должны тебе сказать: иди, если ты действительно хочешь этого. Мы видим, как ты все последние месяцы хотел поговорить с нами и боялся. И тебе хочется быть свободным.

— Это не совсем так, — сказал Кашинг.

— Место, откуда уходят к Звездам, — сказал Монти. — Я так и думал. Когда я был моложе, мне тоже хотелось уйти. Хотя теперь я не уверен, что смог бы это сделать. Мне кажется, что за все эти столетия мы, люди университета, заболели агорафобией… Мы так долго жили здесь, так приросли к своему городку, что никто из нас не способен уйти.

— Значит, вы думаете, что в записках Уилсона правда? — спросил Кашинг. — Что на самом деле существует Место, откуда уходили к Звездам?

— Не знаю, — сказал Манто. — И не буду гадать. С того времени, как ты показал мне эти записки, я все время думаю об этом. Не романтические мечты о том, как хорошо, если бы такое место действительно существовало, а оценка фактов и сведений. И, взвешивая все известное нам, я должен тебе сказать, что это вполне возможно. Мы знаем, что человек вышел в Солнечную систему. Мы знаем, что люди летали на Луну и на Марс. И в свете этого мы должны спросить себя: удовлетворились ли люди Луной и Марсом? Я думаю, нет. Если у них была возможность, они покинули Солнечную систему. Мы не знаем, была ли у них такая возможность, потому что последние столетия перед Катастрофой скрыты от нас. Сведения об этих столетиях убраны из книг. Люди, вызвавшие Катастрофу, хотели, чтобы воспоминания об этих столетиях изгладились, и мы не знаем, что тогда происходило. Но судя по прогрессу человечества за то время, о котором нам хоть что-то известно, мне кажется несомненным, что они приобрели возможность выхода в глубокий космос.

— Мы так надеялись, что ты останешься с нами, — сказала Нэнси. — Мы думали, может, это мимолетное желание, оно пройдет. Но теперь нам ясно, что это не так. Монти и я не один раз говорили об этом. Теперь мы убеждены, что ты почему-то хочешь уйти.

— Меня беспокоит одно обстоятельство, — сказал Кашинг. — Вы, конечно, правы. Я старался набраться храбрости, чтобы поговорить с вами. И не решался. Но каждый раз, как я принимал решение не уходить, во мне что-то протестовало. Меня беспокоит, что я не знаю причины этого. Я говорю себе, что хочу увидеть Место, откуда уходили к Звездам, но есть в глубине еще что-то. Может быть, это дикая кровь говорит во мне? В течение трех лет до того, как постучаться в ворота университета, я был диким лесным жителем. Мне кажется, я говорил вам об этом.

— Да, ты говорил нам.

— Но вы никогда не расспрашивали. А я не рассказывал.

— Тебе и не нужно рассказывать, — мягко сказала Немей.

— Теперь нужно. Рассказ будет недолгим. Нас было трое: моя мать; дед, отец матери; и я. Был и отец, но я его почти не помню. Большой человек

с черными усами, которые кололись, когда он целовал меня.

Он не думал об этом многие годы, вернее заставлял себя не думать, но теперь вдруг увидел все ясно, как днем. Маленький овраг, отходивший от Миссисипи в холмистой местности, что в неделе ходьбы к югу. Маленький ручеек с песчаным дном бежит по лугам, стиснутым крутыми утесами; ручей питает источник, пробивающийся из земли у начала оврага, где смыкаются холмы. Рядом с источником стоял дом — маленький дом, посеревший от старости, и этот мягкий серый цвет превращал его в тень меж холмами и деревьями, так что его невозможно было разглядеть, если не знаешь, что дом здесь, не увидишь его, пока не наткнешься. На небольшом расстоянии находились еще два маленьких серых строения, которые так же трудно было рассмотреть, — полуразрушенный сарай, где помещались две лошади, три коровы и бык, и курятник, почти обвалившийся. Ниже дома находился огород и участок картофеля, а выше, в маленькой долине, отходящей от оврага, — небольшое поле пшеницы.

Здесь он прожил свои первые шестнадцать лет, и за все время он мог вспоминать едва ли больше десятка случайных посетителей. Близких соседей

у них не было, и место это находилось в стороне от дорог, по которым ходили бродячие племена. Это было спокойное, много лет дремавшее место, но красочное, окруженное морем диких яблонь, слив и вишен, которые буйно цвели каждую весну. А осенью дубы и клены пламенели ярко-красным и желтым огнем. Весной и летом холмы покрывались красными и фиолетовыми цветами лилий, турецкой гвоздики и венериного башмачка. В ручье водилась рыба, да и в реке ее было много. Но большей частью они рыбачили в ручье; тут можно было без особых усилий поймать прекрасную форель. Водившиеся во множестве кролики представляли легкую добычу, а если двигаться незаметно и целиться метко, можно было сбить стрелой куропатку и даже перепела, хотя перепелы были слишком маленькой и быстрой целью для стрелы. Но Томас Кашинг иногда приносил домой и перепела. Он научился стрелять из лука, едва начав ходить, учил его дед, сам прекрасно стрелявший. Осенью еноты спускались с холмов, чтобы поживиться на их поле, и хотя они уносили часть урожая, они дорого платили за это своим мясом и шкурами, которые были гораздо ценнее зерна. Потому что в конуре всегда ждали собаки, иногда одна или

две, иногда много; и когда появлялись еноты, Том с дедом спускали собак, которые выслеживали енотов и загоняли их на деревья. Том взбирался на дерево с луком в одной руке и двумя стрелами в зубах, он поднимался медленно, отыскивая енота, который цеплялся за ветку где-то над ним, вырисовываясь на фоне вечернего неба. Подъем требовал сноровки, да и стрелять, прижимаясь к стволу, было нелегко. Иногда еноту удавалось уйти, но большей частью нет.

Именно деда он сейчас помнил лучше всего — всегда стариком, с седыми волосами и бородой, острым носом, злыми косыми глазами, потому что он был злой человек, хотя никогда не был злым с Томом. Старый и крепкий богохульник, отлично знавший лес, холмы и реку. Богохульник, отчаянно бранивший болящие суставы, проклинавший судьбу за свою старость, который не выносил ничьей глупости и высокомерия, кроме собственных. Фанатик, когда дело касалось инструментов, оружия и домашних животных. Он нещадно бранил лошадей, но никогда не бил их и всегда тщательно за ними ухаживал — потому что получить новую лошадь было трудно. Конечно, ее можно купить, если знаешь, куда пойти; или украсть, и кража, как правило, была

легче покупки, но и то и другое требовало больших усилий и времени и таило в себе опасность. Нельзя попусту использовать оружие. Нельзя без пользы тратить стрелы. Стреляешь в цель, чтобы доказать свое искусство, или стреляешь, чтобы убить. Учишься пользоваться ножом и бережешь его, потому что добыть нож очень трудно. То же самое с инструментом. Закончив пахать, очищаешь и смазываешь плуг и прячешь его под крышу, потому что плуг нужно беречь от ржавчины — он должен служить много поколений. Упряжь для лошадей всегда должна быть смазана, почищена и содержаться в порядке. Закончив окучивать, вымой и высуши мотыгу, прежде чем убрать ее. Закончив жать, вычисти и наточи серп, смажь его и повесь на место. В этом не должно быть ни небрежности, ни забывчивости. Это образ жизни. Уметь обращаться с тем, что имеешь, заботиться о нем, беречь его от порчи, использовать правильно, чтобы не причинить ему никакого вреда.

Своего отца Том помнил лишь смутно. Он всегда считал его погибшим, потому что ему так сказали, как только он достаточно подрос, чтобы понимать. Но, кажется, никто не знал, что случилось на самом деле. Однажды весенним утром, согласно рассказу, отец отправился рыбачить на

реку, с острогой в руке и мешком за спиной. Было как раз время нереста карпов, которые стаями поднимались по реке к озерам, чтобы выметать и оплодотворить икру. В это время они ничего не боялись и были легкой добычей. Каждый год в это время отец Тома отправлялся на реку и возвращался домой, сгибаясь под тяжестью мешка, полного рыбы, и опираясь на древко остроги как на посох. Дома карпов разрезали, чистили и коптили, и они давали хороший запас еды.

Но на этот раз он не вернулся. Позже дед Тома с матерью отправились на поиски. Они вернулись поздно вечером, ничего не найдя. На следующий день дед отправился снова и на этот раз нашел острогу, лежавшую у мелкого озера, по-прежнему кишевшего карпами, а неподалеку мешок, но больше ничего. Не было никаких следов отца Тома, нельзя было понять, что же с ним случилось. Он исчез бесследно, и с тех пор о нем ничего не было известно.

Жизнь продолжалась по-прежнему, хотя стало труднее добывать пропитание. Однако жили они неплохо. Еды всегда хватало, были и дрова для очага, и шкуры, чтобы одеваться в холодную погоду. Одна лошадь околела, вероятно, от старости, и старик ушел, отсутствовал десять дней и вер-

нулся с двумя лошадьми. Он никогда не говорил, где добыл их, и никто не спрашивал. Они знали, что он, должно быть, украл их, потому что не брал с собой ничего для покупки. Лошади были молодые и сильные, и было очень хорошо, что их двое, потому что спустя короткое время околела вторая старая лошадь, а чтобы пахать, возить дрова и сено, нужны две лошади. К тому времени Том был уже достаточно большим, чтобы работать, поэтому он ясно помнил, как помогал деду снимать шкуры с мертвых лошадей. Он плакал, делая это, и старался скрыть свои слезы, а позже, оставшись один, горько рыдал, потому что любил этих лошадей. Но нельзя было терять шкуры, при их образе жизни все приходилось беречь.

Когда Тому было четырнадцать, в жестокую зиму, когда землю толстым слоем покрыл снег, а с холмов срывались метель за метелью, его мать заболела. Она лежала в постели, тяжело, с хрипом дыша. Они вдвоем с дедом заботились о ней: он и злобный, раздражительный старик, превратившийся вдруг в воплощение нежности. Они натерли ей горло теплым гусиным жиром, который хранился в шкафу в бутылочке как раз для таких случаев, и закутали ей горло в кусок фланели, чтобы жир подействовал. Они прикла-

дывали к ее ногам горячие кирпичи, а дед варил на печи луковый настой и поил ее этим настоем, чтобы смягчить сухость в горле. Однажды ночью, уставший от забот. Том уснул. Старик разбудил его. «Мальчик, — сказал он, — твоя мать умерла». И отвернулся, чтобы Том не видел его слез.

При первом свете утра они вышли и разгребли снег под древним дубом, где любила сидеть мать Тома, глядя на овраг, потом разложили костер, чтобы оттаяла земля и можно было выкопать могилу. Весной с большим трудом они притащили три валуна и уложили их на могиле, чтобы обозначить ее и сохранить от волков, которые теперь, когда земля оттаяла, могли попытаться раскопать ее.

Жизнь продолжалась, но Тому казалось, что в старом сквернослове что-то надломилось. Он по-прежнему любил браниться, но красноречие его надломилось. Теперь он много времени проводил в кресле-качалке на пороге, а большую часть работы выполнял Том. Старик стал разговорчив, как будто пытался разговорами заполнить образовавшуюся вокруг пустоту. Они с Томом разговаривали часами, сидя на пороге, а зимой и в холодные времена — перед очагом. Большей частью говорил дед, извлекая из своей памяти

события почти восьмидесяти лет; возможно, не все его рассказы были правдивы, но все очень интересны и основывались на истинных происшествиях. Рассказ о том, как он уходил на запад и убил ножом раненного стрелой гризли (даже в свои юные годы Том воспринял этот рассказ с недоверием); рассказ о торговле лошадьми, причем на этот раз старика классически надули; рассказ о чудовищной зубатке, которую ему три часа пришлось тащить к берегу; рассказ о том, как во время одного путешествия он оказался вовлеченным в войну двух племен, причины этой войны трудно было объяснить; и рассказ об университете (чем бы ни был этот университет) далеко на севере, окруженном стеной и населенным странным племенем, людей которого с некоторой долей презрения называли «яйцеголовыми» (старик понятия не имел, что это значит); он предположил, что употреблявшие это словцо тоже не понимают его значения, просто используют презрительную кличку, пришедшую из далекого туманного прошлого. Слушая долгими вечерами рассказы старика, мальчик начинал видеть в нем другого человека, более молодого, начал понимать, что его злобность и раздражительность — лишь маска, надетая им для защиты

от старости. А старость дед Тома считал самым большим и невыносимым унижением, которое приходится терпеть.

Но недолго. Летом, когда Тому исполнилось шестнадцать лет, он вернулся с поля и застал старика лежащим на пороге у кресла-качалки. Больше ему не придется выносить унижения старости. Том выкопал могилу и похоронил деда под тем же самым дубом, где лежала и его мать; он притащил валун, на этот раз поменьше, потому что теперь приходилось работать одному…

— Ты быстро повзрослел, — сказал Монти.

— Да, — согласился Кашинг.

— Но потом ты ушел в леса.

— Не сразу. Оставалась ферма и животные. Я не мог уйти и оставить их. Они слишком зависели от меня. Я слышал о семье, живущей на хребте в десяти милях от нас. Там жить было трудно. За водой им приходилось идти целую милю к маленькому ручью. Почва каменистая и скудная. Глину трудно обрабатывать. Они оставались там, потому что там были строения, которые давали убежище и тепло. Но дом их стоял на открытом месте, не защищенном от ветра. Да и любая из бродячих шаек могла легко их обнаружить. Итак, я пошел к ним, и мы заключили договор. Они

брали мою ферму и животных, а я имел право получить половину приплода, если этот приплод будет и если я когда-либо вернусь. Они переселились в овраг, а я ушел. Не мог оставаться. Слишком много воспоминаний окружало меня. Мне нужно было чем-то заняться. Конечно, я мог остаться на ферме, здесь хватало работы, но я не мог смотреть на две могилы. Не думаю, чтобы я рассуждал о причинах.

Я просто знал, что должен уйти, но перед уходом мне нужно было убедиться, что кто-то позаботится о животных. Я мог бы просто их выпустить, но этого нельзя делать. Они привыкли к людям и зависели от них. И без людей они бы погибли.

Я не думал о том, что буду делать, когда освобожусь от фермы. Поста ушел в лес. Я хорошо знал его. И не только лес, но и реку. Я вырос здесь. Это была дикая свободная жизнь, но вначале я загонял себя. Все время двигался, оставляя за собой мили. Но в конце концов мне стало легче, и я пошел не торопясь. У меня ни перед кем не было обязательств. Я мог делать, что хотел, и идти, куда хотел. В первый же год я встретил двух других молодых бродяг, похожих на меня. У нас получилась хорошая компания. Мы отправились далеко на юг и побродили там, потом вернулись

назад. Весной и летом бродили вдоль Огайо. Прекрасная местность. Но потом мы расстались. Я хотел идти на север, а они на юг. Я все чаще думал о том, что рассказывал мне дед об университете. Я был любопытен. Мне хотелось научиться читать и писать. В одном племени на юге — в Алабаме, может быть, хотя я и не уверен, — мне встретился человек, умевший читать. Он читал большей частью библию и молился. Я подумал: как хорошо уметь читать, не библию, конечно, но все остальное.

— Должно быть, действительно хорошая жизнь, — сказал Монти. — Ты наслаждался ею. Она помогла смягчить воспоминания.

— Да, хорошая, — кивнул Кашинг. — Теперь, думая о ней, я вспоминаю только приятное. Но не все в ней было приятным.

— И теперь ты снова хочешь вернуться к ней. Проверить, так ли она хороша, как воспоминания о ней. И, конечно, найти Место, откуда уходят к Звездам.

— Звездное Место, — сказал Кашинг. — Оно преследует меня с тех пор, как я нашел те записи Уилсона. Я все время спрашиваю себя, что это такое.

— Значит, ты уходишь?

— Да. Но я вернусь. Только отыщу Место или пойму, что его нельзя найти.

— Тебе нужно будет идти на запад. Ты бывал там? — Кашинг покачал отрицательно. — Это совсем не то, что леса, — сказал Монти.

— Через сто миль начинаются открытые прерии. Будь осторожен. Мы знаем, что там что-то происходит. Какой-то вождь объединил несколько племен, и они снялись с места. Я думаю, они пойдут на восток, хотя невозможно представить себе, что придет в голову кочевника.

— Я буду осторожен, — сказал Кашинг.

5

Исследовательская группа катила вдоль бульвара, как делала это каждое утро. Это время размышления, проверки и классификации всего узнанного за предыдущий день.

Небо ясное, ни облачка; когда взойдет звезда, будет еще один жаркий день. Кроме птиц, недовольно кричащих в тощих деревьях, и маленьких грызунов, пробегающих в траве, ничего не двигалось. В щелях мостовой росла трава. Густой кустарник скрывал поблекшие от времени статуи и бездействующие фонтаны. За статуями и фонтанами башнями высились огромные здания.

— Я тщательно обдумал ситуацию, — сказал *N1*, — но не могу проникнуть в логику Древнего и Почтенного, когда он говорит, что сохраняет надежду. По всем критериям, которые установлены нами за тысячелетия галактических исследований, господствующая раса этой планеты регрессирует без надежды на улучшение. Подобный процесс мы наблюдаем повсеместно. Они создали цивилизацию, не понимая ее скрытых течений, которые и привели к гибели. И все

же Д. и П. настаивает, что это всего лишь временный регресс. Он говорит, что в истории этой расы было много таких отступлений, и каждый раз она выходила из них с новыми силами. Я иногда думаю, что его мышление искажено верностью, которую он испытывает к этой самобытной расе. Конечно, можно понять его безграничную веру в эти существа, но очевидность свидетельствует, что его вера ошибочна. Либо его мышление серьезно страдает, либо он наивен превыше нашего понимания. *N2*, глядевший в небо, частью глаз осмотрел свое гладкое тело и с некоторым недоверием уставился на товарища.

— Удивляюсь тебе, — сказал он. — Ты или шутишь, или чем-то сильно взволнован. Д.и П. честен и далеко не наивен. Учитывая все нам известное, мы должны признать его искренним. Более вероятно, что он обладает каким-то знанием, которое он предпочел не сообщить нам, возможно, подсознательным знанием, которое мы, несмотря на все наши исследования, не сумели обнаружить. Мы, должно быть, ошиблись в своей оценке этой расы…

— Я думаю, — сказал *N1*, — что это не очень вероятно. Ситуация вполне укладывается в классическую схему, которую мы уже много раз

наблюдали. Конечно, есть некоторые отклонения, но общий рисунок безошибочен. Мы, вне всякого сомнения, наблюдаем на этой планете классический конец классической ситуации. Раса вступила в период окончательного упадка и никогда не сможет снова подняться.

— Я согласился бы с тобой, — сказал *N2 задумчиво*, — но у меня есть сомнения. Теперь я склонен считать, что существуют и какие-то скрытые факторы, не обнаруженные нами, или, что еще хуже, факторы, которые мы обнаружили, но не придали им значения, считая их лишь вторичными.

— Мы уже знаем ответ, — упрямо заявил *N1*, — и давно уже должны были бы уйти отсюда. Мы зря тратим время. Этот случай лишь немногим отличается от множества других, собранных нами. Что тебя так беспокоит?

— Во-первых, роботы, — сказал *N2*. — Достаточное ли внимание мы им уделили или же слишком быстро списали их? Списав их слишком быстро, мы могли недооценить их значения и влияния на ситуацию. Потому что они, в некотором смысле, продолжение создавшей их расы. И, возможно, немаловажное продолжение. Может быть, они не играли, как мы предположили, заранее запрограммированную и теперь бессмысленную

роль. Мы не смогли извлечь никакого смысла из разговоров с ними, но…

— Мы в сущности и не разговаривали с ними, — заметил *N1*. — Они обрушились на нас, пытаясь рассказывать свои бессмысленные истории. В их сообщениях нет смысла. Мы не знаем, можно ли им верить. Все это болтовня. И мы должны отдавать себе отчет в том, что это всего лишь роботы. Машины, и весьма неуклюжие машины. И как таковые, они лишь воплощенный симптом упадка, который характерен для всех технологических обществ. Они глупы и, что еще хуже, высокомерны. Из всех возможных комбинаций глупость и высокомерие хуже всего.

— Ты слишком обобщаешь, — возразил *N2*. — Многое из того, что ты говоришь, верно, но существуют же исключения. Древний и Почтенный не высокомерен и не глуп, и хотя он сложнее остальных, он все же робот.

— Согласен, что Д. и П. не высокомерен и не глуп, — сказал *N1*. — Он, вне всякого сомнения, отполированный джентльмен с прекрасными манерами, и все же в нем много неразумного. Он любит туманные рассуждения, основанные на беспочвенных надеждах, не подкрепленных очевидностью. Они даже противоречат очевид-

ности. Мы хорошо подготовленные наблюдатели с большим опытом. Мы существуем гораздо дольше, чем Д. и П., и все это время мы придерживались принципа строгой объективности, совершенно чуждого Д. и П. с его разговорами о вере и надежде.

— Я полагаю, что пора прекратить наш спор, — сказал *N2*. — Мы скатились к перебранке, которая ни к чему не приведет. Печально, что после долгой совместной работы мы все еще можем впадать в такое состояние. Я считаю это предупреждением: в данном случае что-то неладно. Мы еще не достигли стадии совершенства и должны продолжить исследование.

— Я не согласен с тобой, — возразил *N1*, — но в том, что ты сказал о бесполезности дальнейшего спора, несомненная истина. Давай же насладимся нашей утренней прогулкой.

6

Кашинг переплыл реку, используя примитивный плот для перевозки лука и колчана. Плывя, он держался за плот. Он вошел в воду прямо у университета и позволил быстрому течению нести себя вниз, рассчитав, что коснется противоположного берега как раз в том месте, где стена утесов разрезается ручьем-притоком. Долина ручья давала ему возможность легко добраться до южных границ города. Он не бывал в этой части города раньше и гадал, что он там увидит, хотя в глубине души был уверен, что ничего особо интересного не найдет — лабиринт старых зданий, разрушенных или полуразрушенных, остатки древних улиц, где до сих пор еще сохранившееся твердое покрытие препятствовало растительности.

Позже взойдет луна, но пока землю покрывала тьма. Река шумела, звезды отражались в ее течении множеством блестящих полосок, но здесь, под деревьями, которые росли у устья ручья, в том месте, где Том вышел на берег, отраженного звездного света не было видно.

Он взял с плота колчан и лук, надел на спину небольшой мешок и осторожно толкнул плот в воду. Присев на корточки, он смотрел, как плот поглотила тьма. Течение унесет плот на середину главного потока и никто не узнает, что кто-то под покровом ночи пересек реку.

Когда плот исчез, Кашинг продолжал сидеть, внимательно прислушиваясь. Где-то к северу через равные промежутки лаяла собака — без всякого возбуждения, как бы выполняя свой долг. На том берегу ручья в кустах что-то осторожно, но целенаправленно двигалось. Кашинг знал, что это не человек, а животное. Вероятнее всего, енот спустился с утесов, чтобы половить рыбу. Над головой жужжали комары, но Том на них не обращал внимания. За много дней на картофельном поле он привык к комарам. Они, со своим высоким злым гудением, всего только помеха.

Довольный, что ему удалось перебраться незаметно, он встал и, пройдя по полосе гальки, вошел в ручей. Вода была не выше колен. Он пошел вверх по течению, шагая осторожно, чтобы не попасть в омут.

Глаза его теперь привыкли к темноте, и он различал более темные стволы деревьев и слабый блеск быстро бегущей воды. Том не торопился. Он

старался двигаться бесшумно. Время от времени ему приходилось нагибаться или отводить в сторону низко нависавшие ветви.

Примерно в миле от устья ручья он увидел развалины старого каменного моста. И, поднявшись на него, он вышел на улицу. Под подошвами мокасин он ощутил твердую поверхность мостовой, теперь покрытую травой и ползучим шиповником. На севере продолжала лаять собака, с юга и запада ей отвечали другие. Справа в кустах тревожно пискнула чем-то испуганная птица. Сквозь вершины деревьев на востоке Кашинг увидел бледный свет восходящей луны.

Он пошел на север и по первой же пересекающей улице повернул налево, на запад. Он сомневался, что сумеет до утра миновать город, но хотел пройти как можно больше.

Задолго до рассвета нужно будет найти убежище, где можно будет переждать день.

Кашинг удивился, обнаружив, что его наполняет странное радостное чувство. Свобода, подумал он. Неужели свобода — после многих лет — привела его в такое настроение? Неужели такое же чувство испытывали древние американские охотники, когда отрясали от своих ног прах последних восточных поселков? Неужели

это чувство испытывал древний горец, такой же мифический, как и эти охотники, когда направлялся к бобровому ручью? И астронавты, направлявшие заостренные носы своих кораблей к отдаленным звездам? Если, конечно, они существовали, эти астронавты.

Двигаясь вперед, он временами различал меж деревьев по сторонам темные корпуса. Когда луна поднялась выше, он увидел, что это остатки зданий. Некоторые сохранили и форму домов, другие превратились в груды обломков. Том знал, что движется по жилому району, и пытался вообразить себе, каким был этот район раньше — улицы, обрамленные деревьями, с новыми домами посреди зеленых лужаек. И люди на улицах — вот здесь врач, наискосок адвокат, немного ниже владелец галантерейного магазина… Дети и собаки играют на лужайках, почтальон движется по ежедневному маршруту, у обочины стоит автомобиль. Том пожал плечами, гадая, насколько близко его представление к реальности. В старых журналах, которые он читал, были картинки с такими улицами, но, может быть, они совсем не отвечали действительности.

Луна светила ярче, и теперь он смог разглядеть, что улица сплошь заросла кустарником, сквозь

который извивается узкая тропа. Оленья тропа, подумал он. А может, ее используют и люди? Если так, то ему следует сойти с тропы. Он подумал и решил остаться. Тут легче идти; по обе стороны от тропы густая растительность, развалины и ямы сильно замедлили бы его продвижение.

Зацепившись за что-то ногой, он потерял равновесие. Падая, ощутил, как что-то слегка царапнуло его щеку. Сзади послышался глухой удар. Упав среди шиповника, Том быстро повернулся и увидел оперенное древко стрелы, торчащее из ствола дерева рядом с тропой. Ловушка, и я попал в нее, клянусь Христом. Несколько дюймов в сторону, и стрела торчала бы в его горле. Шнурок поперек тропы спускал натянутую тетиву лука, стрела удерживалась на тетиве колышком. Испуг сменился холодной яростью. Ловушка на кого? На оленя или человека? Нужно подождать здесь до утра, пока устроитель не придет за жертвой, и тогда всадить в него стрелу, чтобы он никогда не мог проделать это снова. Но на это нет времени: к утру он должен быть далеко отсюда.

Кашинг поднялся из шиповника и пошел по улице, продираясь сквозь густые заросли. Здесь идти было гораздо труднее. Под деревьями темно, лунный свет закрыт густой листвой, и, как он и

ожидал, встречалось много препятствий.

Потом он услышал звук, который заставил его замереть. Напряженно прислушиваясь, он ждал повторения звука. Услышав его снова, он понял, что не ошибся — это барабан. Том еще подождал — звук донесся снова, на этот раз громче и отчетливее. Наступила тишина, и снова барабанная дробь, на этот раз не одинокая. Звучало много барабанов, отчетливо слышался направляющий ритм большого барабана.

Кашинг задумался. Выбрав южный район города, он считал, что сумеет избежать лагеря племен. Хотя глупо было так думать. Никогда не знаешь, где можно встретить лагерь. Племена, оставаясь в пригородах, все время перемещались. Когда окрестности лагеря становились слишком загрязненными, племя перемещалось на несколько улиц.

Барабанная дробь набирала силу. Том рассчитал, что барабаны звучат впереди и немного к северу от него. Что-то грандиозное происходит там во тьме. Праздник, может, годовщина какого-нибудь важного для племени события. Он снова двинулся. Нужно убираться отсюда, не обращая внимания на барабаны, и продолжать путь.

По мере того, как он двигался, звук барабанов

становился громче. Теперь в нем звучала леденящая кровь жестокость. Вслушиваясь, Кашинг вздрогнул. И все же было в этом звуке какое-то очарование. Время от времени сквозь барабанный бой пробивались крики, лай собак.

Примерно через милю он увидел на северо-западном участке неба отражение пламени костров.

Он остановился, чтобы лучше обдумать ситуацию. Событие происходит совсем недалеко, за холмом справа, гораздо ближе, чем он сначала решил. Может, стоит свернуть на юг, чтобы уйти подальше. Там могли быть часовые, и ему совсем не хотелось с ними столкнуться.

Но он не двигался. Стоял, прижавшись к дереву спиной, смотрел на холм, слушал барабаны и крики. Может, следует узнать, что происходит за холмом. На это не потребуется много времени. Он скользнул по холму вверх: он бросит взгляд на происходящее и продолжит свой путь. Никто его не увидит. Он будет остерегаться часовых. Луна, конечно, светит, но здесь, под тяжелым покровом листвы, ее свет почти незаметен.

Том двинулся вверх по холму, пригнувшись, иногда ползком, выбирая тени погуще, следя за малейшим движением. Нависающие ветви легко

скользили по его кожаной куртке.

Монти говорил, что на западе что-то назревает. Какое то кочевое племя внезапно охвачено жаждой завоеваний и, вероятно, движется на восток. Может быть, городские племена заметили это движение и теперь доводят себя до состояния воинственной ярости?

Когда он приблизился к вершине холма, он стал еще осторожнее. Переползая от одной тени к другой, он внимательно рассматривал место впереди, прежде чем сделать следующий шаг. Шум за холмом усилился. Гремели барабаны, крики не прекращались. Возбужденно лаяли псы.

Он наконец достиг вершины и увидел внизу, в чашеобразной долине, кольцо огней и пляшущие кричащие фигуры. В центре огненного круга возвышалась сверкающая пирамида, отражавшая дрожащий отблеск костров.

Пирамида из черепов, подумал он, из полированных человеческих черепов. Но тут же понял, что ошибается. Он смотрел на черепа давно умерших роботов, на блестящие головные кожухи роботов, чьи тела много столетий назад превратились в ржавчину.

Уилсон писал о таких пирамидах. Он размышлял о том, что они символизируют.

Том прижался к земле, чувствуя, как начинает дрожать. Он почти не обращал внимания на прыгающие кричащие фигуры, глядя только на пирамиду. Ее варварский блеск заставлял его дрожать; он начал осторожно отползать, подгоняемый растущим страхом.

У подножья холма он встал и двинулся на юго-запад, соблюдая осторожность, но торопясь. Постепенно крики и барабанная дробь смолкли, пока не превратились в отдаленное гудение. Том продолжал подгонять себя.

При первых признаках рассвета он отыскал убежище на день. Это была старая усадьба, стоявшая особняком на участке, окруженном чудом уцелевшей металлической изгородью. Посмотрев на восток, Кашинг попытался определить, где находится племя, и увидел лишь тонкую струйку дыма. Кирпичный дом был так плотно закрыт деревьями, что Том разглядел его, лишь пробравшись через пролом в изгороди. На крыше виднелись дымовые трубы, вдоль фасада шел полуобвалившийся портик. Виднелось еще несколько небольших кирпичных сооружений, полускрытых деревьями. Все заросло травой. Но кое-где виднелись заросли многолетних цветов, намного переживших хозяев дома.

Том в первых лучах рассвета осмотрел окрестности. Никаких следов недавних посетителей. Ни тропинок, ни примятой травы. Должно быть, много столетий назад дом разграбили, и больше не было причин заходить сюда.

Он не стал подходить к дому, удовлетворившись осмотром из-под прикрытия деревьев. Потом увидел густые заросли сирени. На четвереньках прополз в глубину и в центре обнаружил место, где можно было лежать.

Том сел, прижавшись спиной к переплетению стволов. Листва поглотила его. Увидеть здесь его было невозможно. Сняв колчан, он вместе с луком положил его в сторону, потом снял и развязал мешок. Достал сушеное мясо и отрезал кусок. Оно было жесткое и почти безвкусное, но это прекрасная еда в пути. Весит мало и хорошо поддерживает силы — первосортная говядина, высушенная до такого состояния, что в ней совсем не осталось влаги. Он жевал мясо и чувствовал, как отступает напряжение, словно в землю уходит. Том расслабился. Здесь его дневное убежище. Худшее позади. Он пересек город.

Том видел опасности города и миновал их незамеченным. Но, поразмыслив, он понял, что обманывает себя. Настоящей опасности не было.

Ловушка — это случайность. Она предназначалась для медведя или оленя, и он лишь слепо шагнул в нее; сам виноват. Во враждебной неизвестной земле нельзя ходить по тропам. Нужно идти по бездорожью, в худшем случае параллельно тропам, и держать глаза и уши открытыми. Три года лесной жизни научили его этому, и он должен был помнить. Том предупредил себя, что больше не должен забывать. Годы в университете приучили его к обманчивой безопасности, изменили его образ мышления. Если он хочет выжить, то должен вернуться к старым привычкам.

Его желание взглянуть на праздник племени — чистейшая глупость. И, говоря себе, что нужно посмотреть, что там происходит, он обманывал себя. Он действовал импульсивно, а человек, путешествующий в одиночку, никогда не должен поддаваться импульсам. И что же он узнал? Что племя или группа племен справляет какой-то праздник. Это и еще подтверждение сведений Уилсона о пирамидах из кожухов роботов.

Думая об этих головных кожухах, он вновь ощутил невольную дрожь. С чего бы это, подумал он. Почему глядя на них, испытываешь такое чувство?

Птицы начали свои утренние песни. Легкий

ветерок с рассветом замер, ни один лист не шевелился. Том кончил есть и завязал мешок. Вытянулся на земле и уснул.

7

Когда Том в полдень выбрался из зарослей сирени, она ждала его. Стояла прямо перед туннелем, который он проделал накануне, и первое, что он увидел, были две голые ноги на траве. Грязные ноги, покрытые засохшей землей, ногти обломаны. Том замер, медленно поднимая взгляд. Изношенное грязное платье, лицо, полускрытое спутанной массой серых волос. Глаза, в которых блестит смех, густая сеть морщин в углах глаз. Рот изогнут, губы плотно сжаты, как будто в попытке сдержать приступ веселья. Он глупо смотрел на нее, болезненно изогнувшись.

Заметив, что он ее увидел, она хихикнула.

— Ага, парень, я тебя поймала! — закричала она. — Вот ты и выполз к моим ногам. Я давно поймала тебя, но ждала, чтобы не помешать тебе спать.

Он продолжал молча смотреть на нее, чувствуя жгучий стыд оттого, что его выследила старая карга, которая теперь несет чушь. Но он видел, что она одна; кроме нее, никого не было.

— Ну, выходи, — продолжала она. — Встань, дай

взглянуть на твое великолепие. Не часто старая Мэг может посмотреть на такого мальчика.

Он вытолкнул из туннеля лук, колчан и мешок и выбрался сам.

— Только посмотрите на него, — хихикала она. — Ну, разве не красавец? Его кожаные штаны блестят. Ему стыдно, что я поймала его в мою маленькую ловушку. Ты, конечно, думал, что тебя никто не видит, когда пробирался утром. Хотя не могу сказать, что видела тебя, я просто тебя почуяла. Как я чую других, когда они бродят вокруг. Впрочем, ты проделал это лучше других. Ты хорошо прятался. Но уж тогда я поняла, что на тебе знак.

— Заткнись! — грубо сказал он. — Что это за знак? И как ты меня почувствовала?

— Ах, какой он умный! И как хорошо говорит! Как хорошо подбирает слова! «Почувствовала». Да, это слово получше. До этого дня я тебя не видела, но знала, что ты здесь, что спишь весь длинный день. Ага, нельзя одурачить старуху.

— Знак? — спросил он. — Что за знак? Нет у меня никаких знаков.

— Знак величия, дорогой. Что еще может быть на таком красивом любителе приключений?

Он гневно поднял мешок и надел на плечо.

— Если тебе хочется посмеяться надо мной, я лучше пойду.

Она взяла его за руку.

— Не так быстро, сынок. Ты говоришь с Мэг, ведьмой с вершины холма. Я могу тебе помочь, если захочу, а я думаю, что хочу этого, потому что ты красивый мальчик с добрым сердцем. Я чувствую, что тебе понадобится помощь, и надеюсь, ты не будешь слишком горд и попросишь о ней. Моя власть, может быть, мала; иногда я начинаю сомневаться, на самом ли деле я ведьма, хотя так считают многие. Ну, а раз так, я требую хорошую плату за свою работу, иначе меня будут считать слабосильной ведьмой. Но для тебя, парень, платы вообще не будет: ты беднее церковной крысы и ничем не сможешь заплатить.

— Ты очень добра, — сказал Кашинг. — Особенно если учесть, что я не просил о помощи.

— Только послушайте, какой он гордый и высокомерный! Он спрашивает себя, что может для него сделать такая старая карга… Совсем не старая, сынок, я средних лет. И хоть не такая красивая, как раньше, но все же. Конечно, на сеновале со мной уже не поваляешься, но пригодиться еще могу. Должна же молодежь кое-чему учиться у старших и опытных. Но вижу, не это

тебя интересует.

— Да, не совсем, — согласился Кашинг.

— Тогда, может, лучше подкрепиться? Окажи Мэг честь и посиди за ее столом. Если уже тебе нужно идти, хорошо начинать путешествие с полным животом. И я по-прежнему чувствую в тебе величие. Мне хотелось бы больше узнать о нем.

— Во мне нет величия, — возразил он. — Я просто лесной бродяга.

— Нет, есть. Или знак величия. Я знаю его. Почувствовала с раннего утра. Что-то в твоем черепе.

— Послушай, — отчаянно сказал он, — я лесной бродяга, вот и все. Позволь мне уйти…

Она крепче вцепилась в его руку.

— Нет, ты не можешь уйти. С тех пор, как я почувствовала тебя…

— Не понимаю, как это почувствовала. Ты учуяла мой запах? Прочла мысли? Люди не могут читать мысли. Но, погоди, а вдруг могут? Я кое-что читал…

— Сынок, ты умеешь читать?

— Конечно.

— Тогда ты, должно быть, из университета. Здесь, вне стен, мало кто сумеет прочесть хотя

бы слово. Что случилось, мой дорогой? Тебя выгнали?

— Нет, — кратко ответил Кашинг.

— Тогда, сынок, это больше, чем я надеялась. Хотя я всегда знала. В тебе большое возбуждение. Люди университета не уходят в мир, если не ожидаются большие события. Они теснятся в безопасности своих стен и пугаются тени…

— Я был жителем лесов до того, как пришел в университет. В университете я провел пять лет и теперь возвращаюсь в леса. Я выращивал картошку.

— Какой храбрец! Отбросил мотыгу, схватил лук и марш на запад, против надвигающихся орд. Или ты ищешь что-то настолько важное, что можно не обращать внимания на завоевателей?

— То, что я ищу, возможно, всего лишь легенда, пустые разговоры. Но что это ты говоришь об ордах?

— Ты, конечно, не знаешь. За рекой в университете вы сидите за своей стеной, бормочете о прошлом и не замечаете того, что происходит вокруг.

— Мы в университете знаем, что идут толки о завоевателях.

— Это не просто толки. Их волна приближается

и все растет. Нацелена на этот город. Иначе к чему бы этот барабанный бой прошлой ночью?

— Эта мысль приходила мне в голову, — сказал Кашинг. — Но я, конечно, не был уверен.

— Я слежу за ними. И знаю, что при первом же их появлении должна убираться. Если они найдут старую Мэг, то вздернут ее на дереве. Или сожгут. Они не любят ведьм, и хотя сила моя слаба, мое имя им известно.

— Но ведь есть люди города, — сказал Кашинг. — Они твои посетители. Много лет ты им хорошо служила. Они защитят тебя.

Она сплюнула на землю.

— Ужасно смотреть на такое невежество… Они с удовольствием всадят мне нож под ребра. Меня ненавидят. Когда страх их или жадность становятся слишком велики, они приходят ко мне и скулят о помощи. Но лишь тогда, когда больше ничего не остается. Они считают недостойным иметь дело с ведьмой. Боятся и из-за этого страха ненавидят меня. Ненавидят даже тогда, когда просят о помощи.

— В таком случае тебе давно нужно было уйти.

— Что-то говорило мне, что я должна оставаться. Даже когда знала, что нужно уходить. Даже когда ясно было, что глупо не уходить. Я чего-то

ждала. Теперь я знаю, чего. Возможно, сила моя больше, чем мне казалось. Я ждала защитника и дождалась его.

— Иди к дьяволу!

Она выставила вперед подбородок.

— Я иду с тобой. Что бы ты ни говорил, я иду с тобой.

— Я отправляюсь на запад, — сказал Том Кашинг, — и ты не пойдешь со мной.

— Сначала мы двинемся на юг, — сказала она. — Я знаю дорогу. Покажу тебе, куда идти. На юг и потом вверх по реке. Так безопаснее. Орда будет держаться возвышенной местности. По речной долине труднее передвигаться, и они к ней не приблизятся.

— Я иду быстро и по ночам.

— Мэг знает заклинания. У нее есть сила, которую можно использовать. Она чувствует мысли других.

Он покачал головой.

— У меня есть лошадь, — сказала она. — И, конечно, не благородная кобыла, но хорошее животное и разумное и может нести все остальное необходимое.

— Все необходимое я несу на спине.

— У меня приготовлено в путь мясо, мука, соль,

одеяла, «шпионское стекло».

— А что это такое?

— Шпионское стекло с двумя стволами.

— Бинокль?

— Оно очень старое. Один человек отдал мне его в качестве платы. Он очень боялся и пришел просить о помощи.

— Бинокль может пригодиться, — сказал Кашинг.

— Вот видишь. Я тебя не задержу. Я легка на ногу, а Энди — прекрасная лошадь. Он скользит так тихо, что никто и не заметит. К тому же благородный искатель легенд не покинет беззащитную женщину, да…

Он фыркнул:

— Беззащитную!

— Видишь, сынок, нам нельзя друг без друга. Ты со своей доблестью и старая Мэг со своей силой…

— Нет.

— Пойдем в дом. Там немного гречки, кувшин сорго и мясо. За едой ты расскажешь мне, что ищешь, и мы обдумаем наши планы.

— Я поем, — сказал он, — но ты ничего не выиграешь. Ты не пойдешь со мной.

8

Они выступили при свете восходящей луны. Кашинг шел впереди, раздумывая, как же это все-таки получилось, что он согласился взять Мэг с собой. Он говорил «нет», она говорила «да», и вот они идут вместе. Может, это колдовство? В таком случае неплохо иметь ее с собой. Если она и с другими сможет справиться, как с ним, все будет в порядке.

Но все же это неразумно. Один человек может проскользнуть незаметно. Но двум людям, да еще с лошадью это невозможно. Особенно с лошадью. Он знал, что должен был сказать: «Если хочешь идти со мной, лошадь нужно оставить». Но глядя на Энди, он не мог так сказать. Он не мог покинуть Энди, как не мог покинуть животных тогда, когда уходил со своей фермы.

Взглянув на Энди, он понял, что это хорошая лошадь, без всяких иллюзий на свой счет. Терпеливое животное, зависящее от доброты человека. Костлявое, но явно сильное.

Кашинг шел на юго-запад, в сторону долины Миннесоты, как советовала Мэг. Миннесота

— небольшая река, извивающаяся змеей меж низких утесов, чтобы влиться в Миссисипи немного южнее того места, где он накануне пересек большую реку. Долина Миннесоты густо заросла лесом, в ней легко укрыться, хотя следование за всеми извилинами реки намного удлинит путешествие.

Думая об этом, он гадал, куда же они направятся. Куда-то на запад — это все, что он знал. Но как далеко на запад и куда именно? К ближайшему плоскогорью, к подножию Скалистых гор или даже в великую южную пустыню? Они идут наугад, вслепую, и если поразмыслить как следует, то понимаешь, что решиться на такое — чистейшее безумие. Мэг, когда он рассказал ей о Месте, сказала, что слышала такую легенду, но не помнит когда и от кого. Но она не смеялась, она была слишком рада возможности уйти из города. Где-нибудь дальше в пути они, возможно, еще что-нибудь услышат. Если вообще существовало Место, откуда уходили к Звездам.

Но даже если оно существовало, что будет, когда они его найдут? Найдут свидетельства того, что некогда человек устремился к звездам. Что изменит это знание? И прекратят ли кочевники свои набеги и грабежи? Установят ли городские

племена постоянное правительство? Придут ли люди в университет в надежде на возрождение, на подъем из пропасти, в которую рухнул мир?

Он знал, что ничего подобного не произойдет. Он получит лишь удовлетворение от знания, что когда-то свыше тысячи лет назад люди покинули Солнечную систему и ушли в космос. Конечно, этим можно гордиться, но гордость — слишком мелкая монета в этом мире.

И все же, говорил он себе, повернуть назад нельзя. Он отправился в поиск почти импульсивно, руководствуясь скорее чувством, чем разумом, и хотя это может показаться бессмысленным, он должен идти. Он пытался понять, почему это так, и не находил ответа.

Взошла луна. Город остался сзади, они углубились в пригороды.

Справа виднелась наклонившаяся водонапорная башня; еще несколько лет — и она рухнет.

Кашинг остановился и подождал остальных. Энди ласково ткнулся мордой ему в грудь, тихонько дунул. Кашинг погладил его по голове, потянул за уши.

— Ты ему нравишься, — сказала Мэг, — а ему нравится далеко не всякий. Но он, как и я, разглядел на тебе знак.

— Забудь об этом знаке. У меня нет никакого знака. Что ты знаешь об этой местности? Продолжать ли идти дальше или свернуть на юг?

— На юг, — ответила она. — Чем быстрее мы доберемся до речной долины, тем это безопаснее для нас.

— Орда, о которой ты говорила, далеко ли она?

— В одном или двух днях пути. Городские разведчики обнаружили их неделю назад в ста милях к западу, они стягивали силы и готовились к выступлению. Вероятно, они движутся не торопясь.

— И они идут прямо с запада?

— Не знаю, сынок, но мне так кажется.

— Значит, у нас мало времени?

— Очень мало. Мы сможем легче вздохнуть, когда доберемся до речной долины.

Кашинг снова двинулся вперед, и двое пошли за ним.

Местность была пустынна. Изредка выскакивал из укрытия кролик и пробегал в лунном свете. Временами сонно вскрикивала в чаще потревоженная птица. Однажды с реки долетел крик енота.

Вдруг Энди фыркнул. Кашинг остановился. Лошадь услышала или увидела нечто достойное

внимания.

Тихо подошла Мэг.

— Что это, сынок? Энди что-то почуял. Ты что-нибудь видишь?

— Не шевелись, — ответил он. — Прижмись к земле. И не двигайся.

Казалось, все спокойно. Холмики, некогда бывшие домами. Заросли шиповника. Длинная линия деревьев, некогда обрамлявших бульвар.

Энди больше не издавал звуков.

Прямо перед ними посередине бывшей улицы торчал камень. Не очень большой, не выше пояса человека. Интересно, как он оказался на улице?

Мэг лежала на земле. Она коснулась ноги Тома и прошептала:

— Я что-то чувствую. Слабо и далеко.

— Как далеко?

— Не знаю. Далеко и слабо.

— Где?

— Прямо перед нами.

Они ждали. Энди переступил с ноги на ногу.

— Я боюсь, — сказала Мэг. — Оно не похоже на нас.

— Что?

— Не похоже на людей.

В речной долине снова закричал енот. Глаза

Кашинга болели от напряжения. Он старался уловить хоть малейшее движение.

Мэг прошептала:

— Это валун.

— Кто-то прячется за ним, — сказал Кашинг.

— Никто не прячется. Это камень. Он совсем другой.

Они ждали.

— Интересное место для камня, — сказал Кашинг. — Посреди улицы. Кто передвинул его сюда? И зачем?

— Камень живой, — сказала Мэг. — Он может сам двигаться.

— Камни не двигаются, — возразил он. — И кто-то должен передвигать их.

Она не ответила.

— Оставайся здесь, — сказал он.

Он положил лук, снял с пояса топорик и быстро пошел вперед. Остановился прямо перед камнем. Ничего не случилось. Он обошел камень. За ним никого не было. Том коснулся камня. Он был теплее, чем должен быть. Солнце село уже несколько часов назад, и теперь камень уже должен был отдать все тепло. Но он был все еще слегка теплый. Теплый и гладкий, скользкий на ощупь. Как будто кто-то отполировал его.

Энди двинулся вперед. Мэг — за ним.

— Он теплый, — сказал Кашинг.

— Он живой, — заметила Мэг. — Это живой камень. Или вообще не камень, а что-то похожее на камень.

— Мне это не нравится, — сказал Кашинг. — Похоже на колдовство.

— Нет. Что-то совсем другое. Ужасное. Такое, чего не должно быть. Не человеческое, вообще чужое. Замороженная память. Так я это чувствую. Замороженная память, такая старая, что вся застыла. Не могу сказать, что это такое.

Кашинг осмотрелся. Все было спокойно. И лишь деревья рисовались на фоне неба в свете луны. Сверкало множество звезд. Он попытался подавить поднимавшийся в нем ужас.

— Ты когда-нибудь слышала о чем-нибудь подобном? — спросил он.

— Никогда, сынок. Никогда в жизни.

— Идем отсюда.

9

Смерч, пронесшийся над долиной, должно быть, весной, проделал полосу среди деревьев, росших между речным берегом и утесами. Лесные великаны лежали грудой, вырванные с корнем. На многих ветвях виднелись засохшие листья.

— Здесь мы будем в безопасности, — сказал Кашинг. — Каждый, кто идет с запада, должен обойти этот завал.

Раздвигая ветви, они сделали проход для Энди и отыскали небольшое место, где можно было лечь и где было достаточно травы.

Кашинг указал на берлогу, образованную вырванными корнями гигантского черного дуба.

— Отсюда мы увидим, если кто-нибудь будет бродить вокруг.

Мэг сказала:

— Я приготовлю для тебя завтрак, сынок. Чего ты хочешь? Может, поджарить хлеба с мясом?

— Еще нет, — сказал он. — Пока не нужно… Мы должны быть осторожными с огнем. Только сухие ветви, чтобы не было дыма, и небольшой огонь. Я позабочусь об этом, вернувшись. Не разжигай

костра сама. Я хочу быть уверен. Кто-нибудь может увидеть дым и явится посмотреть.

— А куда ты идешь, сынок?

— На утес. Хочу осмотреться. Может, кто-нибудь бродит поблизости.

— Возьми с собой «шпионское стекло».

На вершине холма он осмотрел расстилающуюся перед ним прерию, испещренную кое-где группами деревьев. Далеко к северу некогда была ферма — несколько строений в роще. От зданий мало что осталось. В бинокль он смог рассмотреть то, что когда-то было амбаром. Часть его крыши обвалилась, но стены уцелели. Дальше лишь небольшие возвышения обозначали места, где стояли другие, менее прочные сооружения. Сидя за кустом, который должен был укрыть его от случайного наблюдателя, он методично и терпеливо рассматривал прерию, двигая биноклем с запада на восток.

Маленькое стадо оленей паслось на восточном склоне небольшого возвышения. Барсук сидел у входа в свою нору. Лиса осматривала местность в поисках добычи.

Кашинг продолжал наблюдать. Он говорил себе, что торопиться не следует: нужно быть уверенным, что здесь никого, кроме животных, нет.

Он снова взглянул на запад и медленно двинул бинокль на восток. Олени на месте, но барсук исчез. Вероятно, ушел в нору. Не видно и лисы.

Краем глаза он уловил какое-то движение. Осторожно поворачивая бинокль, увидел, что это отряд всадников. Он попытался сосчитать их, но они были слишком далеко. Они двигались, отклоняясь на юго-восток. Он продолжал смотреть. Наконец он смог пересчитать их. Девятнадцать или двадцать, он не был уверен. В шкурах и коже, со щитами и копьями. Их маленькие коротко-шерстые лошади шли устойчивым галопом.

Итак, Мэг была права. Движется орда. И это, вероятно, всего лишь фланговый разведывательный отряд главной массы, которая находится дальше к северу.

Кашинг внимательно следил за всадниками, пока они не исчезли из вида, потом снова осмотрел прерию. Никого не видно. Удовлетворенный, он сунул бинокль в чехол и начал спускаться. Он знал, что возможны другие небольшие отряды, но следить за ними нет смысла.

Мэг, видимо, права: они идут по прерии, направляясь к городу, и не заходят в речную долину.

На полпути вниз он услышал голос, доносящийся из гущи поваленных деревьев.

— Друг. — Негромко, но отчетливо.

При этом звуке Том замер и быстро огляделся.

— Друг, — повторил голос, — найдешь ли ты в своем сердце сочувствие к несчастному?

Ловушка? Кашинг быстро достал из колчана стрелу.

— Не бойся, — снова послышался голос. — Даже если бы захотел, я не смог бы принести вреда. Меня прижало деревом, и я был бы благодарен за помощь.

Кашинг колебался.

— Где ты?

— Справа от тебя. На краю упавших деревьев. Я вижу тебя отсюда. Если нагнешься, ты тоже увидишь меня.

Кашинг отложил стрелу и присел на корточки, вглядываясь в путаницу стволов. На него смотрело лицо, и при виде его Том затаил дыхание от удивления. Он никогда и ничего подобного не видел. Лицо, похожее на череп, сделанное из твердых пластин и сияющее в лучах солнца, пробивающихся через ветви.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Ролло, робот.

— Ролло? Робот? Не может быть. Роботов больше нет.

— Я есть, — ответил Ролло. — Я не удивился бы, узнав, что я последний.

— Но если ты робот, что ты здесь делаешь?

— Я уже сказал. Меня прижало деревом. И дерево, к счастью, небольшое, но я не могу из-под него выбраться. У меня зажата нога. Я пытался подкопать землю, чтобы освободить ногу, но это тоже невозможно. Подо мной скала, я не могу повернуться, чтобы приподнять дерево. Я все перепробовал, но ничего не смог сделать.

Кашинг наклонился и нырнул под нависающие ветви. Добравшись до упавшего робота, он присел на корточки, чтобы осмотреться.

Он вспомнил, что в журналах, которые попадались ему в библиотеке, были и рисунки роботов — рисунки, сделанные раньше, чем появились сами роботы. На них изображались большие неуклюжие металлические люди, которые, несомненно, страшно гремели при ходьбе. Ролло не походил на них. Он был строен. Плечи широкие, голова казалась несоразмерно большой, узкая талия слегка расширялась к ногам. Ноги стройные и аккуратные. Глядя на них, Кашинг подумал о стройных ногах оленя. Одна нога была зажата под огромной ветвью клена, отколовшейся от упавшего дерева. Ветвь была толще фута в диаметре.

Ролло видел, что Кашинг смотрит на ветку.

— Я мог бы приподнять ее и освободить ногу, — сказал он, — но не могу повернуться, чтобы ухватить ее.

— Посмотрим, что можно сделать, — сказал Кашинг.

Он прополз вперед на четвереньках, просунул руку под ветвь.

— Может, я смогу приподнять ее, — предположил он. — Я дам тебе знать, когда буду готов. Тогда попытайся выдернуть ногу.

Кашинг подполз ближе, уперся, наклонился и сунул обе руки под ветвь.

— Давай! — сказал он. Напрягшись, он почувствовал, как дрогнула ветвь.

— Все, — сказал Ролло.

Кашинг осторожно разжал руки и выпустил ветвь.

Ролло сидел рядом с ним. Он достал из-под груды листьев кожаный мешок, порылся вокруг и извлек копье с железным наконечником.

— Не мог дотянуться раньше, — пояснил он Тому. — Когда упала ветвь, они вылетели у меня из рук.

— Все в порядке? — спросил Кашинг.

— Конечно, — ответил робот. Он сидел, осмат-

ривая попавшую в ловушку ногу.

— Даже не поцарапана, — сказал он. — Прочный металл.

— Не расскажешь ли, как попал в эту историю?

— Я шел тут и попал в бурю. Я не слишком беспокоился. Дождь мне не повредит. И тут торнадо. Я услышал его приближение и попытался убежать. Думаю, что вбежал прямо в центр торнадо. А вокруг падали деревья. Меня подняло в воздух, потом бросило вниз… Когда я упал, на меня обрушилась эта ветвь. Буря прошла, но я не мог двигаться. Вначале я решил, что это лишь небольшое неудобство. Я был уверен, что смогу высвободиться. Но, как видишь, не смог.

— Давно ли это случилось?

— Могу ответить точно. Я вел счет. Восемьдесят семь дней. Меня беспокоила ржавчина. У меня в мешке медвежий жир…

— Медвежий жир?

— Конечно. Убиваешь медведя, разводишь костер и вытапливаешь жир. Пойдет любой жир, но лучше всего медвежий. Где еще теперь можно достать жир? Только у животных. Когда-то мы использовали нефтепродукты, но их нет уже много столетий. Животный мир не очень хорош, но свою задачу выполняет. Приходится

заботиться о таком теле, как мое. Нельзя давать волю ржавчине. Металл превосходный, но даже он подвержен коррозии. Восемьдесят семь дней — это не очень много, но если бы не ты, у меня были бы большие неприятности. Я думал, что со временем дерево истлеет и я освобожусь, но на это потребовалось бы несколько лет.

Было, конечно, скучно. Все время смотреть на одно и то же. Не с кем поговорить. Много лет около меня вилась Дрожащая Змея. Ничего не делала, конечно, но все время вертелась вокруг, как будто играла. Но когда меня зажало, Дрожащая исчезла, и я ее больше не видел. Если бы она оставалась со мной, у меня было бы хоть какое-то подобие компании, нечто, на что можно посмотреть.

Я мог бы разговаривать с нею. Она, конечно, не отвечала, но я много с ней говорил. С нею можно было говорить. Но как только меня зажало, она ускользнула, и с тех пор я ее не видел.

— Что это за Дрожащая Змея? — спросил Кашинг.

— Не знаю, — ответил Ролло. — Похоже, что только я ее и видел. Никогда не слышал от других. Это всего лишь сияние. Не ходит и не бежит, просто дрожит в воздухе, мерцает искрами. В солнечном свете ее с трудом можно различить,

но в темноте она хорошо видна. Никакой постоянной формы. Всего лишь сверкающий пузырь, танцующий в воздухе.

— И ты не знаешь, откуда она? И почему висела над тобой?

— Иногда я думал, что это мой друг, — сказал Ролло. — Говорю тебе: я, вероятно, последний робот и мне очень не хватало друзей. Большинство людей, увидев меня, думают лишь о возможности добыть еще один головной кожух. А тебе ведь не хочется добраться до моего кожуха?

— Вовсе нет, — сказал Кашинг.

— Это хорошо. Я должен предупредить тебя, что в противном случае вынужден был бы убить тебя. Может, ты не знаешь, но роботы были наделены запретом на убийство и на любой вид насилия. Этот запрет был вложен в нас. Поэтому-то и не осталось уже роботов. Они позволяли убивать себя и не могли даже руки поднять, чтобы защититься. Либо их съела ржавчина. Даже если у них был запас смазки, его не хватило надолго, и когда он кончался, они не могли добыть нового. Так они ржавели и исчезали. Оставались лишь кожухи, прикрывающие наши мозги. Они не подвержены коррозии. Спустя много лет кто-нибудь находил очередной кожух и подбирал его.

Ну, когда мой небольшой запас смазки кончился, я посоветовался с самим собой, сказав себе, что эта глупая инструкция, запрещающая роботам насилие, была, может быть, и хороша при старом порядке, но при новом она не имеет смысла. Я понял, что могу добыть жир животного, если только смогу заставить себя убить его. Под угрозой собственной гибели я решил нарушить запрет и убить медведя, потому что знал, что медведи полны жира, но сделать это было нелегко. Я изготовил копье и учился владеть им, потом отправился на поиски медведя. Как ты можешь догадаться, я потерпел неудачу. Не смог. И, наверное, никогда не смог бы. К этому времени я совсем пал духом. На моем теле появилось несколько пятен ржавчины, и я знал, что это начало конца. Я уже собрался сдаться, когда однажды в горах встретился с большим гризли. Не знаю, что с ним было. Что-то его сильно рассердило. Я часто думаю, что бы это могло быть. Может, у него болели зубы. Или заноза в пятке. Не знаю. Может, при виде меня он вспомнил какого-нибудь врага. Но он сразу бросился на меня, разинув пасть, с ревом протягивая ко мне огромные лапы. Думаю, что если бы у меня было время, я убежал бы. Но на это у меня не оказалось ни времени, ни места. И вот

в тот момент, когда он навалился на меня, мой испуг сменился гневом. Вероятно, на самом деле это было отчаяние, а не гнев. Я подумал: «Ты, сын шлюхи, собираешься расчленить меня! Так нет же! Я и сам расчленю тебя!»

Я плохо помню дальнейшее. Я лишь помню, как протянул копье ему навстречу. После этого все скрылось в тумане. Когда мозг мой прояснился, я стоял, покрытый кровью, медведь лежал на земле, а из его горла торчало мое копье.

Запрет кончился. Убив один раз, я смог убивать еще. Я вытопил жир из старого гризли и разыскал песчаный ручей. Несколько дней я провел там, протирая песком ржавые места и смазывая себя жиром. С тех пор я всегда смазываю себя. Запас жира у меня не выходит. Тут много медведей.

Но я до сих пор не спросил, кто ты. Конечно, если ты хочешь сказать. Многие не хотят говорить, кто они. Но ты пришел один и спас меня, а я не знаю, кого благодарить.

— Я Том Кашинг. И не нужно благодарить. Пойдем отсюда. Тут поблизости лагерь. Ты захватил все свое?

— У меня только мешок и копье. Есть еще нож, но он по-прежнему в ножнах.

— Теперь, когда ты свободен, что ты собира-

ешься делать?

— У меня нет никаких планов. И не было никогда. Я просто брожу без всякой цели. Иногда это меня беспокоит — отсутствие цели. Если бы мне указали цель, я бы с благодарностью принял ее. Может, ты разделишь со мной свою цель, друг? Я перед тобой в долгу.

— Ты ничего мне не должен, — сказал Кашинг, — но цель у меня есть. Можем поговорить об этом.

10

Деревья окружали плоскую вершину большого холма, вглядываясь в ночь, как смотрели много столетий, в холод и жару, в дождь и сушь, днем и ночью, летом и холодной зимой. Над восточным горизонтом взошло солнце, и его теплые лучи коснулись деревьев. Деревья в священном экстазе и благодарности приняли тепло и свет, которые они чувствовали с тех пор, как много лет назад появились их первые ростки, чтобы выполнять задачу.

Они воспринимали тепло и свет, впитывали и усваивали их. Они знали легкий утренний ветерок и радовались ему, знали ответный шелест своих листьев. Они приспособились к использованию жары, к тому небольшому количеству воды, которое могли дать скалы: местность была сухой, и воду нужно было использовать разумно. И они смотрели, они продолжали смотреть. И они видели все происходящее. Видели лису, возвращавшуюся в нору на рассвете; сову, возвращавшуюся домой, полуослепленную утренним светом (она слишком задержалась на охоте);

мышь, с писком спасавшуюся от нападения лисы или совы; видели гризли на высохшей равнине, великого повелителя сей земли, который не терпел никакого вмешательства в свои дела, в том числе и вмешательства странных двуногих прямоходящих существ, которых изредка видели Деревья; видели большую и хищную птицу, плывущую высоко в воздухе, голодную, но уверенную, что до конца дня получит добычу.

Деревья знали структуру снежинки, химизм дождевой капли, молекулярный рисунок ветра. Они осознавали свое товарищество с травами, другими деревьями и кустами, с яркими цветами прерий, которые пышно расцветали каждую весну; товарищество с птицами, вьющими гнезда на их ветвях; они знали о каждом муравье, жуке и бабочке.

Они грелись на солнце и говорили друг с другом не для того, чтобы обмениваться информацией (хотя могли и это), а просто, чтобы пообщаться.

Над ними, на плоской вершине холма, возвышались древние здания, рисуясь на фоне яркого, без единого облачка, неба.

11

Небольшой костер не давал дыма. Мэг, склонившись над ним, пекла хлеб. Ролло сидел, погрузившись в ритуал смазывания; дурно пахнущий жир он держал в бутылке, сделанной из тыквы. Энди переступил с ноги на ногу, отгоняя хвостом мух и уделяя серьезное внимание пучкам травы, росшей тут и там. Невдалеке журчала невидимая река. Всходило солнце, день обещал быть жарким, но здесь, под покровом деревьев, было еще прохладно.

— Ты говоришь, сынок, — сказала Мэг, — что в отряде было только двадцать человек?

— Примерно, — ответил Кашинг. — Думаю, не больше.

— Вероятно, разведывательный отряд. Выслан к городу, чтобы определить размещение племен. Может, нам стоит немного задержаться здесь. Тут уютно, и нас здесь не найдут.

Кашинг покачал головой.

— Нет, мы двинемся вечером. Если орда движется на восток, а мы на запад, то мы скоро от них избавимся.

Она кивком указала на робота:

— А он?

— Если захочет, пойдет с нами. Я еще не говорил с ним об этом.

— Я ощущаю в вашем путешествии цель и необходимость, — сказал Ролло.

— Даже и не зная этой цели, я с радостью присоединяюсь к вам. Горжусь тем, что могу сослужить хоть небольшую службу. Мне не нужен сон, и я могу сторожить, пока остальные спят. У меня острое зрение, я быстр и могу разведывать местность. Я много лет провел в дикой местности и хорошо знаю ее. И продукты мне не нужны: я питаюсь солнечной энергией. Два солнечных дня дают мне запас энергии на месяц. И я хороший товарищ — никогда не устаю от разговоров.

— Верно, — согласился Кашинг, — он болтает не переставая с той минуты, как я его нашел.

— Раньше мне приходилось говорить с собой, — сказал Ролло. — Плохо, когда не с кем поговорить.

Лучший год я провел, когда много лет назад наткнулся в скалистых горах на старика, который нуждался в помощи. Он болел странной болезнью, от которой скрипели суставы, и если бы я случайно не наткнулся на него, он не пере-

жил бы зимы; когда наступили холода, он не мог охотиться и добывать дрова, чтобы отапливать свою хижину. Я оставался с ним и приносил ему добычу и дрова, и поскольку он изголодался по разговорам не меньше меня, мы говорили с ним всю зиму; он рассказывал о великих событиях, в которых принимал участие или был свидетелем; вероятно, далеко не все в его рассказах было правдой, но меня это и не беспокоило: мне нужна была не правда, а разговор. А я рассказывал ему, немного приукрашивая, о своей жизни со времен Катастрофы. В начале лета, когда ему стало легче, он отправился в какое-то место, на «рандеву», как он говорил, с такими же, как он сам. Он просил меня пойти с ним, но я отказался, потому что, по правде говоря, не испытывал больше любви к людям. Если не считать присутствующих, то у меня были лишь неприятности, когда я случайно сталкивался с людьми.

— Ты помнишь времена Катастрофы? — спросил Кашинг.

— Конечно. Я помню происходившее, но бесполезно спрашивать меня о значении событий, потому что я не понимал их тогда и, несмотря на все размышления, не понимаю и сейчас. Видите ли, я был обычным дворовым роботом, исполни-

телем различных домашних работ. Меня научили выполнять лишь простейшие задания, хотя я знаю, что многие роботы получали специальную подготовку и были искусными техниками и кем угодно. И воспоминания мои по большей части неприятны, хотя за последние столетия я научился приспосабливаться к условиям. Я не предназначен быть одиноким механизмом, но мне пришлось им стать. Оказавшись в таких условиях, я научился жить для себя, но счастья это мне не принесло. Поэтому я с радостью присоединился бы к вам.

— Даже не зная, чего мы добиваемся? — спросила Мэг.

— Даже так. Если мне что-нибудь не понравится, я просто смогу уйти.

— Мы ищем Место, — сказал Кашинг, помолчав. — Место, откуда уходили к Звездам.

Ролло серьезно кивнул.

— Я слышал о нем. Мало кто о нем знает, но много лет назад я о нем слышал. Насколько я понял, оно расположено на столовой горе или на холме где-то на западе. Холм окружен деревьями, и легенды утверждают, что эти деревья охраняют место и никого туда не пропускают. Говорят, его охраняют и другие приспособления, хотя я ниче-

го о них не знаю.

— Где же это место?

Ролло развел руками.

— Кто знает? Рассказывают о многих странных местах, предметах и людях. Старик, с которым я провел зиму, упоминал о нем… мне кажется, лишь один раз. Но он рассказывал много историй, и не все в них было правдой. Он говорил, что это место называют холмом Грома.

— Холм Грома, — сказал Кашинг. — Вы знаете, где может быть холм Грома?

Ролло покачал головой:

— Где-то в стране Великих равнин. Это все, что я знаю. Где-то за великой Миссури.

12

Отрывок из «Истории» Уилсона

Одним из странных изменений, последовавших за Катастрофой и развившихся в последующие столетия, был рост необычных способностей людей. Рассказывают о многих, обладавших такими способностями, некоторые рассказы говорят о совершенно невероятных вещах, но правда ли все это, невозможно судить.

На полках университета хранится большая литература о паранормальных возможностях, и в некоторых случаях существование таких возможностей подтверждается. Впрочем, большая часть этой литературы чисто теоретическая и очень противоречива. При ближайшем рассмотрении докатастрофической литературы (а другой у нас, разумеется, нет) становится очевидным, что эти теории содержат зерно истины.

Хотя после Катастрофы не существует документов, на которых можно основываться, кажется, что паранормальные и психические феномены проявляются гораздо чаще. Разумеет-

ся, ни один из рассказов о таких случаях нельзя проверить, как это делалось раньше. Может их потому так много, что некому их опровергнуть. В пересказах может теряться истинное содержание этих историй. Но даже с учетом всех этих соображений возникает впечатление, что количество таких феноменов увеличивается.

Некоторые мои коллеги в университете, с которыми я разговаривал, говорят, что это увеличение, по крайней мере, частично можно объяснить уничтожением физической науки и технологии. Мышление человека находилось под властью догм физики и технологии. И если человеку всю жизнь вбивали в голову, что какие-то вещи невозможны и верить в них глупо, то человек переставал интересоваться своими скрытыми возможностями. Это означает, что те люди до Катастрофы, у которых проявлялись паранормальные психические способности, подавляли их (кто же добровольно признается в собственной глупости?), и развитие в этой области стало невозможно.

В результате все такие феномены почти исчезли перед лицом технологического диктата, утверждавшего, что они невозможны.

Сегодня такого диктата нет. Технологическое

мышление дискредитировано, если не уничтожено совершенно вместе с гибелью машин и социальной системы, на которой оно было основано. И человеческие способности, которые раньше подавлялись, смогли снова развиться. Возможно также, что нынешняя ситуация создала окружение, в котором нетехнологическое мышление имеет возможность победить. Можно гадать, каким был бы мир, если бы наука, созданная человеком, не была почти исключительно физической и если бы не возникла технология. Лучше всего было бы, конечно, если бы наука и все отклоняющееся от нее развивалось параллельно, взаимодействуя и перекрещиваясь. Однако высокомерие науки привело к тому, что все другие способы мышления заглохли...

13

Они шли вверх по реке, двигаясь уже днем, поскольку теперь двое следили за прерией — либо Кашинг, либо Ролло взбирались на утесы и проверяли, нет ли отрядов или другой опасности. В первые дни они видели несколько отрядов; все двигались на восток, не интересуясь речной долиной. Глядя на них, Кашинг почувствовал беспокойство за университет, но сказал себе, что нападение на него маловероятно. И в случае нападения прочные стены сумеют защитить университет от любого врага.

Река Миннесота, вверх по которой они шли, была спокойнее Миссисипи. Она текла по лесистой долине, как ходит ленивый человек, не дергаясь и не торопясь. Большей частью она была узкой, хотя временами разливалась в низких болотистых берегах, и путникам приходилось делать большие обходы.

Вначале Кашинг сожалел о медлительности их продвижения. В одиночку он прошел бы вдвое больше, но постепенно успокоился. В конце концов, думал он, никто не ограничивает времени

их путешествия.

Успокоившись, он начал наслаждаться путешествием. За годы жизни в университете он забыл радости свободной жизни, и теперь вновь познавал ее: прохладу раннего утра, восход солнца, звуки ветра в листве. V-образная форма следа, который остается за плывущей выдрой, неожиданная красота цветочной полянки, крик совы в сумерках над рекой, вой волков в утесах. Они рыбачили, ловили жирных кроликов, изредка им попадались куропатки или утки.

— Сынок, эта еда получше, чем сушеное мясо в твоем мешке, — говорила Мэг.

— Может наступит время, — заметил Том, — когда мы будем рады этому мясу.

Он знал, что это самая легкая и сытая часть их пути. Когда они оставят речную долину и двинутся по равнинам на запад, идти будет гораздо труднее.

Через несколько дней вернулась Дрожащая Змея Ролло и заплясала над ним. Она была почти невидима, тонкая полоска звездной пыли, мерцающая в лучах солнца, а по ночам горящая мягким светом.

— Когда-то я считал ее своим другом, — сказал Ролло. — Вы можете считать, что весьма странно

думать о блестящем пятне света как о друге, но если много столетий ты одинок и лишен друзей, даже такая нематериальная вещь, как искорка в лучах солнца, может стать другом. Но когда меня зажало деревом, она исчезла. Если бы она только осталась со мной, я не был бы один. Не спрашивайте меня, что это такое. Не знаю. Я провел много часов, пытаясь догадаться. Но ничего не установил. И не спрашивайте, когда оно появилось впервые, прошло столько времени, что меня подмывает сказать: она всегда была со мной. Конечно, это не так: я помню время, когда ее еще не было.

Робот говорил безостановочно. Как будто прорвало поток слов, накопившихся за долгие годы одиночества.

— Я помню то, что вы называете Катастрофой, — говорил он, когда они сидели вокруг небольшого костра (небольшого и хорошо скрытого, чтобы никто не смог его увидеть со стороны), — но я мало что понял в этих событиях. Я был дворовым роботом в большом доме, который стоял на холме высоко над могучей рекой; но это не была Миссисипи, а какая-то другая река на востоке… Я не знаю ни названия реки, ни имени владельцев дома: дворовый робот и не должен этого знать.

Спустя какое-то время до меня и других роботов дошли слухи, что люди уничтожают машины. Мы не могли понять этого. Мы знали, что люди зависят от машин. Я помню, что мы часто говорили об этом. К этому времени люди, жившие в доме, бежали; я не знаю, куда они могли бежать. Ведь нам ничего не говорили. Все, что нам нужно было знать, это делать то или это. Мы продолжали выполнять свои обычные задания, хотя они потеряли всякий смысл.

И вот однажды — я хорошо это помню, потому что для меня это было шоком, — один робот сказал, что он после некоторых размышлений пришел к выводу, что мы тоже машины и что если уничтожение машин будет продолжаться, и мы тоже будем уничтожены. Люди, сказал он, пока не обратили на нас внимания, потому что мы менее важны, чем другие машины. Но придет время, сказал он, когда они покончат с другими. Как можете догадаться, эти слова вызвали среди нас смятение и споры. Среди нас были такие, кто начал немедленно доказывать, что мы машины, другие говорили — нет. Я помню, что слушал эти споры, не принимая в них участия, но, обсудив этот вопрос про себя, пришел к выводу, что мы все же машины или по крайней мере можем

быть классифицированы как машины. Придя к этому заключению, я не стал тратить времени на жалобы, а начал думать. Как мне защитить себя? В конце концов мне стало ясно, что лучше всего отыскать такое место, где люди не смогли бы добраться до меня. Я не говорил об этом с другими роботами — кто я такой, чтобы говорить им, что делать? — и считал, что робот, действуя в одиночку, имеет больше шансов спастись: группа роботов привлечет внимание, а одинокий робот проскользнет незаметно.

Я ушел как можно незаметнее и прятался во многих местах. От других беглых роботов я узнал, что люди, покончив с более важными машинами, начали охотиться за роботами. И не потому, что мы представляли для них угрозу, а потому что мы были машинами, и похоже было, что они решили уничтожить все машины, независимо от их важности. И что всего хуже, у них изменилось настроение: они охотились за нами не в гневе и ярости, как уничтожали другие машины; охота за нами превратилась у них в спорт, как будто речь шла о лисе или еноте. Если бы не это, мы легче перенесли бы охоту: представлять угрозу — в этом есть хоть какое-то достоинство. Но какое достоинство в кролике, за которым гонится собака?

И еще большее унижение — я узнал, что наши тела расчленяют и берут кожух мозга в качестве трофея. Это вселило в нас крайнее отчаяние и страх. Ведь мы могли только убегать и прятаться, потому что в нас был встроен запрет на всякое насилие. Мы не можем защищаться, только убегать. Я преодолел этот запрет, но много позже и почти случайно. Если бы этот полусумасшедший гризли не напал на меня, я все еще подчинялся бы запрету. И значит, не добыл бы жира. И сегодня мое тело истлело бы, а кожух мозга валялся бы и ждал, пока кто-нибудь не подберет его, как сувенир.

— Не совсем как сувенир, — сказал Кашинг. — В этом стремлении к головным кожухам какой-то мистицизм, до конца не понятый. Тысячу лет назад один человек в университете написал историю Катастрофы, в ней он рассуждает о ритуале собирания кожухов и его символизме, но не приходит к определенному заключению. Я не слышал об этом обычае. За все три года, что я провел в лесах юга, я ни разу не слышал об этом… Возможно потому, что держался в стороне от людей. Это хорошее правило для одинокого человека в лесу. Я обходил племена. И у меня было лишь несколько случайных встреч.

Ролло порылся в своем мешке.

— У меня здесь кожух неизвестного товарища. Я ношу его много дней и лет. И не знаю зачем. Нашел его в старом разрушенном поселке. Увидел, как что-то сверкает на солнце. Кожух лежал в груде ржавчины, которая была когда-то телом робота. Присмотревшись, я увидел очертания тела, совершенно проржавевшего — не более чем изменение цвета почвы. Так случилось с большинством из нас, может, со всеми, кроме меня, кто сумел ускользнуть от людей. Когда кончились остатки смазки, ржавчина начала распространяться как болезнь, и мы ничего не могли поделать, пока не проникла так далеко, что мы были не в состоянии двигаться. Мы лежали на том месте, где упали, пожираемые ржавчиной, пока совершенно не проржавели; оставались лишь очертания тела. Опавшие листья закрывали эти очертания; постепенно образовывалась насыпь в лесу или прерии. Ветер заносил нас пылью, трава росла сквозь нас, более пышная, чем в других местах, потому что питалась железом, бывшим когда-то нашими телами. Но кожух мозга, сделанный из неуничтожимого металла, для которого сегодня нет названия, оставался. Я подобрал и положил его в мешок, чтобы люди не

могли найти его. Лучше пусть будет у меня…

— Ты ненавидишь людей? — спросила Мэг.

— Нет, и никогда не ненавидел. Боялся и держался в стороне от них. Но были и такие, кого я не боялся. Старик-охотник, с которым я провел почти год. И вы двое. Вы спасли меня.

Он протянул кожух.

— Вот взгляните. Видели когда-нибудь?

— Нет, я никогда не видела, — сказала Мэг.

Она сидела, поворачивая кожух в руках; пламя костра отражалось в нем. Наконец она вернула его Ролло, который сунул его снова в мешок.

На следующее утро, когда Ролло отправился на разведку, она заговорила с Кашингом.

— Этот головной кожух, сынок. Тот, что показывал робот. Он живой. Я чувствовала это; ощущала в пальцах. Он холодный, но живой, в нем есть какой-то темный разум — такой темный, такой одинокий. Без ожиданий и без надежды. Как будто холод и тьма — образ жизни. И живой. Я знаю, что он живой.

Кашинг перевел дыхание:

— Это значит…

— Ты прав. Если он жив, живы и все остальные. Все, что были собраны. И все, что лежат ненайденные.

— Без возможности ощущать, — сказал Кашинг. — Отрезанные от мира, без зрения, без слуха, без контактов с жизнью. Человек сошел бы с ума…

— Человек — да. Но они не люди, сынок. Роботы — мы произносим это слово, но не знаем, что оно означает. Кожухи мозгов роботов, говорим мы, но никто, за исключением нас двоих, не знает, что они живы. Мы думаем, что роботы уничтожены. В них отзвук легенды, как в драконах. И вот однажды ты приходишь в лагерь, и с тобой робот. Ты просил его остаться с нами? Или он просил об этом?

— Ни то, ни другое. Он просто остался. Как с тем стариком-охотником. Но я рад, что он с нами. Он полезен. Но не следует говорить ему то, что ты сказала мне.

— Никогда, — согласилась Мэг. — Нет, для него это будет тяжело. Пусть лучше думает, что они мертвы.

— Может, он знает.

— Думаю, что нет, — сказала Мэг.

Она свела ладони, как будто все еще держала кожух мозга.

— Сынок, — сказала она, — я плачу о них. Об этих беднягах, запертых во тьме. Но они не нужда-

ются в моих слезах. У них есть… кое-что другое.

— Устойчивость, — сказал Кашинг. — Они могут вынести условия, которые свели бы человека с ума. Возможно, они развили странную философию, которая объявляет ненужным внешние контакты. Ты не пыталась вступить с ними в контакт?

— Я не могла быть такой жестокой, — сказала Мэг. — Я хотела. Хотела дать ему понять, что он не один. Но потом поняла, что это жестоко. Дать надежду, когда ее нет. Обеспокоить, когда он давно уже привык к тьме и одиночеству.

— Ты права, — сказал Кашинг. — Мы ничего не можем сделать.

— Дважды за короткое время я соприкасалась с двумя разумами: с кожухом и живым камнем, — сказала Мэг. — Я говорила тебе, что силы мои невелики, а прикосновение к этим двум разумам заставило меня пожалеть, что я вообще обладаю ими. Лучше бы мне не знать. Разум в кожухе наполнил меня печалью, а в камне — страхом.

Она вздрогнула.

— Камень, сынок. Он старый, такой старый, жестокий, циничный. Хотя циничный не то слово. Не заботящийся. Наверное, так лучше сказать. Наполнен омерзительными воспоминаниями,

такими древними, что они окаменели. Как будто пришли из какого-то другого места. Такие воспоминания не могут появиться на Земле. Откуда-то извне. Из вечной ночи, где никогда не светит солнце и где не знают, что такое радость.

За все время пути они встретили лишь одного человека — грязного старика, жившего в пещере, которую он выкопал в крутом берегу реки: вход в пещеру был закрыт бревнами, там старик спал и находил убежище от непогоды.

Две ленивые собаки залаяли на путников, проявляя полное отсутствие энтузиазма. Старик цыкнул на них. Собаки легли и тут же уснули, шкуры их дергались, когда на них садились мухи. Старик улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Бесполезны, — сказал он, кивая на собак. — Хуже псов у меня не бывало. Когда-то были хорошие охотники на енотов, а теперь загоняют на деревья лишь демонов. И, конечно, это демоны извели собак. Охотишься всю ночь на енота, а на дереве оказывается демон. А что с ним можно сделать? И варить их нельзя, а если даже сваришь, то вкус такой, что все внутренности вывернет.

Он продолжал:

— Вы, конечно, знаете, что вокруг бродят военные отряды. Они большей частью остаются

в прериях, потому что там есть вода и незачем спускаться к реке. Какому-то большому вождю вожжа попала под хвост, и он начал заваруху. Целится на города, наверно. Неделю назад сплошь шли военные отряды. Теперь их поменьше. Через одну-две недели двину-ка я назад с добычей.

Он сплюнул на землю и сказал:

— Кто это с вами? Похож на робота, которые были, говорят, когда-то давно. Помню, моя бабушка рассказывала о роботах. Она много что рассказывала. Но даже когда я был мал, знал, что это ложь, выдумки. В ее рассказах никогда не было смысла. И роботов никогда не было. Я спрашивал ее, откуда она узнала о них. Она говорила, что слышала от своей бабки, а та, должно быть, от своей. Старики любят рассказывать. Можно подумать, что со временем они вымрут. Но всегда много новых бабок.

Он продолжал:

— Не хотите ли поесть со мной? Уже пора есть, и я с радостью накормлю вас. У меня есть рыба и мясо…

— Нет, спасибо, — сказал Кашинг. — Мы торопимся.

Два дня спустя, как раз перед заходом солнца, Кашинг, шедший по берегу рядом с Мэг и Энди,

оглянулся и увидел торопливо спускавшегося с утеса Ролло. Металлическое тело робота сверкало в лучах заходящего солнца.

— Что-то случилось, — сказал Кашинг.

Он осмотрелся. За последние несколько дней река сузилась, утесы по обеим ее берегам стали менее крутыми.

Тонкая полоска деревьев росла вдоль берегов, но деревья стали гораздо ниже. Посреди реки лежал остров, густо заросший ивами.

— Мэг, возьми Энди. Перебирайтесь на остров. Заберись как можно глубже в заросли и сиди тихо. Заставь Энди молчать. Зажимай ему ноздри, чтобы он не ржал.

— Но, сынок…

— Иди, черт возьми! Не стой на месте!.. Отправляйся на остров. Здесь меньше ста ярдов воды.

— Я не умею плавать, — заплакала она.

— Тут мелко! — выпалил он. — Ты можешь пройти. Не выше пояса. Держись за Энди, он поможет тебе перебраться.

— Но…

— Иди! — сказал он, подталкивая ее.

Ролло вихрем летел к реке, вздымая опавшие листья.

— Отряд, — крикнул он. — Идет за мной, и

близко.

— Они тебя видели?

— Кажется, нет.

— Идем, — сказал Кашинг. — Держись за меня. Здесь на дне может быть ил. Старайся удержаться на ногах.

Мэг и Энди уже почти добрались до острова. Кашинг вошел в воду и почувствовал, как его увлекает течение.

— Я держусь прочно, — сказал Ролло. — Даже если я скроюсь под водой, то смогу переправиться по дну. Я не утону. Мне не нужно дышать.

Мэг и Энди исчезли в зарослях. Кашинг на полпути к острову оглянулся. На утесах никого не было видно. Еще несколько минут, подумал он. Больше и не нужно.

Они выбрались из воды, цепляясь за ветви.

— Не стой, — сказал Кашинг роботу, — ползи к Мэг. Помоги ей удерживать Энди. Тут будут лошади. Он захочет поговорить с ними.

Повернувшись, Кашинг пополз назад к воде. Закрытый ветвями ивы, он смотрел через реку. Никого не видно. Черный медведь спускался к воде в том месте, которое и они использовали при входе в реку, постоял с глуповатым выражением, опустил одну лапу в воду, потом другую,

потряс ими. Вершина утеса оставалась пустой. Несколько ворон пролетели над ней с хриплым карканьем.

Должно быть, Ролло ошибся, сказал про себя Кашинг, конечно, ошибся, отряд шел не сюда. А может, свернул в сторону, не доходя до берега. Но даже в этом случае следовало спрятаться. Хорошо, что оказался близко остров. Здесь, в отличие от мест ниже по течению, было не слишком много укрытий. Позже их совсем не будет. По мере того как они углубляются в страну прерий, долина реки становится все уже, а деревья растут все реже. Скоро им придется оставить даже то скудное укрытие, которое дает им долина, и свернуть в прерии.

Он посмотрел через реку и увидел, что медведь исчез. Какая-то небольшая зверушка: норка или мускусная крыса, скорее всего крыса — плыла от острова к берегу.

Когда он снова взглянул на вершину утеса, на фоне неба отчетливо вырисовывалась группа всадников, за плечами которых торчали копья. Они стояли неподвижно, осматривая долину. Кашинг затаил дыхание. Может они уже увидели со своего возвышения тех, кто скрывался в зарослях? Судя по всему, нет.

Наконец, спустя несколько долгих минут, всадники начали спускаться по склону. Том разглядел, что большинство носило потемневшие от времени кожаные куртки. У некоторых были меховые шапки, с хвостами волков, лис или енотов, свисавшие сзади. У других такие же хвосты крепились к плечам. На многих были лишь кожаные брюки, а верхняя часть тела оставалась обнаженной или закутанной в рваные шкуры. Почти все ехали в седлах, хотя были и такие, что сидели прямо на крупах лошадей. У всех были копья и луки; за их спинами торчали, щетинясь стрелами, колчаны.

Они двигались молча, без разговоров. В плохом настроении, сказал себе Кашинг, вспоминая слова старика о возвращающихся отрядах. Таким лучше не попадаться — они только и ищут, на ком бы сорвать злость.

За отрядом шло несколько лошадей с кожаными мешками и тушами оленей.

Отряд спустился в долину и проехал по течению вверх, к небольшой роще. Здесь они спешились, стреножили лошадей и занялись устройством лагеря. Послышались голоса — река хорошо передавала звуки, — но только разговоры, никаких криков и восклицаний. Заработали топоры, их

удары эхом отражались от окружающих утесов.

Кашинг отполз от берега и направился туда, где его ждали. Энди, лежа, дремал, голова его покоилась на коленях Мэг.

— Он как овечка, — сказала Мэг. — Я заставила его лечь. Так безопасней.

Кашинг кивнул.

— Они разбивают лагерь выше по реке. Их сорок или пятьдесят. Уйдут утром. Придется ждать.

— Ты думаешь, они опасны, сынок?

— Не могу сказать. Они спокойней, чем должны быть. Никакого смеха, шуток, выкриков. Похоже, у них скверное настроение… Вероятно, обожглись в городе. У кого-то поубавилось жажды завоеваний. В такой ситуации я не хотел бы с ними встретиться.

— Ночью я смогу пересечь реку, подползти к их кострам и послушать, что они говорят, — сказал Ролло. — Мне это просто. Я так не раз делал, истосковавшись по голосам и разговорам. Подползал к лагерю, лежал, слушал. Показаться, конечно, боялся, а сдержаться не мог. Впрочем, особой опасности не было: я мог лежать совершенно неподвижно, а вижу я ночью не хуже, чем днем.

— Ты останешься здесь, — резко сказал Кашинг. — Никаких вылазок. Утром они уйдут, и мы

сможем проследить за ними, а потом двинемся своим путем.

Он снял с плеча мешок и развязал его. Достал сушеное мясо, отрезал кусок и протянул Мэг.

— Вот тебе сегодня на ужин. И чтобы я больше не слышал, как ты с пренебрежением говоришь о нем.

Ночь опустилась на долину. Во тьме река, казалось, журчала громче. Где-то далеко закричала сова. Начал свою тоскливую песню койот на утесе. Рыба всплеснула поблизости; сквозь путаницу ивовых ветвей виднелся костер на том берегу реки. Кашинг снова подполз к берегу, глядел на лагерь. У огней двигались темные фигуры, долетал запах жареного мяса. В темноте фыркали лошади.

Кашинг сидел на берегу больше часа, высматривая признаки опасности. Убедившись, что их нет, он вернулся туда, где сидели Мэг и Ролло.

Кашинг сделал жест в сторону лошади:

— Как Энди?

— Я разговаривала с ним, — сказала Мэг. — Объяснила ему. Он не причинит неприятностей.

— Заговор? — спросил Том. — Заклинания?

— Ну, может, чуть-чуть. Я не хочу вредить ему.

— Мы должны поспать, — сказал Кашинг. —

Как, Ролло? Последишь за лошадью?

Ролло погладил Энди по шее.

— Он меня любит. Не бойся.

— Почему он должен тебя бояться? — спросила Мэг. — Он знает, что ты его друг.

— Животные иногда меня пугаются, — сказал робот. — У меня форма человека, но я не человек. Спите. Я не нуждаюсь во сне. Могу покараулить. Если понадобится, я вас разбужу.

— Конечно, — сказал Кашинг. — Но я думаю, все будет в порядке. Все спокойно. Они… там тоже ложатся.

Закутавшись в одеяло, он посмотрел вверх. Ветра не было, и листья ивы безжизненно свисали. Сквозь гущу ветвей и листьев видно было несколько звезд. Кашинг попытался сосчитать дни, но они сливались, превращались в широкий поток, как река, текущая вниз. Как хорошо, — подумал он, — солнце, ночи, река и земля. Ни защитных стен, ни картофельного поля. Именно так должен жить человек, на свободе и в единстве с землей, рекой и погодой. Неужели в прошлом человек свернул не туда, и этот неправильный поворот привел его к стенам, войнам и картофельным полям? Где-то продолжала кричать сова, койот одиноко выл, звезды над ивами поки-

нули космос и спустились вниз.

Он проснулся оттого, что кто-то тряс его тихонько за плечо.

— Кашинг, проснись. Лагерь через реку… Там что-то происходит.

Это был Ролло, звезды отражались в его металлическом теле.

Кашинг выбрался из одеяла.

— Что?

— Суматоха. Похоже, они собираются. А до рассвета еще далеко.

— Посмотрим.

Лежа на берегу, он смотрел через реку. Костры казались красными глазами в темноте. Около них торопливо двигались фигуры людей. Топот лошадей, скрип седел, но почти не слышно голосов.

— Ты прав, — сказал Кашинг. — Их что-то спугнуло.

— Отряд из города? Преследователи?

— Может быть. Но я сомневаюсь. Городские племена довольны, что их оставили в покое. Но если этим нашим друзьям за рекой досталось, они будут торопиться домой.

Кроме смутных звуков лагеря и журчания воды, ничего не было слышно. Сова и койот затихли.

— Нам повезло, — сказал Ролло.

— Да, — согласился Кашинг. — Если бы они нас заметили, нам пришлось бы бежать изо всех сил.

Лошадей подводили к кострам, люди садились на них. Кто-то ругал лошадь. Потом они двинулись. Копыта ударяли о землю, скрипела кожа седел, доносились отдельные слова.

Кашинг и Ролло слушали, как топот затихает вдали.

— Они постараются выбраться из долины как можно быстрее, — сказал Кашинг. — В прериях им легче двигаться.

— Что мы будем делать?

— Останемся на месте. Немного позже, перед самым рассветом, я переправлюсь на тот берег и посмотрю. Как только мы убедимся, что они в прериях, двинемся дальше.

Звезды на востоке бледнели, когда Кашинг вброд перешел течение. Костры все еще дымили, среди пепла краснели угли. Пройдя меж деревьями, Кашинг нашел следы копыт, там где кочевники огибали утес. Он вскарабкался наверх и, используя бинокль, осмотрел местность. Неподалеку паслось стадо одичавшего скота. Медведь переворачивал камни в поисках муравьев и гусениц. Лиса возвращалась с ночной охоты. Утки ныряли в маленьком степном озерке. Были и

другие животные, но ни следа людей. Кочевники растаяли на просторах прерий.

Звезды исчезли и восток посветлел, когда Кашинг вернулся в лагерь кочевников. Он фыркнул от отвращения при виде царящего в нем беспорядка. Не было сделано никаких попыток очистить землю. Среди пепла валялись обгрызенные кости. Прислонился к дереву забытый кем-то топор. Кто-то выбросил изношенные мокасины. Под кустом лежал кожаный мешок.

Кашинг вытащил мешок, развязал и вытряхнул его содержимое.

Добыча. Три ножа, маленькое зеркальце с помутневшим стеклом, графин из граненого стекла, небольшая сковорода, старинные карманные часы, которые не идут уже много лет, ожерелье из красных и пурпурных бусинок, тонкая книга, несколько сложенных листов бумаги. Жалкая добыча, подумал Кашинг, разглядывая вещи. Не слишком много, чтобы рисковать жизнью. Впрочем, это всего лишь сувениры. Слава — вот чего искал владелец мешка.

Он перелистал страницы книги. Старая детская книга со множеством цветных иллюстраций — воображаемые места и воображаемые люди. Хорошая книга. Есть что показать зимой у ко-

стра.

Он уронил ее на кучу вещей и подобрал один из сложенных листов. Осторожно развернул хрупкий лист и увидел, что он гораздо больше, чем казалось. Наконец был расправлен последний сгиб, и Кашинг, соблюдая осторожность, расправил лист. Вначале ему в разгорающемся свете утра показалось, что поверхность у листа чистая, потом он разглядел слабые извивающиеся линии. Вот оно что — топографическая карта. Он узнал очертания древнего штата Миннесота. Поискал надписи, вот они — Миссисипи, Миссури, хребты Месаби и Вермилион, озеро Миллс, Северный берег…

Он отбросил лист и схватил другой, развернул его быстрее и с меньшими предосторожностями. Висконсин. В разочаровании он выпустил его и взял третий. Оставались еще два.

Пусть она будет здесь, взмолился он. Ну, пусть будет!

Еще не кончив разворачивать карту, он понял, что нашел. Ролло говорил: за великой Миссури. Значит, это Дакота. Или Монтана. Или Небраска. Хотя, если он хорошо помнит прочитанное, в Небраске мало холмов с плоскими вершинами.

Он расстелил на земле карту Южной Дакоты

и разгладил ее, потом наклонился, разглядывая. Дрожащими пальцами провел по извилистому следу великой реки. Вот он, к западу от реки, почти на границе с Северной Дакотой, — Громовой холм, подпись чуть виднелась в утреннем свете. Наконец-то! Громовой холм!

Он ощутил прилив радости и постарался подавить ее. Ролло мог ошибиться. Мог перепутать и старик-охотник, рассказавший об этом роботу, он мог просто выдумать все это. А может, это не тот Громовой холм: их, должно быть, существует несколько.

Но он не мог подавить своего возбуждения. Это Громовой холм, тот самый Громовой холм. Так должно быть.

Он встал, сжимая в руке карту и глядя на запад. Впервые с начала дороги он знал, куда идти.

14

Неделю спустя они достигли самого северного пункта пути. Кашинг, развернув карту, показывал.

— Смотрите, мы миновали озеро. Оно называется Большое Каменное озеро. В нескольких милях к северу от него есть еще одно озеро, но река течет севернее. А Громовой холм прямо к западу от нее, может, слегка северо-западнее или юго-западнее. Примерно двести миль. Если повезет, будем через десять дней. В крайнем случае, через две недели. — Он спросил у Ролло. — Ты знаешь эту местность?

Ролло покачал головой.

— Нет. Другие похожие знаю. Идти будет трудно.

— Верно, — сказал Кашинг. — Трудно будет находить воду. Нельзя идти вдоль ручья. Здесь их мало, и все текут на юг. Придется нести воду с собой. У меня брюки и куртка из хорошей кожи. Конечно, вода будет просачиваться, но не сильно. Они нам послужат мехами для воды.

— Нельзя, — сказала Мэг. — Ты умрешь от сол-

нечных ожогов.

— Я все лето работал на картофельном поле без рубахи. Привык.

— Тогда только куртку. Мы, может, и варвары, но нельзя же тебе идти двести миль нагишом.

— Я могу завернуться в одеяло.

— Одеяло — плохая одежда, — сказал Ролло уверенно, — особенно, когда идешь через кактусы. А здесь их будет много. Лучше уж я убью медведя. У меня уже мало жира. А вот медвежью шкуру используем как мешок.

— Ниже по реке было много медведей, — сказал Кашинг. — Ты мог убить их сколько угодно.

— Черные медведи, — с отвращением сказал Ролло. — Когда нет других, я убиваю и черных медведей. Мы идем в страну гризли. Жир гризли лучше.

— Ты сошел с ума, — заявил Кашинг. — Жир гризли ничем не отличается от жира других медведей. Однажды гризли разобьет тебе голову.

— Может, я и сошел с ума, — сказал Ролло уверенно, — но жир гризли лучше. А убить гризли ничуть не труднее, чем простого медведя.

— Ты хороший робот, — сказал Кашинг, — но чересчур драчливый.

— У меня своя гордость, — ответил Ролло.

Они двинулись на запад, и с каждой милей местность становилась мрачнее. Поверхность была ровной и уходила, казалось, в бесконечность; далекий горизонт представлялся тонкой голубой лентой в небе.

Не видно было никаких признаков кочевников; с того самого утра, как они поспешно покинули лагерь, они не показывались. Повсюду встречались огромные стада оленей и антилоп. Изредка попадались стаи волков. Путники встречали множество куропаток и часто лакомились ими. Однажды они наткнулись на город сурков: земля была густо усеяна норами этих грызунов. Приходилось внимательно следить за гремучими змеями; они были меньше лесных змей, попадавшихся им раньше. Энди, ненавидевший змей, убивал их копытами. Он также находил воду, чуя ее на расстоянии и отыскивая маленькие ручейки и стоячие омуты.

— Он чувствует запах воды, — триумфально говорила Мэг. — Я знала, что он пригодится в путешествии.

Дрожащая Змея теперь не покидала их, кружа вокруг Ролло, но часто отлетая и к Мэг.

— Она такая сообразительная, — говорила Мэг.

А в громадных пустых просторах прерий к ним

присоединились новые попутчики — скользящие по бокам серо-пурпурные тени. У них не было ни формы, ни очертаний, и они исчезали при взгляде в упор. Можно было подумать, что эти тени отбрасывает легчайшая облачная дымка, но облаков не было, и солнце безжалостно палило с высоты раскаленного медного купола неба. Путники поначалу помалкивали о тенях, решив, что это — галлюцинации, порожденные пустыней.

Заговорили лишь через пару дней, когда вечером сидели у костра на крошечной полянке у медленно текущей речушки, окруженные зарослями дикой сливы.

— Они все еще с нами, — сказала Мэг. — Видите, сразу за освещенным местом?

— О чем это ты? — спросил Кашинг.

— О тенях, сынок. Не делай вида, что не знаешь о них. Уже два дня они крадутся за нами. — Мэг повернулась к Ролло. — Ты тоже их видишь. А может, и знаешь, что это такое. Ты ведь бывал в этой земле.

Ролло пожал плечами:

— Это что-то такое, во что нельзя ткнуть пальцем. Они следуют за людьми, вот и все.

— Но кто же они?

— Попутчики, — сказал Ролло.

— Мне кажется, что в нашем путешествии уже достаточно странного, — заметил Кашинг. — Живой камень. Дрожащая Змея. И вот теперь Спутники.

— Ты мог бы десять раз пройти мимо этого камня, — сказала Мэг, — и не знать, что это такое. Просто камень. Сначала его почуял Энди, потом я…

— Да, я знаю, — сказал Кашинг. — Я мог бы не заметить камень, но не Змею и не Спутников.

— Это странная земля, — сказал Ролло. — В ней много необычного.

— И так везде на западе или только вот здесь? — спросил Том.

— Главным образом здесь. Об этих местах много рассказывают.

— А имеет ли это отношение к Месту, откуда уходили к Звездам?

— Не знаю, — ответил робот. — Ничего не знаю о Месте, откуда уходили к Звездам. И говорю лишь то, что слышал.

— Мне кажется, сэр робот, — заметила Мэг уверенно, — что ты полон уклончивости; что ты еще знаешь о Спутниках?

— Они поедают вас.

— Поедают?

— Да; не плоть, они не нуждаются в плоти. Душу и мозг.

— Прекрасно, — сказала Мэг. — Значит, наши мозг и души будут съедены, а ты нам ничего не говоришь. До этой минуты.

— Вам не причинят вреда, — сказал Ролло. — Душа и мозг останутся у вас нетронутыми. Они не заберут их у вас. Только посмакуют.

— Ты что-нибудь понимаешь, Мэг? — спросил Кашинг.

— Нет. Трудно уловить. Как будто их больше, чем на самом деле, хотя кто может знать, сколько их. Их невозможно сосчитать. Их толпа. Их очень много.

— Верно, — согласился Ролло. — Очень много. Все, кого они смаковали и сделали частью себя. Они пусты. Собственного у них нет ничего. Они никто и ничто. Чтобы сделаться кем-то…

— Ролло, — прервал его Кашинг, — ты знаешь точно или слышал от кого-то?

— Только то, что слышал от других. Я же говорил вам, что по вечерам от одиночества подбирался к огням лагерей и слушал разговоры людей.

— Да, я знаю, — сказал Кашинг. — Сказки, слухи…

Позже, когда Ролло отправился на разведку,

Мэг сказала Кашингу:

— Сынок, я боюсь.

— Пусть Ролло тебя не беспокоит. Он как губка. Поглощает все, что слышал. И не делает попыток рассортировать; ничего не оценивает. Правда, выдумка — для него все одно.

— Но здесь так много странного.

— В том числе и ты, ведьма. Испуганная ведьма.

— Я говорила тебе, вспомни, что моя сила невелика. Способность чувствовать, немного читать мысли. Но для собственной безопасности я преувеличивала свои возможности. Чтобы люди из городских племен меня побаивались. Чтобы можно было жить, получая еду и подарки. Просто, чтобы выжить.

По мере продвижения местность становилась все более унылой. Горизонт далеко. Небо оставалось бледно-голубым. Сильный ветер дул с севера и запада, сухой ветер, вытягивающий последние капли влаги, так что временами им грозила жажда, но потом либо Ролло отыскивал воду, либо Энди чуял ее издалека. Тогда они снова пополняли запасы.

Постепенно всем стало казаться, что посреди этих пересохших пустых просторов они как в

ловушке, из которой нет выхода. Все одно и то же: кактусы, выжженная солнцем трава, небольшие зверьки и птицы — ничего не менялось.

— Здесь нет медведей, — жаловался Ролло однажды вечером.

— Так вот что ты делаешь, — сказала Мэг, — ты ищешь медведей?

— Мне нужен жир. У меня почти не осталось запасов. А это страна гризли.

— Ты сможешь убить медведя на Миссури, — сказал Кашинг.

— Если мы найдем Миссури, — добавила Мэг.

Да, подумал Кашинг. Здесь тебя посещает чувство, будто все, что ты знал когда-то, отдаляется, уходит; ничего не остается на месте и, может, никогда там не было: единственной реальностью остается эта вечная пустота. И кажется, что ты уже не на старой, доброй Земле, а на какой-то другой планете.

Дрожащая Змея образовала устойчивый круг, спокойно вращавшийся над головой Ролло, а на краю освещенного костром пространства сгущались тени — попутчики. Где-то там, думал Кашинг, находится место, которое он ищет, — не место, а легенда. Они ищут: он и ведьма, и робот — возможно, последний на Земле робот;

не последний живой — их много оставалось живых, — а последний подвижный, последний, способный работать, видеть, слышать и говорить. А он и Мэг — единственные, кто знает, что роботы живы, что они заключены в безмолвие и тьму. Странная компания лесной бродяга, фальшивая ведьма, испуганная женщина, которая ни разу за все труднейшее путешествие не пожаловалась; и анахронизм, символ тех дней, когда жизнь была легче, но когда она несла в сердцевине своей злокачественную опухоль, уничтожившую ее, так что сама эта прежняя жизнь стала лишь легендой.

С тех пор почти пятнадцать столетий человек блуждает в потемках примитивного варварства. Хуже всего, что не видно никаких попыток преодолеть это варварство. Как будто человек, однажды сбившись с пути, больше не имеет ни сил, ни желания попытаться предпринять еще одну попытку. Неужели человечество не заслужило еще одной попытки?

— Сынок, ты обеспокоен?

— Нет. Просто думаю. Что будет, если мы найдем Место, откуда уходили к Звездам?

— Мы будем знать, что оно существует… Что некогда человек устремлялся к звездам.

— Но этого недостаточно. Просто знать — недостаточно.

На следующее утро его депрессия прошла. Пустота вызвала у него странное чувство радости, чувство ясности, простора, как будто он был повелителем всей этой беспредельности. Одиночество больше не пугало его; как будто они шли по специально для них подготовленной стране, откуда удалили всех остальных. Попутчики оставались с ними, но они больше не казались угрозой, а скорее товарищами в пути, частью компании.

Позже в тот же день они встретили в пустыне двоих. Взобравшись на небольшое возвышение, они увидели их в полумиле от себя. Мужчина был стар, борода и волосы у него поседели. Одетый в изношенную кожу, он стоял, похожий на крепкое, стройное дерево, и смотрел на запад, а не знающий отдыха ветер шевелил его волосы и бороду. Женщина, значительно моложе, сидела за ним, поджав под себя ноги, наклонив вперед голову и плечи. На ней было рваное платье. Рядом качалась на ветру рощица диких подсолнечников.

Подойдя ближе, Кашинг и остальные увидели, что старик стоит в двух мелких ямах, выкопанных в почве прерии, стоит в них обнаженными ногами, рядом с ямами лежала пара изношенных

мокасин. Ни он, ни женщина, казалось, не заметили вновь прибывших. Мужчина стоял прямо и неподвижно, руки его были сложены на груди, подбородок задран, глаза закрыты. Была в нем какая-то напряженность, как будто он вслушивался в нечто, доступное лишь его слуху. Но слышно было лишь гудение ветра на равнинах и шелест подсолнечников.

Женщина, сидевшая на траве, скрестив ноги, не шевелилась. Ни она, ни старик как будто не заметили, что они больше не одни. Голова женщины склонялась к коленям, к сложенным на них рукам. Кашинг видел теперь, что она молода.

Они втроем: Ролло, Мэг и Кашинг — стояли в ряд, удивленные, слегка раздраженные, ожидая, пока их заметят. Энди хвостом отгонял мух и жевал траву. Попутчики осторожно кружили поодаль.

«Какого черта?!» — сказал себе Кашинг. Они втроем должны стоять здесь, как нашалившие дети, которые ворвались туда, куда им нельзя, и теперь их сознательно игнорируют. Вокруг этих двоих был какой-то ореол, не позволявший нарушать их молчание. Пока Кашинг размышлял, нужно ли ему окончательно рассердиться, старик шевельнулся, возвращаясь к жизни. Вна-

чале его руки медленно и грациозно двинулись в стороны. Голова заняла нормальное положение. Одну за другой он извлек ноги из ямок, в которых стоял. Со странной осторожностью обернулся к Кашингу. Лицо у него оказалось не строгое, патриархальное, как можно было ожидать, наблюдая его в трансе, но лицо доброго человека, слегка печальное лицо человека, после долгих лет напряженного труда обретшего мир. Над седой бородой, закрывавшей большую часть лица, из гущи морщин смотрели на мир светло-голубые глаза.

— Добро пожаловать, незнакомцы, на наши несколько футов земли, — сказал он. — Не найдется ли у вас чашки воды для моей внучки и меня?

Женщина продолжала сидеть, поджав ноги, но подняла голову и отбросила назад закрывавший лицо капюшон. У нее оказалось ужасающе мягкое и невинное лицо и абсолютно пустые глаза. Красивая кукла, наполненная пустотой.

— Моя внучка, если вы успели заметить, — сказал старик, — вдвойне благословенна. Она живет в другом месте. Наш мир не может затронуть ее. Разговаривайте с ней мягко, пожалуйста, и не беспокойтесь о ней. Ее не нужно бояться. Она

счастливее меня и счастливее всех нас. И прежде всего, прошу вас, не жалейте ее. Она с полным правом может пожалеть нас.

Мэг протянула ему чашку воды, но старик отвел ее руку.

— Сначала Элин. Она всегда первая. Вы, наверное, удивляетесь, что я здесь делал, стоя в ямах, замкнутый в самом себе. Но я не был замкнут. Я разговаривал с цветами. Такие чудесные цветы, чувствительные, с хорошими манерами… Я мог бы сказать и «разумные», но это не совсем так: их разум, если его можно так назвать, совсем не похож на наш, хотя, может быть, он и лучше нашего. Другой тип разума. Впрочем, если подумаешь, разум — не совсем подходящее слово.

— Ты на самом деле говорил с цветами? — спросил с недоверием Кашинг.

— И дольше, чем следовало, — ответил ему старик. — У меня такой дар. Говорить не только с цветами, но и со всеми растениями: травой, мхом, деревьями. Я не так уж часто разговариваю с ними. Обычно просто слушаю. Иногда я уверен, что они знают обо мне. В таких случаях я пытаюсь разговаривать с ними. Я уверен, что они понимают меня, хотя и не могут определить, кто именно говорит с ними. Возможно, их восприятие не

позволяет им различать другие формы жизни. Они живут в мире, который так же закрыт для нас, как и мы для них. К сожалению, не настолько закрыт, чтобы мы не знали о них. Просто мы не подозреваем, что они тоже чувствуют, как мы.

— Прости, но я не вполне понимаю тебя, — сказал Кашинг. — Это нечто такое, о чем я никогда не думал, даже в самых диких фантазиях. Скажи мне — сейчас ты только слушал или и разговаривал с ними?

— Они говорили со мной, — сказал старик. Он помолчал и продолжил. — Рассказывали об удивительных вещах. К западу отсюда, сказали они мне, есть растения — я думаю, что это деревья, — совершенно чуждые Земле. Их принесли много лет назад. Как принесли, они не знают или я не понял, но во всяком случае это большие растения, которые все понимают… Спасибо, моя дорогая.

Он взял у Мэг чашку и начал пить, не жадно, а медленно, как будто наслаждаясь каждой каплей.

— К западу? — спросил Кашинг.

— Да, они сказали — к западу.

— Но… откуда они знают?

— Может, летящие по воздуху семена рассказали им. Или передача шла от корня к корню…

— Невозможно, — сказал Кашинг. — Все это невозможно.

— Это металлическое создание в форме человека, что это такое? — спросил старик.

— Я робот, — сказал Ролло.

— Робот? Роботы? А, да, знаю. Я видел кожухи мозгов, но не живого робота. Значит, ты робот?

— Меня зовут Ролло. Я последний из роботов. Хотя если я не найду медведя…

— А меня зовут Эзра, — сказал старик. — Я старый бродяга. Брожу взад и вперед, разговариваю с соседями, когда нахожу их. Это прекрасная полоска подсолнечников, группа кустов роз, даже трава, хотя трава мало что может сообщить…

— Дедушка, надень мокасины, — сказала Элин.

— Сейчас. Я совсем забыл о них. И мы должны идти. — Он сунул ноги в бесформенные, изношенные мокасины. — Не в первый уж раз я слышу об этих странных растениях на западе. Когда услышал впервые, много лет тому назад, то просто удивился. А вот сейчас, на старости лет, хочу проверить эти слухи. Если я этого не сделаю, может, никто не сумеет. Я всюду расспрашивал и знаю, что никто не умеет разговаривать с растениями.

— И теперь ты ищешь эти легендарные растения, — сказала Мэг.

— Не знаю, найду ли, — кивнул он, — но мы идем на запад, и я расспрашиваю по дороге. Мое племя было против того, чтобы мы ушли. Кричали, что это глупость. Все, что мы найдем, только смерть. Некогда они увидели, что мы твердо решили уйти, они посоветовали нам взять с собой охрану, отряд всадников, которые не станут вмешиваться, а будут лишь сопровождать нас на расстоянии, чтобы защитить в случае необходимости. Мы отказались. Люди с добрым сердцем могут идти куда угодно, их не ждет опасность.

— Ваши люди? — спросила Мэг.

— Племя, живущее в прериях к востоку, в более доброй земле, чем эта. Нам предлагали лошадей я припасы, но мы ничего не взяли. Легче найти то, что мы ищем, налегке.

— Чем же вы питаетесь? — спросил Кашинг.

— С извинениями перед нашими друзьями и соседями мы выкапываем корни и срываем плоды. Я уверен, друзья растения понимают нашу нужду и не таят на нас зла. Я пытался объяснить им это, и хотя они и не совсем поняли, не было ни осуждения, ни ужаса.

— Ты говоришь, вы идете на запад?

— Да, мы ищем эти странные растения на западе.

— Мы тоже идем на запад, — сказал Кашинг, добавив: — Может, мы ищем разные вещи, но твои слова наводят меня на мысль, что они находятся в одном месте. Может, вы пойдете с нами? Или хотите идти одни?

— Мне кажется, нам лучше идти вместе. Вы ясные и простые люди, в вас нет зла… Но при одном условии…

— Каком же?

— В пути я иногда буду останавливаться, чтобы поговорить с нашими друзьями и соседями.

15

К западу от реки местность начала повышаться.

С того места, где он стоял, Кашинг видел внизу узкую полоску реки, гладкую шелковую ленту, похожую и на змею, и на горного льва. Река была отсюда совершенно другой, не такой, к которой они привыкли за те дни, что отдыхали на ее берегу, готовясь к последней части пути. Будет ли это действительно последней частью? Вблизи река выглядела драчливым, хриплым, задиристым буяном, пробивающим себе путь по земле. Странно, подумал Кашинг, как различаются реки — мощное торжественное течение нижней Миссисипи; бормочущий поток Миннесоты; и вот ярость Миссури.

Ролло разжег вечерний костер в овраге, уходящем вниз, выбрав место, где у них будет защита от ветра, рвущегося с просторов прерий. Глядя на запад, в сторону от реки, можно было увидеть продолжающийся подъем, земля поднималась складками, переходя в темную разорванную линию на фоне неба. Еще один день, подумал

Кашинг, и они достигнут высокогорья. Путешествие заняло гораздо больше времени, чем он рассчитывал. Если бы он шел один, он уже давно был бы там. Впрочем, один он мог бы и не узнать, куда идти. Он некоторое время размышлял над странным стечением обстоятельств, которые привели его к встрече с Ролло, в чьей памяти застряло упоминание о Громовом холме; потом находка карты, показавшей, где находится этот Громовой холм. Путешествуя в одиночку, он мог бы не найти ни Ролло, ни карты.

Продвижение вперед замедлилось после того, как к ним присоединились старик с внучкой. Эзра часто останавливался, выкапывал ямы и начинал разговор с зарослью кактусов или фиалок. Кашинг, стоя рядом, много раз подавлял желание пнуть старого глупца или просто уйти от него. Но, несмотря на все это, старик ему нравился. Он был умен, и мудрость его распространялась на все, за исключением его странной навязчивой идеи. По вечерам у костра он рассказывал о старых временах, когда он был великим охотником и воином, заседал в совете с другими, старшими членами племени и лишь постепенно осознал, что он обладает необычной способностью общения с растительной жизнью. Когда это стало

известно в племени, его положение постепенно изменилось, и в конце концов в глазах соплеменников он стал мудрецом, одаренным больше обычных людей. Очевидно, хотя он и не говорил об этом, мысль уйти для разговоров с цветами и растениями тоже созревала в нем медленно, пока ему не стало ясно, что он обязан выполнить свою миссию, и идти он должен не с пышностью и великолепием, которыми с радостью окружило бы его племя, а в одиночестве, если не считать его странной внучки.

— Она часть меня, — говорил старик. — Не могу объяснить вам, но между нами существует бесславное взаимопонимание, его невозможно описать.

И когда он говорил о ней или о другом, она сидела у лагерного костра вместе с остальными, расслабившись, в покое, сложив руки на колени, низко склонив голову, как бы в молитве; иногда она поднимала голову, и тогда создавалось впечатление, что она смотрит не во тьму, а в другой мир, в другое время и место. В пути она двигалась легко; временами казалось, она не идет, а плывет, серьезная и грациозная — странное воплощение человечности, не похожее ни на что. Она редко говорила. А когда говорила, то обращалась обычно

к деду. Не то чтобы она игнорировала остальных, просто она не испытывала необходимости говорить с ними. Слова ее были ясными и четкими, она произносила их правильно, не прибегала к жаргону, не бормотала, как умственно отсталые, и они часто думали, кто же она на самом деле.

Мэг часто бывала с ней или она с Мэг. Глядя, как они идут или сидят рядом, Кашинг часто пытался понять кто же из них первым потянулся к другому. И не мог этого решить; как будто естественный магнетизм притягивал их друг к другу, как будто они обладали чем-то общим, что заставляло их держаться вместе. Впрочем, их всегда разделяло расстояние. Мэг изредка обращалась к Элин. Элин, со своей стороны, говорила с Мэг не чаще, чем с другими.

— Она живет в себе, — сказал однажды Кашинг.

— Нет, — возразила Мэг, — она живет вне себя. Далеко вне себя…

Добравшись до реки, они разбили лагерь в роще на берегу, который вздымался на сто футов над водой, — прекрасное место после долгого пути по выжженной прерии. Здесь они отдыхали неделю. В зарослях, что шли вдоль реки, попадались олени, низины кишели куропатками

и утками, резвившимися в маленьких прудах. В реке было много рыбы. Путники отъедались после голодного пути.

Эзра установил контакт с большим дубом, пережившим много сезонов, и стоял по целым часам, глядя на дерево, а шелест листьев как бы отвечал ему. Элин обычно сидела поблизости от него, скрестив ноги, натянув на голову капюшон и сложив руки на коленях. Иногда Дрожащая Змея покидала Ролло и танцевала вокруг Элин. Она не обращала на Змею никакого внимания. Иногда Попутчики, эти радужные тени, собирались кружком вокруг нее, как волки, подстерегающие добычу, но и на них она обращала не больше внимания, чем на Дрожащую Змею. Наблюдая за ней, Кашинг неожиданно подумал, что она не обращает на них внимания, потому что поняла их суть и выбросила из своих мыслей. Ролло охотился на гризли, и несколько раз Кашинг отправлялся с ним. Но гризли не было, вообще не было никаких медведей.

— Жир почти кончился, — плакался Ролло. — Я начинаю скрипеть. Пытаясь сберечь жир, я употребляю его меньше, чем нужно.

— Я убил жирного оленя, — сказал Кашинг.

— Сало! — воскликнул робот. — Сало мне не

нужно.

— Когда кончится жир, тебе придется использовать то, что есть под рукой. Надо было убить медведя в Миннесоте. Там их было множество.

— Я ждал гризли. А их нет.

— Все это глупости, — сказал Кашинг. — И жир гризли не отличается от жира других медведей. Ты смазан?

— Да. Но в запасе нет ничего.

— Мы найдем гризли к западу от реки.

Во время пути Энди неохотно щипал скудную траву для того лишь, чтобы сохранить жизнь в теле. Теперь он пасся в высокой по колено роскошной траве долины. Со звуками удовлетворения, с раздувшимся брюхом, он катался по песчаному берегу, а птицы, рассерженные вторжением в их владения, с криком летали над песком.

Позже с помощью Энди Кашинг и Ролло притащили много плавника, который весенние паводки выбросили на берег реки. Из этих бревен Кашинг и Ролло соорудили плот, связав бревна полосками из шкуры оленя. Во время переправы Ролло и Мэг сидели на плоту — Мэг, потому что не умела плавать, а Ролло опасался поржаветь — у него кончился запас жира. Остальные держались за плот. Он помогал им плыть, а они подталки-

вали и направляли его, удерживая от того, чтобы он устремился по течению вниз. Энди, вначале не решавшийся войти в воду, наконец прыгнул в нее и поплыл так резво, что перегнал их и ждал на том берегу. Он дружелюбно заржал, когда они выбрались из воды.

С этого времени местность постоянно поднималась. Теперь Эзра не настаивал на том, чтобы остановиться для разговора с растениями. Река медленно уходила назад; подъем впереди, казалось, никогда не кончится.

Кашинг спустился к вечернему костру. Завтра, подумал он, мы можем достичь вершины.

Пять дней спустя они увидели Громовой холм. Всего лишь пятнышко на горизонте. Но они знали, что это холм: что еще могло разорвать гладкую линию горизонта пустыни.

Кашинг сказал Мэг:

— Мы сделали это. Через несколько дней будем там. Интересно, что мы найдем.

— Неважно, сынок, — ответила она. — Наше путешествие было прекрасно.

16

Три дня спустя, когда Громовой Холм возвышался на фоне северной стороны неба, они увидели, что их ждут стражники. Пять всадников стояли на вершине небольшого возвышения. Когда путники приблизились, один из всадников выехал вперед, подняв левую руку в знак мира.

— Мы стражники, — сказал он. — Мы храним веру Наш долг останавливать бродяг и сеятелей беспокойства.

Он совсем не походил на всадника-стражника. Впрочем, Кашинг сам толком не знал, как должен выглядеть стражник. Всадники очень походили на кочевников, переживающих тяжелое время. У разговаривающего с ним стражника не было копья, но из-за его спины торчал колчан; среди стрел виднелся небольшой лук. На нем были кожаные брюки, рваные и потрепанные. Его кожаный жилет знавал лучшие дни. Лошадь его, мустанг с бельмом на глазу, когда-то, видимо, была резвой, но теперь вряд ли была способна на что-либо.

Остальные четверо, державшиеся в стороне,

выглядели не лучше.

— Мы не бродяги и не сеятели беспокойства, — сказал Кашинг, — поэтому вы не должны беспокоиться. Мы знаем, куда идем, и не хотим никому мешать.

— Тогда лучше сверните, — сказал стражник. — Если вы приблизитесь к холму, то вызовете неприятности.

— Это Громовой холм? — спросил Кашинг.

— Да. Если вы смотрели на него утром, то должны это знать. Над ним прошла большая черная туча, с молниями и громами.

— Мы видели ее. И решили, что из-за этого холм и получил свое название.

— День за днем над ним стоит черная туча, — сказал всадник.

— Но ведь утром мы видели, как туча прошла.

— Вы ошибаетесь, друзья, — сказал стражник. — Давайте поговорим. — Он сделал знак остальным четверым и соскользнул с лошади. Присел на корточки.

— Садитесь.

Подошли остальные четверо и сели за ним. Лошадь первого всадника отошла к другим лошадям.

— Хорошо, — сказал Кашинг, — мы посидим с

вами, если хотите. Но недолго. Перед нами еще много миль.

— Этот? — стражник указал на Ролло. — Никогда таких не видел.

— Все в порядке, — сказал Кашинг. — Не беспокойтесь.

Внимательней вглядевшись в всадников, он заметил, что за исключением одного полного низкорослого, все они были тощими, как будто перенесли долгий голод. Лица их походили на черепа, обтянутые коричневой, похожей на пергамент, кожей, туго натянутой на скулах. Руки и ноги у них были худые.

С небольшого возвышения отчетливо был виден Громовой холм, господствовавший над плоской, унылой равниной.

Подножие холма опоясывало тонкое темное кольцо — должно быть, деревья, о которых Ролло говорил, как о защитной стене; вероятно, это те самые деревья, о которых рассказывали Заре подсолнечники и другие растения.

— Сегодня утром, — сказал Кашинг, обращаясь к пятерке сидящих всадников, — через бинокль я уловил блеск чего-то белого на самой вершине Громового холма. Похоже на здания, но я не уверен. Вы знаете, что там за здания?

— Это волшебное место, — сказал предводитель группы, — там спят создания, которые последуют за людьми.

— Что это значит?

— Когда люди исчезнут, эти существа займут их место. Или, если они проснутся раньше, чем исчезнут люди, они уничтожат людей. Сметут их с лица Земли и займут их место.

— Вы говорите, что вы стражники, — сказала ему Мэг. — Значит ли это, что вы охраняете эти создания, или охраняете Землю от них?

— Если кто-нибудь подойдет слишком близко, — сказал стражник, — они могут проснуться. А мы не хотим, чтобы они просыпались. Пусть спят. Когда они проснутся, дни людей на Земле будут сочтены.

— Значит, вы не даете к ним подходить?

— Много столетий мы стоим на страже. И это лишь один отряд, но их много. Очень многие из нас заняты на страже. Поэтому мы и остановили вас. Вы направлялись к холму?

— Верно, — сказал Кашинг. — Мы идем к холму.

— Бесполезно. Вы не дойдете. Деревья не пропустят вас. И даже если не деревья, там есть и другие существа. Скалы, которые переломают

вам кости…

— Скалы! — воскликнула Мэг.

— Да, камни. Живые камни, которые несут охрану вместе с деревьями.

— Видишь, — сказала Мэг Кашингу. — Теперь мы знаем, откуда тот камень.

— Но это было в пятистах милях отсюда, — сказала Кашинг. — Что там делать камню?

— Пятьсот миль — большое расстояние, — сказал стражник, — но камни могут передвигаться. Вы говорите, что видели живой камень? Откуда вы знаете, что он живой? Эти камни ничем не отличаются от обычных.

— Я знаю, — сказала Мэг.

— Деревья пропустят нас, — сказал Эзра. — Я поговорю с ними.

— Дедушка, у стражников есть причина не пропускать нас, — сказала Элин. — Послушаем же, что они скажут.

— Я уже говорил вам, — сказал стражник, — мы боимся, что Спящие проснутся. Столетия мы несем стражу — мы и те поколения, что были до нас. Истина передается от отца к сыну. Столетия назад уже рассказывали о Спящих и о том, что случится, когда кончится их сон. Мы храним древнюю веру…

Катились слова, торжественные слова глубоко верящего человека. Почти не обращая на них внимания, Кашинг думал: какая-то секта превратила древнюю сказку в религию, и теперь жизнь множества людей определяется этой ошибкой.

Солнце склонялось к западу, и его косые лучи превратили землю в путаницу теней. За возвышением, на котором они стояли, глубокий овраг разрезал землю, по его краям тянулись густые заросли диких слив. В отдалении виднелась маленькая роща, должно быть, вокруг небольшого озерка. За исключением этой рощи и зарослей вдоль оврага, местность представляла собой океан сухой выцветшей травы, расстилающейся до самого подножия Громового холма.

Кашинг встал и отошел на несколько шагов от сидевших лицом к лицу групп. Ролло, который в отличие от остальных не садился, присоединился к нему.

— Что теперь? — спросил робот.

— Не знаю, — сказал Кашинг. — Мне не хотелось бы ссориться с ними. Похоже, они тоже не хотят этого. Мы могли бы просто остановиться и ждать, пока им не надоест нас караулить, но не думаю, чтобы это подействовало. И они не спорят с нами. Они спокойны. Это фанатики, которые

слепо верят в то, что делают.

— Мы можем прорваться силой, — сказал Ролло.

— Нет, — возразил Кашинг. — Кто-нибудь да будет ранен.

Встала Элин. Ее ровный спокойный голос долетел до них.

— Вы ошибаетесь, — сказала она стражникам. — В том, что вы нам говорите, нет правды. Нет ни Спящих, ни опасности. Мы пройдем.

С этими словами она двинулась на них, медленно, уверенная, как будто никто не мог остановить ее. Мэг вскочила, схватив ее за руку, но Элин отбросила ее руку. А Эзра заторопился вслед за внучкой. Энди, задрав хвост, двинулся следом.

Стражники вскочили и начали пятиться, не в силах оторвать взгляд от ужасающей мягкости лица Элин.

Сбоку донесся хриплый рев. Кашинг повернулся. Огромный серо-коричневый зверь с высоким горбом, широко разинувший пасть, пробирался через заросли слив, преследуя лошадей стражников. Лошади на мгновение застыли, парализованные страхом, а потом понеслись огромными прыжками от преследующего их медведя.

Ролло мгновенно перешел к действиям. С

криком «Гризли!» он понесся вперед, выставив копье.

— Вернись, дурак! — кричал Кашинг, хватаясь за лук и накладывая на тетиву стрелу.

Лошади дико неслись. За ними бежал медведь, рыча и быстро нагоняя испуганных животных. За медведем летел Ролло, вытянув перед собой копье.

Кашинг поднял лук и оттянул тетиву к щеке. Он выпустил стрелу, и она золотом блеснула в лучах солнца. Стрела попала в шею животному, медведь взревел и повернулся. Кашинг потянулся за второй стрелой. Достав ее, он увидел, что медведь присел на задние лапы, вытянув передние, и почти подмял под себя Ролло.

Краем глаза Кашинг увидел Энди, который, вытянув голову, прижав уши и распустив хвост, галопом несся на медведя.

Выпустив стрелу, Кашинг услышал, как она с глухим стуком вонзилась в грудь зверя под самой шеей. Медведь осел, пытаясь схватить передними лапами Ролло, но копье робота уже торчало в груди зверя. Энди ударил копытами в живот медведя.

Медведь упал, Ролло выбрался из-под него; его металлическое тело было залито кровью. Энди

еще раз лягнул зверя и потом поскакал прочь с гордым ржанием. Ролло исполнил дикий воинственный танец вокруг умиравшего зверя.

— Жир! — кричал он. — Жир, жир, жир!

Медведь в последний раз дернулся. Лошади стражников были уже быстро уменьшавшимися на юге точками. За ними отчаянно бежали стражники.

— Сынок, — сказала Мэг, глядя им вслед, — наши переговоры прерваны.

— Теперь мы пойдем на холм, — сказала им Элин.

— Нет, — возразил Кашинг, — вначале вытопим жир для Ролло.

17

Как и предупредили стражники, живые камни ждали их у самых деревьев. Их были десятки, и со всех сторон собирались новые; они двигались быстро, ровно, временами останавливались; движение их было явно целенаправленным. Темные, некоторые совершенно черные, они достигали трех футов в диаметре. Они не образовали линию перед путниками, но собрались сзади, отрезая им отступление, как будто гнали их к Деревьям.

Мэг придвинулась ближе к Кашингу. Он взял ее за руку и увидел, что она дрожит.

— Сынок, — сказала она, — я снова чувствую холод. Как в тот раз, когда мы нашли живой камень.

— Все будет в порядке, — ответил он, — если мы сумеем пройти сквозь Деревья. Эти камни, кажется, направляют нас туда.

— Но стражники говорили, что Деревья не пропустят нас.

— Стражники придерживаются старой традиции, лишенной всякого смысла; они верят в это, цепляясь за свою веру. Вера позволяет им считать,

что они продолжают дело, начатое древними. Они считают свою задачу очень важной.

— И все же, — сказала Мэг, — когда медведь напал на лошадей, стражники бросили нас и побежали за ними. Они не вернулись.

— Я думаю, это из-за Элин, — сказал Кашинг. — Видела их лица, когда они смотрели на нее? Они были в ужасе. Медведь, погнавшийся за лошадьми, вывел их из психологического шока и дал возможность убежать.

— Может, и так, — согласилась Мэг. — Но для людей прерий лошади — важная вещь. Без лошадей они погибнут. Лошадь — это их часть. Она так важна, что они побежали за лошадьми, несмотря ни на что.

Деревья возвышались перед ними — сплошная стена зелени, спускавшейся до самой земли. Они походили на гигантскую изгородь. Выглядели они как обычные деревья, но Кашинг обнаружил, что не может определить их вид.

Лиственные деревья с твердой древесиной, но не дуб, не клен, не вяз, не ясень. Листья их, шевелившиеся на ветру, танцевали, как листья всех деревьев, но вслушиваясь в их шелест, Кашинг подумал, что ему слышится шепот; если бы у него был достаточно острый слух, он мог бы понять, о

чем они говорят.

Дрожащая Змея вокруг головы Ролло вращалась так быстро, что казалось, можно было услышать тонкий свист. Попутчики же приблизились, как будто искали защиты.

Эзра остановился не более чем в десяти футах от зеленой изгороди и застыл в своей обычной позе, сложив руки на груди, склонив голову, закрыв глаза. Чуть за ним опустилась на землю Элин, скрестив ноги, положив руки на колени и прикрыв голову рваным капюшоном.

Послышался новый звук, слабый звон; обернувшись, Кашинг понял, что это камни. Они образовали полукруг, соединившийся с Деревьями; камни располагались на равном расстоянии, не более чем в дюйме друг от друга, сплошной линией отрезав путникам отступление. Звон происходил от того, что камни, оставаясь на одном месте, слегка раскачивались, задевая соседа.

— Ужасно, — сказала Мэг. — Этот холод, он меня заморозил.

Получилась живая картина. Эзра стоял неподвижно; Элин не двигалась; Энди нервно подергивал хвостом. Попутчики совсем уже приблизились к ним, смешались с ними, радужные тени, казалось, сливающиеся друг с другом. Дрожащая

Змея превзошла себя в яростном вращении.

Ролло негромко сказал:

— Мы не одни. Оглянитесь.

Кашинг и Мэг обернулись.

В полумиле от них стояли пять всадников, вырисовываясь на фоне неба.

— Стражники, — сказала Мэг. — Что они тут делают?

В это время стражники издали вопль, пронзительную жалобу, в которой звучало беспредельное отчаяние.

— Боже, сынок, — сказала Мэг, — будет ли этому конец?

И она подошла к Эзре, вытянув вперед умоляюще руку.

— Во имя милосердия, пропустите нас! — воскликнула она. — Пожалуйста, пропустите!

Деревья, казалось, ожили. Они зашумели, ветви их задвигались, образуя проход.

Путники прошли в место, где царила храмовая тишина, в место, отрезанное от всего мира. Вокруг возвышались гигантские стволы, уходящие вверх, во тьму, как церковные колонны. Под ногами путников лежал мягкий лесной ковер — листва, падавшая уж много лет и лежавшая нетронутой. Проход за ними закрылся, раздви-

нувшаяся зелень вернулась на место.

Путники остановились в молчании, которое оказалось совсем не молчанием. Сверху доносился шум листвы на ветру, но этот шелест лишь подчеркивал царящую внизу тишину.

Итак, мы сделали это, хотел сказать Кашинг, но тишина и полутьма остановили его. Здесь не место для пустых разговоров. Тут нельзя торговаться. Он пустился на поиски места, откуда уходили к Звездам, но даже надеясь отыскать, он всегда думал о нем, как о техническом комплексе, откуда запускали в Космос большие корабли. Но Деревья, живые камни и даже стражники придавали этому месту какую-то фантастичность, не вязавшуюся с техникой. И если этот холм действительно Место, откуда уходили к Звездам, то что же здесь происходит?

Губы Эзры двигались, но слышались не слова, а лишь бормотание.

— Эзра, — резко спросил Кашинг, — что же происходит?

Элин не сидела рядом с дедом, как обычно, а стояла. Повернувшись к Кашингу, она холодно сказала:

— Оставь его в покое, дурак!

Мэг потянула Кашинга за рукав.

— Святая святых.

— О чем это ты?

— Это место. Это святая святых. Разве же ты не чувствуешь?

Он покачал головой. Для него тут не было ничего святого. Пугающее, да. Заброшенное, да. Место, откуда нужно убраться как можно скорее. Место, спокойствие которого таило в себе странное беспокойство. Но ничего святого.

«Ты прав, — сказали ему Деревья. — *Здесь ничего святого. Это место правды. Мы здесь находим правду. Это место вопросов, место исследования. Тут мы заглядываем в душу».*

На мгновение он, казалось, увидел угрюмую ужасную фигуру, одетую в черное, в черном плаще, с костлявым безжалостным лицом. Это лицо вселило в него ужас. Ноги его стали ватными и подогнулись, тело рухнуло, мозг превратился в дрожащее желе. Его жизнь… вся его жизнь, все, что он когда-либо видел, слышал или делал, выплеснулось из него, и он чувствовал, как какие-то цепкие пальцы с грязными ногтями роются в этом, сортируют, изучают, судят и затем отбрасывают ударом костлявого кулака, возвращают обратно.

Он поднялся, лишь величайшим усилием за-

ставив себя не упасть. Мэг поддерживала его и помогала ему, и в этот момент его сердце устремилось к ней навстречу — к этой удивительной старухе, которая без единой жалобы выдержала труднейшее путешествие, приведшее их к этому месту.

— Держись, сынок, — говорила она. — Путь открыт. Еще немного.

Затуманенными глазами он увидел впереди отверстие, туннель, в конце которого виднелся свет. Шатаясь, он пошел и, хотя он не оглядывался, он знал, что остальные идут за ним.

Время, казалось, остановилось и измерялось теперь остатками иссякающих сил.

Но кончилось и это испытание, и он шагнул из туннеля, и вот перед ним подъем, земля, покрытая выгоревшей травой, усеянная кустарником и редкими деревьями.

Сзади Ролло сказал:

— Мы сделали это, хозяин. Наконец-то мы здесь. На Громовом холме.

18

Пройдя немного вверх по склону, они нашли небольшой пруд в каменном бассейне, питаемый ручьем, протекавшим по глубокому оврагу. Пруд окружали изогнутые и изуродованные ветром кедры. Они образовывали полукруг, открытый на запад. Здесь путники разожгли костер из сухих кедровых веток и поджарили мяса.

Они поднялись по склону достаточно высоко, чтобы видеть поверх кольца Деревьев равнину внизу. Там виднелись игрушечные фигуры всадников. Лошади их были отведены в сторону, и пятеро стражников стояли в ряд, обратившись к холму. Временами они поднимали руки, а временами ветер доносил до сидящих у костра вопли.

Мэг рассматривала стражников в бинокль.

— Это что-то вроде ритуала плача, — сказала она. — Неподвижное положение, потом шаг или два, потом они поднимают руки и воют.

Эзра серьезно кивнул:

— Они преданные, но обманутые люди.

Кашинг заворчал на него.

— А ты откуда знаешь? Ты, конечно, прав, но

скажи, откуда ты знаешь? Мне надоели твои позы, которые ничуть не лучше того, что делают стражники.

— Ты меня не ценишь, — сказал Эзра. — Это я провел вас через кольцо Деревьев. Я говорил с ними, и они открыли для нас путь.

— Это ты так считаешь, — возразил Кашинг уверенно. — А я думаю, что нас провела Мэг. А ты просто бормотал.

— Сынок, не нужно ссориться, — вмешалась Мэг. — Неважно, кто провел нас через Деревья. Важно, что они нас пропустили.

Элин посмотрела на Кашинга, и на этот раз в глазах ее не было пустоты. Они были холодны от ненависти.

— Ты никогда нас не любил, — сказала она тихо. — Ты издеваешься над нами. Я жалею, что мы присоединились к вам.

— Ну, ну, моя дорогая, — сказал Эзра, — мы все слишком нервничаем. Но сейчас это пройдет. Готов согласиться, что иногда я утомителен, хотя вера в мои способности во мне не ослабла: я действительно умею говорить с растениями. Я разговаривал с Деревьями. Клянусь, я разговаривал с ними, и они отвечали мне. Не так, как другие растения. Глубокий разговор, я не все понял,

большую часть я не уловил. Они разговаривали о таких вещах, о которых я раньше никогда не слышал, хотя я знаю, что все это очень важно. Они глубоко заглянули в меня и позволили мне немного заглянуть в себя. Как будто они испытывали меня, осматривали — не тело, а душу, и предоставили мне возможность сделать то же с ними. Но я не сумел это сделать, даже когда они пытались помочь мне.

— Пространство есть иллюзия, — Элин говорила четким учительским голосом, как будто цитировала что-то недавно узнанное. — Пространство есть иллюзия и время — тоже иллюзия. Не существует таких факторов, как время и пространство. Мы оцеплены ложным пониманием того, что мы называем вечностью и бесконечностью. Существует универсальный фактор, объясняющий все; и когда он известен, все просто. Нет больше ни чудес, ни загадок, ни сомнений; во всем, что окружает нас, простота… простота… простота…

Элин замолчала. Она смотрела в темноту, сложив руки на коленях, и лицо ее снова приобрело выражение ужасающей пустоты и ужасной невинности.

Остальные сидели молча, потрясенные; и откуда-то подул холодный ветер, как будто невы-

сказанная угроза повисла в воздухе.

Кашинг встряхнулся и спросил напряженным голосом:

— Что это было?

Эзра сделал знак покорности.

— Не знаю. Она никогда не поступала так раньше.

— Бедное дитя, — сказала Мэг.

Эзра гневно заговорил:

— Я уже говорил вам и говорю снова: никогда не жалейте ее, скорее она должна жалеть нас.

— Никого не надо жалеть, — сказала Мэг.

В разговор вступил Ролло.

— Стражников стало больше. Только что показался новый отряд. На этот раз шесть или семь. Похоже, что с востока приближаются новые. Там стоит облако пыли.

— Жаль стражников, — сказала Мэг. — Сколько лет они тут дежурили, а мы их обманули. И все предыдущие поколения.

— Может, раньше никто и не хотел пройти сюда, — сказал Ролло.

— Может и так. Никто так сильно не хотел пройти. Никто не шел с целью.

— Если бы не медведь, мы, наверно, тоже не смогли бы, — заметил Ролло. — Медведь отвлек

их внимание. И они потеряли лошадей. Без лошадей они беззащитны.

— Медведь их потряс, — сказал Эзра. — Ни один человек в здравом уме не выйдет против медведя с одним копьем.

— Я не человек, — резонно возразил Ролло, — и я был не один. Кашинг пускал стрелы в зверя и даже Энди напал на него.

— Мои стрелы ничего не сделали ему, — сказал Кашинг. — Они лишь раздражали его.

Он встал с места и прошел вверх по склону. Вскоре костер превратился лишь в красный глаз внизу. Кашинг отыскал небольшой скальный выступ и сел на него. Сгущалась тьма.

Смутно темнели деревья, за ними едва виднелись костры стражников.

Сидя на выступе, Кашинг ощутил тревожное спокойствие.

После многих миль пути по речной долине и высокогорью они наконец-то достигли цели. Но достижение цели принесло с собой опустошение. Он не чувствовал удовлетворения.

Ниже послышался какой-то звук. Взглянув туда, Кашинг увидел чью-то фигуру. Присмотревшись, он понял, что это Ролло.

Робот подошел и молча сел рядом. Некоторое

время они сидели в молчании. Потом Кашинг сказал:

— Ты назвал меня хозяином. Не нужно делать этого. Я не хозяин.

— Просто вылетело, — ответил Ролло. — Ты проделал хорошее сафари — это верное слово? Когда-то его использовали. И ты привел нас сюда.

— Я как раз об этом и думал, — сказал Кашинг. — И беспокоился.

— Не нужно беспокоиться. Это — Место, откуда уходили к Звездам.

— Я не уверен в этом. Больше того, я уже уверен, что это не Место, откуда уходили к Звездам. Чтобы отправить корабль в космос, нужны посадочные устройства. Но на таком месте не строят посадочную площадку. Зачем строить ее на вершине холма, если повсюду множество ровных мест? Высота не является преимуществом. Сюда трудно доставлять материалы.

— Не знаю, — сказал Ролло. — Ничего не знаю о таких вещах.

— Я знаю. Читал в университете о полетах на Луну и Марс. Об этом рассказывается во множестве статей и книг, и никогда запуск не производился с вершины холма.

— Деревья, — сказал Ролло. — Кто-то посадил

деревья вокруг холма, вокруг всего холма, чтобы оградить его. Может, до Катастрофы у людей появились средства для полетов к звездам.

— Может, и так. Защита, наверное, нужна была в последние столетия перед взрывом, но ведь Деревья можно было посадить и на ровном месте.

— Может, это и не Место, откуда уходили к Звездам, но Деревья ведь защищают что-то.

— Да, ты прав. Но мне нужно Место, откуда уходили к Звездам.

— Меня беспокоит, почему они нас пропустили. Деревья. Могли и не пустить. Камни ждали. Деревьям было достаточно сказать слово, и камни раздавили бы нас.

— Я тоже удивлен. Но я рад, что они нас пропустили.

— Они хотели, чтобы мы прошли. Решили, что лучше будет, если мы пройдем. Как будто они все годы ждали нашего прихода. Кашинг, что они увидели в нас?

— Будь проклят, если знаю, — ответил Кашинг. — Пошли. Я возвращаюсь в лагерь.

Эзра спал у костра, храпя и посвистывая. Мэг сидела, закутавшись в одеяло от ночного холода. Немного в стороне, свесив голову, стоял Энди. Напротив Мэг у костра сидела, выпрямившись,

Элин, поджав под себя ноги, сложив руки на коленях; ее лицо было пусто, глаза устремились в ничто.

— Видел что-нибудь, сынок? — спросила у Тома Старая Мэг.

— Ничего. — Кашинг сел рядом с ней.

— Есть хочешь? Я могу поджарить мяса… Пока еще есть.

— Завтра я чего-нибудь добуду, — сказал Кашинг. — Здесь должны быть олени.

— Я видел маленькое стадо на западе, — откликнулся Ролло.

— Так поджарить мяса?

Кашинг покачал головой:

— Я не голоден.

— Завтра мы поднимемся на холм. Ты знаешь, что мы там можем найти?

— Стражники говорили, что там есть здания, — сказал Ролло. — Где спят Спящие.

— Мы можем забыть о Спящих, — заметил Кашинг. — Это все бабушкины сказки.

— Стражники основывали на ней жизнь, — возразил Ролло. — Там должно быть что-то. Какая-то основа сказки.

— Многие религии основывались на меньшем. — Кашинг подобрал прут и поворочал им

в костре. Взметнувшееся пламя осветило что-то висящее в воздухе над их головами. Капают в изумлении отшатнулся, все еще сжимая в руках прут.

В воздухе висела толстая короткая торпеда трех футов длины и фут толщины, висела она без усилий, без звуков, без гудений или тиканья, которые обычно сопровождали работу механизма. По всей ее поверхности, не через равные интервалы, а как бы случайно были разбросаны маленькие кристаллики, похожие на глаза и сверкавшие в свете костра. Цилиндр был металлическим или казался таковым; во всяком случае он блестел тусклым металлическим блеском.

— Ролло, — сказал Кашинг, — это твой родственник.

— Согласен, что он похож на робота, но хоть надежда оживляет мое сердце, я все же никогда таких не видел, — отозвался Ролло. Кашинг смутно удивился, почему они так спокойно рассуждают. Ведь они должны были бы оцепенеть от страха. Хотя в цилиндре и не чувствовалось угрозы: просто в воздухе висел жирный, толстый и короткий клоун. Кашингу на мгновение показалось, что он даже видит бессмысленное, тупо улыбающееся лицо. Впрочем, он знал, что

никакого лица там нет.

Эзра забормотал во сне, перевернулся и снова засопел. Элин сидела неподвижно; она не видела цилиндра или, если и видела, то никак не реагировала.

— Ты чувствуешь его Мэг? — спросил Кашинг.

— Ничто, сынок, — ответила она, — бормочущее нечто, беспорядочное, пустое, не уверенное в себе, дружественное, скучающее, как бездомная собака, ищущая хозяина…

— Человеческое?

— Как это человеческое? Оно не человеческое.

— Похоже на нас. Не чужое.

И тут оно заговорило четким металлическим голосом. Не было никаких движущихся частей, никаких указаний, откуда доносился голос; но, несомненно, этот висящий в воздухе бочкообразный предмет говорил с ними.

— Пурпурная жидкость, — произнес он. — Не вода. Жидкость. Тяжелее воды. Гуще воды. Лежит в низинах и ямах, потом поднимается и заливает землю. Алая песчаная земля, и стройные бочкообразные тела растут на ней и существа, похожие на мхи, но больше. Много больше меня. С шипами и иглами, при помощи которых они видят, слышат и обоняют. И говорят, но я не помню, о чем

они говорят. Я многое знал, когда-то, но теперь не могу вспомнить. Эти существа приветствовали пурпурную жидкость, катившуюся вверх и вниз по склонам — она могла течь куда угодно. Она катилась волнами по алому песку, а бочкообразные существа и другие приветствовали ее песней. Они радовались, что она пришла. Хотя я не помню, почему они радовались. Трудно вспомнить, почему они радовались: когда жидкость проходила, все эти существа погибали. Их иглы и шипы обвисали, они не могли больше говорить, обвисали и лежали на солнце, разлагаясь. Большое красное солнце заполняло половину неба, и на него можно было смотреть: оно не яркое, не горячее. Пурпурная жидкость растекалась по земле, потом снова собиралась в ямах, и бочкообразные и другие существа, до которых она еще не добралась, мягко пели, приглашая ее прийти…

Послышался другой голос, более громкий, пытавшийся заглушить первый:

— Звезды вращались, зеленые и синие, и так быстро они двигались, что были не шарами, а огненными полосками; висело облако, оно было живое и брало энергию у вращающихся звезд; и я удивлялся, как это облако могло заставить их вращаться…

Еще один голос:

— Тьма, и во тьме кишение, живущее во тьме и не выносящее света; оно хватало слабый свет, которых отбрасывал я, и поедало его, оно так истощило батареи, что больше не осталось света, и я был бессилен, я упал во тьму, и кишение сомкнулось вокруг меня…

Еще один голос:

— Пурпурность захватила меня и сделала меня своей частью и рассказывала мне о том, что было до появления вселенной…

— Боже, — воскликнула Мэг, — они вокруг нас.

И верно. В свете костра и за ним висело множество коротких толстых цилиндров, все они болтали, стараясь перекричать друг друга.

— Я не мог говорить с ними, с ними невозможно было разговаривать; они думают и действуют совсем не так, как я; у нас не было ничего общего… Это были машины, но не такие, как мы, как я; это был живой металл и одушевленный пластик и… Я был муравьем, и они не заметили меня, они не знали, что я лежу в своем муравейнике и слушаю их, ощущаю часть того же, что и они, хотя и не все: у меня не было ни их знаний, ни их чувств, они были как боги, а я как песок под их ногами, и я любил их и ужасался в одно и то же время…

Рак, перебрасывающийся от планеты к планете, поедавший все, чего он касался, и я услышал голос: «Смотри на нас, мы и есть жизнь»… Там были люди, не знаю, можно ли их назвать людьми; это были существа, время для которых ничего не значило, они победили время или просто поняли его и больше не боялись его тирании; и они были жалки, потому что, уничтожив время, поняли, что они в нем нуждаются, но вернуть его не смогли…

«Я истребитель, — сказало оно мне. — Я уничтожаю жизнь, у которой нет права существовать; я стираю миры, которые пошли по неверному пути. Что ты скажешь, если я уничтожу тебя?..» Это была раса смеющихся; они только и могли смеяться, это была их единственная реакция на все, хотя это не тот смех, что я знал. Может, это вообще был не смех…

Слова, слова, слова. Болтовня, болтовня, болтовня. Фрагменты разговоров, обрывки фраз. Может, если бы слушать только одного, в этом был бы смысл. Но слушать одного невозможно, все говорят одновременно и настаивают, чтобы слушали именно их.

Их было так много, что слова их совершенно смешивались, и лишь изредка с трудом можно

было разобрать отрывок фразы. Кашинг обнаружил, что бессознательно прижимается к земле, как будто все усиливающаяся болтовня представляет собой физическую угрозу.

Эзра зашевелился и сел, протирая глаза кулаками. Рот его задвигался, но слов не было слышно совершенно.

Кашинг взглянул на Элин. Она сидела, как и раньше, совершенно неподвижно, глядя в ночь. Эзра сказал о ней в ту ночь, когда они впервые встретились: «Она из другого мира», — и Кашинг подумал, что такое объяснение не совсем точно. Она живет в двух мирах, и тот, другой, более важен для нее, чем этот.

Ролло стоял по другую сторону костра. Что-то в нем было не то. Неожиданно Кашинг понял, в чем дело: Ролло был один, с ним больше не было Дрожащей Змеи. Кашинг попытался вспомнить, когда он в последний раз видел Змею, и не смог.

Мы здесь, сказал себе Кашинг, наконец-то мы здесь. Нас пытались задержать стражники, нас теснили камни и нас пропустили деревья. Но прежде чем пропустить, они испытывали нас, расспрашивали, искали в нас ересь и грех. Впрочем, может, испытывали не их, а только его. Конечно, не Мэг — она помогала ему, когда ноги

у него были ватными. Не Эзру: он утверждал, что разговаривал с деревьями. Элин? Что можно знать об Элин? Она исключение, в ее тайну невозможно проникнуть. Энди? Да, да, Энди, искатель воды, убийца гремучих змей и боец с медведями. Кашинг рассмеялся про себя, думая об Энди.

Неужели расспрашивали только его? И что же они нашли? Должно быть, что-то такое, что убедило Деревья пропустить их. Он мельком подумал, что бы это могло быть, но ничего не мог предположить.

Болтовня мгновенно смолкла, и цилиндры исчезли. Где то в ночи слышался треск сверчка.

Кашинг встряхнулся, чувствуя себя одуревшим. Он испытывал физическую боль, болело все тело.

— Кто-то отозвал их, — сказала Мэг. — Тот кто-то рассердился на них.

Элин четким голосом ментора произнесла:

— Мы пришли в пограничное место, куда нас не звали, куда не зовут ничто живущее и где мысль и логика несовместимы, мы испуганы, но мы пришли сюда, потому что Вселенная лежит перед нами, и если мы хотим узнать себя, мы должны узнать Вселенную.

19

В полдень они остановились на краю небольшой рощи Кашинг подстрелил оленя, которого Энди утащил вверх по склону. Кашинг и Ролло освежевали оленя, и у них теперь было много мяса.

Подъем был трудным, путь преграждали скалы, которые приходилось обходить; приходилось менять курс и из-за глубоких оврагов. Ноги скользили по высохшей траве, и путники часто падали.

Деревья внизу темно-зеленым кольцом окружали подножье холма. Коричневатая равнина, затянутая кое-где тенями, у горизонта закрывалась серебристой дымкой. В бинокль Кашинг видел на равнине множество стражников. Видны были, по крайней мере, три больших лагеря. Должно быть, племена или делегации племен, извещенные стражниками о происходящем. Это означало, что стражники — не маленькое сообщество фанатиков, как казалось раньше, но что его поддерживают западные племена. Эта мысль обеспокоила его, и он решил, убирая бинокль в

футляр, ничего не говорить остальным.

По-прежнему не видно было зданий, которые он разглядел несколько дней назад в бинокль и о которых говорили стражники. Впереди был лишь подъем.

— Может, к концу дня мы увидим здания, — сказал Ролло.

— Надеюсь, — ответила Мэг. — Я уже все ноги сбила.

Единственными живыми существами, которых они встретили, было небольшое стадо оленей, одного из которых убил Кашинг, несколько длинноухих кроликов, одинокий сурок, свистнувший им с края скалы, и орел, круживший высоко в синем небе. Цилиндры не возвращались.

Позже, преодолевая необычно крутой и опасный подъем, они увидели над собой сферы. Их было две, они походили на радужные мыльные пузыри, осторожно катящиеся им навстречу.

Шары находились довольно далеко и, когда маленький отрад остановился, тоже остановились на небольшой ровной площадке.

Кашинг пытался их рассмотреть. Размер их он оценил приблизительно в шесть футов. Они казались гладкими и полированными, совершенно круглыми и без всякого ощущения тяжести;

безмозглые на вид существа — существа, потому что, несомненно, они были живые. Мэг смотрела на них в бинокль, потом отняла его от глаз.

— У них есть глаза, — сказала она, — плывущие глаза. По крайней мере, это походит на глаза, двигающиеся по поверхности тела.

Она протянула ему бинокль, но он покачал головой:

— Пойдем посмотрим, что это такое.

Сферы ждали, пока они поднимутся. Добравшись до ровной площадки, путники увидели неожиданных посетителей не более чем в двадцати футах от себя.

Как и сказала Мэг, по всей поверхности сфер были разбросаны глаза, время от времени перемещающиеся.

Кашинг пошел вперед, Мэг рядом с ним, остальные держались сзади. Он понял, что верно оценил размер сфер. Помимо глаз, никаких других органов не было видно.

В шести футах от них Кашинг и Мэг остановились. Сначала ничего не произошло. Потом одна из сфер издала звук — нечто среднее между мычанием и хрипом. Как будто она прочищала горло.

Звук повторился и сменился гулкими словами. Так говорил бы барабан, если бы он получил

возможность говорить.

— Вы люди? — спросила сфера. — Под людьми мы имеем в виду…

— Я знаю, что вы имеете ввиду, — ответил Кашинг. — Да, мы человеческие существа.

— Вы разумная раса этой планеты?

— Верно.

— Вы господствующая форма жизни?

— Тоже верно.

— Тогда позвольте мне представиться. Мы Группа или, если хотите. Отряд исследователей и прибыли с расстояния во много световых лет. Я номер Один, а стоящий рядом со мной называется *N2*. И это не означает, что один из нас первый — просто так мы различаем друг друга.

— Прекрасно, — ответил Кашинг, — мы рады встрече с вами. Не расскажете ли, что вы исследуете.

— Мы счастливы сделать это, — сказал *N1*, — потому что надеемся, что вы прольете свет на крайне затрудняющие нас вопросы. Область наших исследований — технологические цивилизации. Ни одна из таких цивилизаций не выдерживает определенного промежутка существования. Они несут в себе семя собственного уничтожения. На других планетах, которые мы

посещали, конец технологии означал конец всего. Технология гибнет, а с нею гибнет и раса, развившая эту технологию. Она впадает в варварство и, никогда уже не поднимается из него. Внешне здесь происходит то же самое. Свыше тысячи лет человечество этой планеты живет в варварстве, и все признаки свидетельствуют, что так и будет продолжаться, но Д. и П. уверяет нас, что это не так, что эта раса много раз терпела неудачи, но после периода восстановления сил и перегруппировки она поднималась к новым высотам. Это очередная неудача, говорит Д. и П.

— Вы говорите загадками, — прервал его Кашинг. — Кто такой Д. и П.?

— Древний и Почтенный, Д. и П. — это сокращение. Он робот и джентльмен и…

— С нами есть робот, — сказал Кашинг. — Ролло, покажись нашим друзьям. Среди нас есть и робот, и лошадь.

— Мы знаем о лошадях, — сказал *N2 извиняющимся тоном*. — Они животные. Но мы не знаем…

— Энди не животное, — едко вмешалась Мэг. — Может, он и лошадь, но это замечательная лошадь. Он отыскивает воду, бьется с медведями и еще многое умеет.

— Я хочу сказать, — продолжал *N2*, — что мы не знали о существовании других роботов, кроме живущего здесь. Мы считали, что все роботы уничтожены во время так называемой Катастрофы.

— Насколько мне известно, я единственный уцелевший робот, — сказал Ролло. — Однако вы говорите, что Древний и Почтенный…

— Древний и Почтенный — хозяин остальных, — сказал *N1*. — Вы их, конечно, встречали. Маленькие надоедливые существа, спускающиеся сверху и потчующие вас бесконечной болтовней, все говорят одновременно, требуют, чтобы их слушали. — Он вздохнул. — Они вызывают раздражение. Мы пытались их слушать, надеясь получить ключ. Но они не дали нам ничего. Я считаю, что они древние рассказчики. Запрограммированные для рассказа о своих вымышленных приключениях. А впрочем, другой член нашего Отряда не разделяет этого мнения…

— Минутку, — сказал Ролло. — Вы уверены, что это роботы? Мы тоже так думаем, но я надеялся…

— Значит, вы их встречали?

— Да, — сказала Мэг. — Так вы думаете, что они рассказывали нам истории, придуманные для развлечения?

— Так я считаю, — ответил *N1*. — Другой член

нашего Отряда ошибочно считает, что в их рассказах есть смысл, которого мы из-за своей чуждости не уловили. Позвольте спросить, как это звучало для вас. Будучи людьми, вы могли уловить пропущенное нами.

— Мы слушали их очень недолго, — сказал Кашинг, — и поэтому мы не можем высказать своего суждения.

— Кто-то отозвал их, — сказала Мэг.

— Вероятно, Д. и П., — отозвался *N1*. — Он внимательно следит за ними.

— Как бы нам с ним встретиться? — спросил Кашинг.

— С ним трудно встретиться, — сказал *N2*. — Он держится одиноко. Но изредка дает нам аудиенцию.

— Значит, он мало рассказывает вам?

— Много, но главным образом о своей вере в человечество. Он считает, что умеет заглянуть далеко в будущее, и, по правде говоря, не кажется встревоженным.

— Вы говорите, он робот?

— Несомненно, но в то же время и больше, чем робот, — сказал *N2*. — Как будто робот лишь внешне.

— Это ты так считаешь, — сказал *N1*. — Он умен,

и все. Очень умный робот.

— Мы очень рады встрече с вами, — сказал *N2*. — Никто из людей сюда не приходил. Мы понимаем, что их не пускают Деревья. Как вам удалось пройти?

— Это было не легко, — ответил Кашинг. — Мы попросили их, и они пропустили.

— Значит, вы особые люди?

— Вовсе нет, — сказала Мэг. — Мы просто ищем Место, откуда уходили к Звездам.

— Уходили куда? Мы правильно расслышали?

— К Звездам. Место, откуда уходили к Звездам.

— Но это вовсе не то место, — сказал *N1*. — За все время мы ни разу не слышали воспоминаний об этом. Мы, конечно, знаем, что некогда люди вышли в космос, но звезды…

— Вы уверены, что это не Место, откуда уходили к Звездам? — спросил Кашинг.

— Мы ни разу не слышали упоминаний об этом, — сказал *N2*. — У нас создалось впечатление, что это последнее убежище интеллектуальной элиты, которая предвидела будущую Катастрофу и пыталась уберечься. Но если и так, то никаких записей не сохранилось. Мы не знаем, а лишь предполагаем. Последняя крепость разума на этой планете. Хотя, если это правда, то крепость

не выдержала, потому что уже слишком много столетий здесь не было ни одного человека.

Кашинг сказал:

— Не Место, откуда уходили к Звездам?

— Боюсь, что нет, — сказал *N1*.

Ролло сказал Кашингу:

— Я никогда не гарантировал этого. Просто передал то, что слышал.

— Вы сказали, что мы первые люди, пришедшие сюда, что вы рады нас видеть. — Это говорила Мэг. — Но если бы вы хотели встретиться и поговорить с людьми, это так просто. Вам просто следовало отыскать людей. Может, вас не пропустили бы Деревья?

— Мы много лет назад искали людей, — сказал *N2*. — Деревья для нас не препятствие. Мы легко можем перелететь через них. Но люди боялись нас. Они убегали с криками или же в отчаянии нападали на нас.

— И что же теперь, когда люди сами пришли к вам, что же мы можем для вас сделать? — спросил Кашинг.

— Вы можете сказать, есть ли основания для надежды, которую высказывает Д. и П., и можно ли верить, что ваша раса снова поднимется к величию?

— Величие, — сказал Кашинг. — Не знаю. Как измерить величие? Что это такое? Может, вы скажете мне? Вы говорите, что изучили много планет, где погибли технологические цивилизации.

— На них все было, как здесь, — сказал *N2*. — Эта планета — классический пример классической ситуации. Технологическая цивилизация погибла, и раса, создавшая ее, впала в ничтожество — никогда не поднимется вновь.

— Тогда почему это правило не применимо здесь? О чем вы беспокоитесь?

— Это все Д. и П. Он настаивает на своей вере…

— А вам не приходило в голову, что Д. и П. водит вас за нос?

— Водит нас за нос?

— Обманывает вас. Скрывает. Может быть, смеется над вами?

— Нет, — возразил *N2*. — Д. и П. настоящий джентльмен. Он на это не способен. Поймите, мы занимаемся наблюдениями в течение тысячелетий. И впервые усомнились в своих наблюдениях. Раньше все совпадало до мельчайших деталей. Отсюда и наша озабоченность.

— Мне кажется, я вас понимаю, — сказал Кашинг. — Позвольте спросить, не пытались ли вы

заглянуть в свои данные? Вы убеждены, что технология терпит неудачу, раса гибнет и возврата нет? Но что происходит потом? Что случается после этого? Если человечество на планете погружается в варварство и исчезает, кто занимает его место? Что происходит после человека? Кто сменяет человека?

— Об этом мы никогда не думали, — напряженным тоном сказал *N1*. — У нас и не возникал такой вопрос.

Сферы некоторое время молчали, чуть-чуть покачиваясь. Наконец *N2 сказал*:

— Мы подумаем об этом. Нам нужно изучить ваше предположение.

И они покатились вверх по склону, набирая скорость, и вскоре исчезли из виду.

20

До наступления ночи путники подошли к большой эспланаде, выложенной огромными камнями и ведущей к Городу — массивной группе зданий из серого камня. Они остановились на ночь, все чувствовали невысказанное нежелание приближаться к Городу в темноте, предпочитая пока остаться здесь, и, может быть, изучить его с расстояния.

Несколько каменных ступеней вели к эспланаде, которая протянулась более чем на милю. За ней поднимались здания. В мостовую были встроены окруженные каменными кольцами клумбы, теперь заросшие сорняками; рядом виднелись бездействующие фонтаны, в их бассейнах находилась не вода, а пыль; на каменных скамьях можно было отдохнуть. В одной из ближайших клумб выжил каким-то чудом розовый куст, ветер уносил от него лепестки роз.

Город, по всей видимости, был пустынен. С предыдущего вечера не было ни следа толстых болтунов. Не появлялся и Отряд. Ничего, кроме полудюжины щебечущих недовольных птиц,

перелетавших с одного куста на другой.

Над городом опрокинулось пустынное небо; с того места, где они стояли, хорошо видна была затянутая голубоватым туманом равнина.

Кашинг собрал сухие ветви и развел костер. Мэг достала сковородку и принялась жарить мясо. Энди, свободный от груза, бродил вверх и вниз по эспланаде, как солдат на часах; его копыта издавали гулкий звук. Эзра сидел рядом с клумбой, где росли розы, и слушал. Элин на этот раз не устроилась рядом с ним, а прошла несколько сот ярдов вверх по эспланаде и застыла, глядя на Город.

— Где Ролло? — спросила Мэг. — Я не видела его с полудня.

— Должно быть, разведывает, — ответил ей Кашинг.

— А что он разведывает? Ведь ничего нет.

— Он привык бродить. Не беспокойся. Он придет.

Мэг положила мясо на сковородку.

— Сынок, это не то Место, которое мы искали? Это что-то другое? Ты не знаешь, что?

— Нет, — коротко ответил Кашинг.

— А ведь ты все время стремился к Месту, откуда уходили к Звездам. Где же мы ошиблись?

— Может, такого места вообще не существу-

ет, — ответил Кашинг. — Может, это просто выдумка.

— Не хочется думать. Мне кажется, сынок, что такое место есть.

— Должно быть, — сказал Кашинг. — Пятнадцать столетий назад человек побывал на Луне и на Марсе. Они не остановились бы на этом. Пошли дальше. Но это место не подходит. Должна быть взлетная и посадочная площадка. Нелепо строить посадочную площадку на вершине холма. Ведь такая база требует доставки огромного количества оборудования.

— Может быть, они нашли другой способ уходить к Звездам. Может, в конце концов это и есть то место.

Кашинг покачал головой:

— Не думаю.

— Но это очень важное место. Иначе зачем охранять его Деревьями? Зачем и эти стражники?

— Мы это узнаем. Постараемся узнать, — проговорил Кашинг.

Мэг вздрогнула.

— У меня странное чувство, — сказала она Тому. — Как будто мы не должны быть здесь. Как будто это не наше место. Я чувствую, как большие здания смотрят сверху на нас, спрашивая, кто

мы и почему здесь. Когда я смотрю на них, я вся покрываюсь гусиной кожей.

— Давай я это сделаю, — произнес голос.

Мэг подняла голову. Над ней склонилась Элин, протягивая руки к сковородке.

— Я сама могу поджарить, — возразила Мэг.

— Ты и так все время готовила еду. А я ничего не делала. Я тоже хочу внести свою долю.

— Ну, хорошо, — сказала Мэг. — Спасибо, милая. Я так устала.

Она выпрямилась, подошла к каменной скамье и села. Кашинг сел рядом.

— Что происходит? — спросил он. — Неужели она становится человеком?

— Не знаю, — ответила Мэг. — Но я рада. Устала до костей. Какое долгое и трудное путешествие! Но ни за что на свете я не отказалась бы от него. И я рада, что мы здесь, хотя мне и беспокойно.

— Беспокойство пройдет. Утром все будет по-другому.

Когда Элин позвала их ужинать, Эзра прервал свой разговор с розами и присоединился к ним. Он в раздумье покачал головой.

— Я не понял, что говорили мне розы. В них чувствуется глубокая древность. Они как будто хотели поставить меня на край вселенной, откуда

я мог бы взглянуть на вечность и бесконечность; они спросили меня, что я вижу, а я не мог им ответить. Здесь действуют какие-то мощные и недоступные разуму человека силы…

Он продолжал в том же духе весь вечер. Никто не прерывал его, не задавал вопросов. Кашинг обнаружил, что даже слушает.

Несколько часов спустя Кашинг проснулся. Остальные спали. В костре осталось несколько горячих углей. Энди, повесив голову, стоял немного в стороне.

Кашинг откинул одеяло и встал. Ночь была холодной, ветер над головой свистел при ярком блеске звезд. Луна зашла, но в свете звезд здания были видны.

Кашинг пошел к Городу, остановился и обвел взглядом его подобную утесу громаду. Обойдусь без тебя, сказал он Городу. Ты мне не нравишься. Я не тебя искал. Слишком большой, думал он. Может быть, именно так думали люди, нанося удар, уничтоживший технологию.

Ударив, они уничтожили образ жизни, бывший для них невыносимым, но не заменили его другим образом жизни, а оставили пустоту, вакуум, в котором невозможно существовать, вернувшись к прежнему существованию, к тому месту,

откуда начинали, как человек, возвращающийся к прошлому, чтобы отыскать возможности нового начала. Но они ничего не начали снова: они просто стояли на месте, возможно, первое время довольные тем, что можно лизать раны и перевести дыхание. Они перевели дыхание и залечили раны, но по-прежнему остались на месте, в течение столетий они не двигались. Может быть, боялись двигаться, боялись, что если они двинутся, то создадут другое чудовище, которое со временем снова придется уничтожить.

Впрочем, он знал, что строит догадки на шатких основаниях. Люди после Катастрофы ни о чем не думали. Избитые и израненные за годы прогресса, они просто жались к земле и боролись за выживание.

И это большое здание — а может, множество зданий, скрывающих друг друга, — что это такое, зачем оно здесь, в пустыне? Загадочное сооружение, возведенное по какой то загадочной причине, охраняемое Деревьями и живыми камнями. И никакого ключа к этой загадке. Так же, как к тайне Деревьев и Камней, Попутчиков и Дрожащей Змеи.

Он медленно пошел по эспланаде к Городу. Прямо перед ним возвышались две большие

башни, тяжелые и прямолинейные, без всяких украшений. У подножия башен лежала густая тень. Там мог находиться вход. Подойдя поближе, он действительно увидел вход, к нему вела каменная лестница, и он был открыт.

Поднимаясь по лестнице, Кашинг увидел в глубине вспышку света. Он замер, затаив дыхание, но вспышка не повторилась.

Входной проем оказался больше, чем он думал, шириной больше двадцати футов и высотой в сорок. Он вел во тьму. Дойдя до порога, Кашинг постоял в нерешительности, затем пошел вперед, ощупывая дорогу.

Через несколько футов он остановился, чтобы дать глазам привыкнуть, но это оказалось бессмысленным, настолько глубокой была тьма. Единственное, что он смог различить, это какое-то сгущение тьмы — нечто крупное, стоявшее вдоль стен коридора, по которому он шел.

Но вот впереди блеснул свет, еще раз, и еще много раз — много странных вспышек, скорее искр; подавив мгновенную панику, он понял, что это такое — сотни дрожащих змей, танцующих во тьме помещения, куда вел коридор.

Чувствуя, что сердце его готово выскочить из груди, он направился вперед. Стоя в конце кори-

дора, он мог видеть помещение, огромный зал с массивным столом в центре; помещение озарялось вспышками змей; у стола стояла фигура, похожая на человеческую.

Кашинг попытался заговорить, но звуки замерли у него в горле; он не мог вспомнить ни одного слова.

Кто-то мягко коснулся его руки, зазвучал голос Элин.

— Мы стоим на краю вечности, — говорила она. — Один шаг — и вечность откроется нам. Ты чувствуешь это?

Кашинг покачал головой. Он не чувствовал ничего, кроме ужасной оцепенелости; он сомневался, сумеет ли сделать хоть один шаг.

С усилием он слегка повернул голову и увидел Элин, стройную, в изодранном, некогда белом платье. В блеске змей пустота ее лица была особенно страшной; впрочем, онемелость мешала ему испытывать страх, и он смотрел в ее лицо, не испытывая эмоций и просто отмечая, насколько оно ужасно.

Голос ее, однако, звучал ясно и четко. Он не дрожал, в нем не было чувств, когда она говорила:

— По словам деда, растения сообщили ему, что здесь находится вечность. Она рядом. Странное

время, без времени и пространства. Всепоглощающая бесконечность, у которой никогда не было начала и не будет конца. В ней все, что было, есть и будет. — Она всхлипнула, и Кашинг почувствовал, как ее пальцы впиваются ему в руку. — Все не так. Это лишь поверхность. Это место… нет, не место… — Она обмякла и, если бы Кашинг не подхватил ее, упала бы.

Фигура за столом не двигалась. Кашинг смотрел на нее, а она смотрела на него сверкающими глазами, в которых отражался блеск змей. Держа Элин на руках, Кашинг повернулся и пошел к выходу. Он чувствовал спиной взгляд фигуры, но не оборачивался.

Спотыкаясь, миновал коридор, добрался до внешней двери и оказался на ступенях эспланады. Здесь он остановился и опустил Элин. Она стояла, цепляясь за него. В бледном зареве рассвета он увидел ее потрясенное лицо.

Послышался топот копыт. Повернув голову, Кашинг увидел Энди. Тот, задрав хвост, большими прыжками несся вверх, пританцовывал на каменных ступенях. На мгновение казалось, что он один; затем Кашинг увидел остальных — за ним, как стая волков, неслась стая теней, кружа вокруг него, прыгая, проскакивая под его

животом, перепрыгивая и увертываясь от него. Так могла бы играть, визжа от восторга и ужаса, стая щенят.

Элин отцепилась от Кашинга и побежала к лагерю. Кашинг побрел за ней. Мэг поднялась с места, подхватила бегущую Элин.

— Что с ней, сынок? — спросила старуха, когда он подошел. — Что ты с ней сделал?

— Ничего. Она просто увидела реальность. Мы были в Городе, и она несла свою обычную чепуху о вечности, а потом…

— Вы были в Городе?

— Да, конечно. Дверь была открыта.

Элин приняла свою обычную позу, поджав ноги, сложив руки на коленях, склонив голову. Эзра, выбравшись из-под одеяла, подошел к ней.

— Что вы там нашли? — спросила Мэг. — И что стряслось с Энди?

— Он пляшет с Попутчиками, — ответил Кашинг. — Не беспокойся о нем.

— А Ролло? Где Ролло?

— Будь я проклят, если знаю. Его никогда нет, когда он нужен. Бродит где-нибудь.

В воздухе над их головами неподвижно повис цилиндр.

— Уходи, — сказал Кашинг, — нам не нужны

рассказы.

— Я ничего не рассказываю, — сказал цилиндр. — У меня есть для вас информация… Послание от Д. и П.

— Д.и П.?.

— Древнего и Почтенного. Он велел передать, что город для вас закрыт. Он говорит, что у нас нет времени для зевак.

— Прекрасно, — сказал Кашинг. — Мы не зеваки, но с радостью уйдем отсюда.

— Это вам не позволено. Если вы уйдете, то разнесете с собой глупые рассказы, а мы этого не хотим.

— Итак, нам не позволено уходить, и Город закрыт для нас. Что же нам делать? — спросил Кашинг.

— Что хотите, — ответил цилиндр. — Нас это не касается.

21

Три дня спустя они поняли, что цилиндр говорил правду. Мэг и Кашинг обошли весь Город, пытаясь проникнуть в него. Не смогли. Двери были. Множество дверей, но все закрытые.

Окна — их было немного — не ниже второго или третьего этажа. К некоторым окнам они смогли пробраться, но те оказались закрыты чем-то непрозрачным. И разбить эту преграду было невозможно. Вентиляционные отверстия были размещены в них так, что к ним невозможно было приблизиться.

Город оказался много больше, чем они думали. Он представлял собой единое здание со множеством флигелей, выстроенное по очень сложной схеме. Высота этих флигелей разнилась от пяти-шести до двадцати и более этажей. Все сооружение было окружено каменной эспланадой.

За одним исключением, они никого не видели. На второй день, вскоре после полудня, им встретился Отряд, очевидно, ожидающий, когда они обогнут один из многочисленных флигелей.

Мэг и Кашинг удивленно остановились, в то же

время они были рады встрече с кем-то, с кем можно общаться. Две большие сферы покатились им настрочу. Достигнув каменной скамьи, они остановились и стали ждать, пока подойдут люди.

N1 загремел барабанным голосом:

— Пожалуйста, садитесь и отдыхайте. Мы заметили, что таков ваш обычай. Так нам легче будет общаться.

— Мы думали, что с вами что-то случилось, — заметила Мэг. — Вы так поспешно покинули нас в тот раз.

— Нас обеспокоил вопрос, который вы задали, — пояснил *N2*.

— Кто приходит после человека?

— Да, — согласился *N1*, — и даже не сама концепция, сколько то, что существует раса, способная поставить перед собой такой вопрос. И это находится в странном противоречии с верой Д. и П. в то, что ваша раса оправится от катастрофы и достигнет еще больших высот. Кстати, вы не встречались с Д. и П.?

— Нет, — ответил Кашинг.

— Вернемся к вашему вопросу. Как вы к нему пришли? Сказать, что со временем одна форма жизни сменится другой, логично, но для какого-то определенного вида прийти к мысли, что он

будет заменен другим, очень сложно и вряд ли возможно.

— Ответ очень прост, — сказал Кашинг. — Такое рассуждение подсказано здравым смыслом и вполне согласуется с эволюционной механикой. Формы жизни поднимаются к господству благодаря определенным факторам, способствующим выживанию. На нашей планете было много господствующих рас. Человек поднялся к господству благодаря разуму, но геологическая история свидетельствует, что он не будет доминировать вечно. И как только это становится ясным, возникает вопрос, кто придет после него. Что обладает большей жизненной силой, чем разум? И хотя мы не можем ответить, мы знаем, что нечто такое существует. В сущности может оказаться, что разум не так уж и способствует выживанию.

— И вы не протестуете? — спросил *N2*. — И не бьете себя в грудь от гнева? Не рвете на себе волосы? Не впадаете в панику при мысли о том, что настанет день, когда никого из вас не будет, что во всей вселенной некому будет помнить о вас и вас оплакивать?

— Конечно, нет.

— Вы так владеете собой, что можете даже рассуждать о том, кто вас сменит?..

— Было бы забавно знать это, — сказала Мэг.

— Не понимаем, — сказал *N1*. — О какой же забаве вы говорите? Что значит «забавно»?

— Бедняги, — воскликнула Мэг, — вы даже не знаете, что такое забава?

— В общем мы уловили концепцию веселья, хотя, возможно, и поверхностно, — ответил *N2*. — Ранее мы ни с чем подобным не встречались. Нам трудно представить себе, как человек может испытывать удовлетворение, думая о собственном уничтожении.

— Ну, пока мы еще не уничтожены, — сказал Кашинг. — У нас еще есть время.

— Но вы ничего не предпринимаете.

— Пока нет. Но не скажете ли вы, каков ответ, ваш ответ, на наш вопрос? Что приходит после нас?

— На этот вопрос мы не можем ответить, — сказал *N1*, — хотя со вчерашнего дня все время о нем думаем. Д.и П. утверждает, что жизнь расы будет продолжаться. Но мы считаем, что Д. и П. ошибается. Мы видели на других планетах гибель доминирующих рас. Но после них ничего не было. Это конец.

— Может быть, вы не оставались там достаточно долго, — сказал Кашинг.

— Может понадобиться немало времени, чтобы новая форма жизни заполнила вакуум.

— Этого мы не знаем, — сказал *N2*. — Нас это не интересовало, мы не задумывались об этом. Этот вопрос выпадал из наших исследований. Понимаете, мы изучали технологические цивилизации в их кризисном состоянии. На многих планетах мы находили классические образцы. Технология развивается до определенного уровня, затем уничтожает и себя, и расу, ее создавшую. Мы уже собирались возвращаться к себе и писать отчет, как встретились с вашей планетой, и в нас зародилось сомнение…

— В нас зародилось сомнение, — подхватил *N1*, — из за уклончивости и упрямства Д. и П. Он отказывается признавать очевидное. Он упорно верит, что ваша раса снова поднимается, что она непобедима, что ее дух не признает поражений. Его постоянные ссылки на феникса, возрождающегося из пепла, не вполне нам понятны.

— Нам кажется, — продолжал *N2*, — что вы скорее получите ответ, и мы надеемся, что получив его, вы проявите дружелюбие и не скроете его от нас. Нам кажется, что ответ находится внутри Города. Как уроженцы этой планеты, вы скорее отыщите его.

— Отличная возможность, — сказал Кашинг. — Мы не можем попасть в Город и не можем уйти отсюда. Это нам запретил Д. и П.

— Вы ведь сказали, что не встречались с Д. и П.

— Так и есть. Он послал нам сообщение с одним из цилиндров.

— Очень похоже на Д. и П., — сказал *N1*. — Он мудрый старый джентльмен, но временами бывает раздражителен.

— Джентльмен? Но разве он человек?

— Конечно, нет, — сказал *N2*. — Мы вам об этом говорили. Он робот. Вы должны знать о роботах. В вашем отряде есть один.

— Погодите, — сказал Кашинг. — Там что-то стояло у стола. Похоже на человека и в то же время не человек. Должно быть, робот. Это, наверное, и был Д. и П.?

— Вы говорили с ним?

— Нет. Там было слишком много другого.

— Нужно было заговорить с ним.

— Ну, сейчас слишком поздно. Д.и П. в Городе; и мы не можем попасть к нему.

— Не только Д. и П., — сказал *N1*. — За этими стенами скрывается кое-что еще. Мы не знаем точно об этом. Лишь догадываемся… Воспринимаем его.

— Значит, вы его чувствуете?

— Верно, — сказал *N1*. — Наши чувства несопоставимы с вашими, но это можно назвать и так.

К концу дня Кашинг и Мэг вернулись в лагерь. Навстречу им вприпрыжку выбежал Энди. Остальных не было видно. Эзра и Элин отправились к подножию холма поговорить с Деревьями, а Ролло просто бродил где-то.

— Теперь мы знаем, сынок, — сказала старая Мэг. — Д. и П. выразился точно. Город закрыт для нас.

— Все из-за Элин. Она болтала о вечности.

— Ты слишком резок с ней. Может быть, она слегка и тронутая, но она обладает силой. Я уверена в этом. Она живет в другом мире, на другом уровне. Она видит и слышит то, чего не воспринимаем мы. Впрочем, что сейчас говорить об этом? Что мы будем делать, если не сумеем уйти отсюда?

— Я не собираюсь сдаваться, — ответил Кашинг. — Если мы захотим уйти, то найдем путь.

— А что случилось с Местом, которое мы ищем? Как мы могли так ошибиться?

— Мы ошиблись, потому что шли вслепую, — сказал Кашинг. — Хватались за всякий слух, верили во все лагерные рассказы, которые слышал

Ролло. Это моя ошибка. Я слишком торопился. Слишком легко верил в услышанное.

Вскоре после наступления тьмы явился Ролло. Сев рядом с остальными, он уставился в костер.

— Я мало что отыскал, — сказал он. — К западу отсюда находится карьер, откуда и брали камень для Города. Старая дорога ведет на юго-запад. Она проложена до того, как выросли деревья. Теперь она перекрыта деревьями. Я пытался пройти, но прохода нет. Я пробовал в нескольких местах. Деревья стоят стеной. Может быть, сотня людей с топорами смогла бы пробиться, но у нас нет ни людей, ни топоров.

— Даже с топорами, — сказала Мэг. — Вряд ли…

— Собираются племена, — продолжал Ролло. — Равнина к востоку и югу просто черна от них, и все время подходят новые. Должно быть, новость распространяется быстро.

— Я не понимаю, почему они собираются, — сказал Кашинг. — Конечно, были стражники, но я считал их небольшими группами заблуждающихся фанатиков.

— Не так уж и заблуждающихся, — сказала Мэг. — Нельзя столетиями нести стражу, основываясь лишь на заблуждении.

— Ты считаешь это место важным? Настолько важным?

— Так должно быть, — сказала Мэг. — Оно слишком велико. Слишком много времени и труда затрачено на его сооружение. И оно по-прежнему хорошо защищено. Люди, даже в старые машинные времена, не стали бы тратить столько времени и сил…

— Да, я знаю, — сказал Кашинг. — Сам удивляюсь. Зачем оно здесь? Если бы только мы смогли понять это…

— Появление племен показывает, что это место более важно, чем мы думали, — сказал Ролло. — Здесь не только одни стражники. Их поддерживали племена. Должно быть, существует легенда…

— Если так, то это хорошо скрытая легенда, — сказала Мэг. — Я никогда не слышала о ней. Я уверена, что городские племена ничего о ней не знают.

— Самые важные легенды должны тщательно скрываться, — сказал Кашинг.

— Они настолько священны, что о них, может быть, и не говорят вслух.

На следующий день Ролло пошел с ними в очередной обход Города. Они не нашли ничего

нового. Стены стояли прямо и недостижимо. Никаких признаков жизни.

Позже вернулись в лагерь Эзра и Элин. Они очень устали, ноги у них были сбиты.

— Садитесь и отдохните, — сказала Мэг. — Ложитесь, если хотите. Вот вода. Я сейчас поджарю мяса. Поспите немного перед едой.

Эзра хрипло сказал:

— Деревья не пустили нас. Не слушали никаких заговоров. И не объясняли, почему. Но о других вещах они говорили. Они говорили о наследственных воспоминаниях. О другой планете в другой солнечной системе, где-то очень далеко отсюда. Они назвали и эту планету, но это очень трудное название, со множеством согласных, я не запомнил его и не хотел переспрашивать. Мне это казалось неважным… Какая нам польза, если мы будем даже знать название? Они либо забыли, как попали сюда, либо не хотели говорить. Впрочем, может, они и сами не знают. Я не уверен, что они видели эту планету. Я думаю, они говорили о наследственной памяти. Расовые воспоминания, передаваемые от одного поколения к другому.

— Ты уверен в этом? — спросил Кашинг. — И они сказали, что пришли с другой планеты?

— Уверен, — ответил Эзра. — Это несомненно.

Они говорили о планете, как человек, заброшенный куда-нибудь, говорил бы о стране своего детства. Они показывали мне эту планету. Картина очень смутная, но основное разобрать можно. Я думаю, что это идеализированная картина. Розовый мир — знаете, такой тонкий розовый цвет яблоневых лепестков ранней весной на фоне голубого неба. Не цвет этого мира был розовым, а чувство. Я знаю, что не очень понятно выражаюсь, но так и было. Радостный мир, не счастливый, а радостный.

— Неужели люди, улетавшие к звездам, попали в этот розовый мир и привезли оттуда семена деревьев? — спросил Кашинг.

— А Попутчики и Дрожащие Змеи? Живые камни? Все это не может принадлежать нашему миру, — сказала Мэг.

— Если это верно, — подхватил Ролло, — то, может, это все-таки и есть Место, откуда уходили к Звездам?

Кашинг покачал головой.

— Здесь нет посадочных площадок. Мы их нашли бы, если бы они были. И очень далеко от источников снабжения. С экономической точки зрения нелогично.

— Возможно, в определенных условиях отсут-

ствие логики имеет смысл, — сказал Ролло.

— Но не в технологическом мире, — сказал Кашинг, — не в таком мире, который посылает людей к звездам.

Вечером, когда Эзра и Элин уснули, Ролло ушел бродить, Энди отправился плясать с Попутчиками, Кашинг сказал Мэг:

— Меня беспокоит то, что сказал Отряд… Там есть что-то еще. Что-то скрытое. Мы должны его найти.

Мэг кивнула:

— Наверное, тут многое можно найти, сынок. Но как? Ты что-нибудь придумал?

— Ты почувствовала живой камень, — сказал Кашинг. — Ты чувствуешь Попутчиков. Ты сказала, что они — конгломерат множества людей, всех, кого они встречали. Ты почувствовала, что мозг робота жив. И многое другое. Ты почувствовала меня, когда я спал в зарослях сирени.

— Я тебе много раз говорила, что я не настоящая ведьма. Я всего лишь старуха, которая использовала свои слабые возможности, чтобы спастись и прокормиться. Вот Элин…

— Не Элин. У нее совсем другие способности. Она видит сразу всю картину. Ты же различаешь и подробности.

— Ты спятил, — сказала Мэг.

— Ты попробуешь, Мэг?

— Напрасная трата времени.

— Мы должны решить эту задачу. Должны знать, что происходит. Если не хотим остаться тут навсегда.

— Ладно. Завтра. Только чтобы показать, что ты ошибаешься. Если у тебя есть лишнее время.

— У меня оно есть, — сказал Кашинг. — Мне больше нечего делать.

22

Она не хотела делать это, но говорила себе, что должна попытаться. И в то же время она пыталась и боялась убедиться в собственном бессилии.

— Надеюсь, ты будешь доволен, — сказала она Кашингу.

Раннее утреннее солнце освещало большую металлическую дверь, украшенную символическими изображениями, которые ничего не говорили ей. Угрожающе возвышались по обе стороны каменные башни. Стоя на ступеньках перед дверью. Мэг почувствовала, как хмуро смотрит на нее все сооружение.

Отряд сказал, что за дверью, где-то в Городе, скрывается нечто, но он и сам не знал, что это. И вот ей предстояло это узнать. Она знала, что это невозможно, не стоит и пытаться, но сынок верит в нее, и она не может ему отказать. Она знала, что остальные не верят. Взглянув на Элин, она подумала, что уловила в глазах женщины странный блеск — словно та забавлялась… Хотя, бог знает, что скрывается в пустых глазах Элин.

Мэг опустилась на колени и устроилась с удоб-

ствами. Она попыталась мысленно проникнуть в Город, вначале слегка, потом настойчивее. Щупальца ее мозга двинулись вперед, ощупывая, пробуя, ища, как будто отыскивая щели в стене.

Она ощутила жесткость камня, полированную твердость металла, и вот она проникла в пустоту за ними. И там что-то было.

Щупальца отпрянули, коснувшись неизвестного предмета — или предметов — она никогда не встречала такого и никто не встречал. Не предмет, сказала она себе, а множество различных… она не могла подобрать слово. Они были не живые, хотя, несомненно, они были сущностью чего-то. Она ощутила цепенящий страх, дрожь, отвращение, как будто там были пауки, миллиарды копошащихся пауков с радужными изуродованными телами, с лапами, покрытыми дрожащими черными волосами. Крик застрял в ее горле, но она подавила его. Они не могут мне повредить, сказала она себе, они не доберутся до меня; они внутри, а я снаружи.

Мозг ее снова двинулся вперед, она оказалась среди них; и тут она поняла, что это не пауки, в них нет вреда, потому что они не живые. Но, хотя в них и не было жизни, в них было заключено значение. Бессмыслица. Как может что-то

безжизненное содержать значение? Она была окружена их значениями, маленькими безжизненными значениями, которые смутно шептали ей что-то, пробирались вперед, прижимались к ней и ждали ее внимания. Она ощущала биение бесчисленных крошечных сгустков энергии, и в мозгу ее мгновенно вспыхивали картины и в тот же момент гасли — множество изображений, как рой мошек, летящих в столбе солнечного света; их самих не было видно, но о них знаешь по отражению света от их дрожащих крылышек.

Она попыталась сконцентрироваться, сфокусировать свои умственные щупальца на одном из маленьких танцующих изображений, удержать его настолько, чтобы понять, что это такое. Как будто издалека, как будто происходило с другим человеком, она чувствовала, как пот струится по ее лицу. И крепче закрыла глаза, чтобы картина в ее мозгу стала четче.

Изображение прояснилось, но они по-прежнему дрожали и прыгали, по-прежнему шел блеск от дрожащих крыльев, смазывая туманные смутные картины. Бесполезно, подумала она; она попыталась продвинуться еще дальше, насколько хватало сил, но была отброшена. Что-то было внутри, что-то необычное, но она не смогла

разглядеть его.

Она упала вперед, повернулась на бок, все еще оставаясь в позе эмбриона. Открыла глаза и сквозь пелену увидела склонившегося над ней Кашинга.

Мэг прошептала:

— Я в порядке, сынок. Там что-то есть, но я не смогла ухватить его.

Он приподнял ее:

— Хорошо, Мэг. Ты сделала, что могла.

— Если бы у меня был мой хрустальный шар, — шептала она.

— Хрустальный шар?

— Да. Я оставила его дома. Никогда не верила в него.

— Ты думаешь, он помог бы тебе?

— Может быть. Он помогал мне сосредоточиться.

Остальные стояли вокруг, следя за ними. Энди подошел поближе, вытянул шею и фыркнул. Мэг похлопала его по носу.

— Он всегда беспокоится обо мне, — сказала она. — Думает, что его работа — заботиться обо мне. — Оттолкнувшись от Кашинга, она села. — Дай мне немного времени. Я попробую еще раз.

— Не нужно.

— Попробую. Отряд был прав. Там что-то есть.

Большие каменные стены возвышались на фоне безоблачного неба — прочные, насмешливые, враждебные. Высоко в небе неподвижно висела большая птица, казавшаяся точкой.

— Жуки, — сказала она. — Миллионы маленьких жуков. Копошатся. Жужжат. Как муравьи или как пауки, как мошки. Все время движутся. Приводят в замешательство.

Элин произнесла своим резким холодным голосом:

— Я могу помочь.

— Дорогая, держись подальше от этого, — заметила Мэг. — Мне хватает своих неприятностей.

Она снова встала на колени, приняв прежнюю позу.

— Последний раз, — сказала она. — Самый последний. Если не получится на этот раз, значит, конец.

На этот раз было легче. Не нужно было проходить сквозь камень и металл. Она немедленно оказалась среди пауков и мошек. На этот раз мошки образовывали символы, она их видела, но неясно и не понимая, хотя ей казалось, что понимание уже совсем рядом. Если бы только подойти ближе, если бы как-то замедлить танец

этих мошек, остановить спешку пауков, она смогла бы понять. В них должна быть цель и должна быть причина суеты. Должен быть смысл в том рисунке, что они плетут. Она постаралась приблизиться, и на мгновение безумный танец замедлился, и она ощутила счастье, такое глубокое и чистое, что оно было как физический шок. Сладость этого счастья поглотила ее. Но даже в этот момент она знала, что здесь что-то неладно, во всем этом есть что-то аморальное, незаконное — нельзя испытывать такое счастье. И в тот же момент она поняла, что неверно. Она инстинктивно поняла, что это искусственное счастье, синтетическое счастье; ее движущийся ощупью мозг уловил сложную систему символов, объясняющих это счастье. Все это промелькнуло в такое короткое время, что его невозможно было измерить; затем счастье исчезло, и хотя оно было синтетическим, все вокруг стало мрачным, холодным, пустым, хотя пространство по-прежнему было населено миллиардом миллиардов насекомых, которые не были настоящими насекомыми; просто ее человеческий мозг воспринимал их как насекомых. Со стоном она искала утраченное счастье, фальшивое, но необходимое. Но она ничего не могла найти в окружающей ее тусклости.

С жалобным стоном она потянулась за счастьем, но оно ускользнуло.

Издалека, из другого мира послышался голос, который она когда-то знала, но теперь не могла узнать.

— Вот, Мэг, твой хрустальный шар.

Она ощутила жесткость и округлость шара в своих руках; слегка открыв глаза, она увидела его полированную яркость, отражающую лучи утреннего солнца.

Другой разум ворвался в ее мозг — холодный, резкий, острый, темный разум, кричащим в торжестве и ликовании, как будто произошло то, чего он давно ждал; в то же время разум этот как бы откатывался в ужасе от реальности, которую не знал в течение столетий, которую совсем забыл, утратил всякую надежду найти ее.

Этот неожиданный разум устремился к ее мозгу, отчаянно цеплялся за нее в поисках безопасности, боясь остаться в одиночестве, снова окунуться во тьму и холод. И, цепляясь за ее мозг, этот новый разум тоже устремился в рой сверкающих крыльев и волосатых лап, и тут же крылья и лапы исчезли, пауки и мошки исчезли, и из общей неуверенности и смятения возник порядок, который ошеломлял не менее, чем пауки и

мошки. Порядок этот потрясал, потому что был недоступен пониманию.

Но вот значение его прояснилось, значение — догадка, значение — предположение, туманное и отрывочное, но прочное и реальное в этих отрывках и тумане. Мозг Мэг улавливал эти отрывки, как человек, слушающий разговор в столь быстром темпе, что воспринимает лишь одно слово из двадцати. Но за всеми этими отрывками она уловила общее — сумму знаний, которая охватывала всю вселенную, все вопросы, которые можно задать и на которые можно ответить.

Мозг ее отшатнулся от этой массы ответов, и она открыла глаза. Хрустальный шар выпал из ее рук, скатился по коленям и ударился о каменную мостовую. Она увидела что это не хрустальный шар, а кожух мозга робота, который Ролло носил в своей сумке. Она протянула руку коснулась кожуха, погладила его, ужасаясь тому, что сделала.

Разбудить его, дать понять, что он не один, пробудить надежду — какая жестокость! Разбудить на мгновение, потом снова погрузить во тьму и одиночество, коснуться на мгновение и затем уйти. Она подняла кожух и прижала к груди, как мать ребенка.

— Ты не один, — сказала она ему. — Я с тобой. —

Она не знала, говорила ли она это вслух. И на мгновение снова ощутила мозг, больше не холодный и одинокий, почувствовала вспыхнувшую дружбу и благодарность.

Открылась большая металлическая дверь. В ней стоял робот, больше и массивнее Ролло, но похожий на него.

— Меня зовут Древний и Почтенный. Не хотите ли войти? Мне нужно поговорить с вами.

23

Они сидели за столом в комнате, где Кашинг и Элин впервые встретили Д. и П., но в этот раз комната освещалась свечой, стоявшей на столе. Были и Дрожащие Змеи, но не так много, как в первый раз; они держались ближе к потолку.

Д.и П. громоздко сидел на стуле во главе стола, остальные вокруг стола. Мэг положила перед собой на стол кожух и держала его обеими руками. Снова и снова касалась она его своим мозгом, просто чтобы убедить, что она его не покинула. Энди стоял в двери, опустив голову. За ним в коридоре виднелись серые тени Попутчиков.

Д.и П. уселся поудобнее и долго смотрел на них, как бы оценивая, обсуждая про себя, не допустил ли он ошибку, пригласив их сюда.

Наконец он заговорил:

— Мне приятно приветствовать вас в Месте, откуда уходили к Звездам.

Кашинг хлопнул по столу ладонью.

— Кончай свои волшебные сказки! — воскликнул он. — Это не может быть Местом, откуда уходили к Звездам. Здесь нет посадочных площа-

док. В таком месте это невозможно.

— Мистер Кашинг, — вежливо сказал Д. и П. — Позвольте мне объяснить. Вы говорите, нет посадочных площадок. Конечно, нет. Вы когда-нибудь думали о полетах к Звездам? Как они далеки, какое время потребуется, чтобы достичь их?

— Я читал — ответил Кашинг. — Библиотека университета…

— Вы читали то, что было написано о полетах к Звездам за сотни лет до того, как эти полеты осуществились. Читали написанное тогда, когда человек добрался лишь до Луны и Марса.

— Верно, но…

— Вы читали о замораживании экипажа и о последующем оживлении его. Читали догадки о путешествии со скоростью быстрее скорости света. Читали о колониях людей на землеподобных планетах в других системах.

— Что-нибудь из этого должно было сбыться, — упрямо сказал Кашинг. — Человек со временем мог найти способ.

— Он нашел, — согласился Д. и П. — И люди отправились к ближайшим звездам. И нашли много интересного. Они привезли семена, из которых вырос пояс Деревьев. Привезли Попут-

чиков, живые камни и Дрожащих Змей. И все это вы видели. Но этот способ путешествия оказался непрактичным. Слишком дорого и требуют слишком много времени. Нелогична сама посылка людей к звездам. Меняются перспективы, и с ними меняются цели. Начиная полеты к звездам, мы спросили себя, чего мы хотим добиться, и пришли к заключению, что сама высадка на планетах в других солнечных системах не слишком ценна. Конечно, слава и удовлетворение, и мы узнаем кое-что интересное, но уж слишком много времени это занимает. Если бы могли послать тысячи кораблей к разным звездам, то получали бы постоянный поток результатов. Пришлось бы подождать несколько сотен лет, и корабли начали бы возвращаться. Но мы не могли послать тысячи кораблей. Экономика не выдержала бы такого напряжения. Нужно было бы постоянно строить и отправлять эти корабли. Мы знали, что для этого у нас нет ни достаточных ресурсов, ни времени, потому что социологи предупредили нас о Катастрофе. И мы спросили себя, чего мы в сущности ищем. И получили ответ — информацию.

Не живя в те годы, о которых я рассказываю, трудно представить себе, под каким давлением

мы находились. Со временем вопрос о полете к звездам превратился в вопрос о сборе знаний, которые могли бы предотвратить Катастрофу, предсказанную нашими социологами. Население не знало об этих предсказаниях. Много лет его бомбардировали предупреждениями сотен разных экспертов, и большинство этих предупреждений оказались неверными. В результате люди перестали обращать внимание на любые предупреждения.

Но небольшая группа ученых и инженеров — их было несколько тысяч — ясно видела эту опасность. Существовало несколько возможностей предотвратить катастрофу, но наиболее многообещающей казалась возможность использовать знания, полученные у других цивилизаций.

Мы думали, что так можно отыскать ответ, простой ответ, на который человечество просто не обратило внимания.

Он остановился и осмотрел сидящих за столом.

— Вы следите за моим рассказом?

— Да, — сказал Эзра. — Ты говоришь о древних временах, которые нам неизвестны.

— Они известны мистеру Кашингу. Мистер Кашинг читал об этих днях.

— Я не умею читать, — сказал Эзра. — И мало

кто умеет. В моем племени никто.

— Меня удивляет поэтому, как научился читать мистер Кашинг, — сказал Д. и П. — Вы говорили об университете. Разве еще существуют университеты?

— Я знаю только об одном, — сказал Кашинг. — Но, может, есть и другие. В нашем университете человек по имени Уилсон несколько столетий назад написал историю Катастрофы. Но эта его история основана главным образом на легендах.

— Значит, вы представляете себе, что такое Катастрофа?

— Только в общих чертах, — ответил Кашинг.

— Но вы знали о Месте, откуда уходили к Звездам?

— Не из истории. Уилсон знал о нем, но не включил в «Историю». Вероятно, ему это показалось сказкой. Я нашел его записки, где он упоминает об этом Месте.

— И решили поискать его? Но, найдя его, вы не поверили. Нет посадочных площадок, говорите вы. Были здесь некогда и посадочные площадки, немного в стороне отсюда… Но потом мы спросили себя, нельзя ли отправлять роботов…

— Болтуны, — сказал Кашинг. — Вот оно что — межзвездные роботы-исследователи. Отряд

счел их рассказчиками.

— Отряд — это пара зевак с какой-то отдаленной планеты, — заметил Д. и П. — Они собираются писать нечто вроде «Упадка и гибели технологических цивилизаций». Они тут очень многому удивлялись, а я не собирался ничего объяснять им. В сущности, я делал все, чтобы заинтриговать их. Если бы я им помог, они проторчали бы здесь не одну сотню лет. А мне это не нужно.

Роботы — вы их называете болтунами — обходятся гораздо дешевле звездных кораблей. Дорого стоили исследования, но как только был изготовлен образец, дальше все было просто и дешево. Роботы снабжены рецепторами и способны накапливать информацию. Мы сотнями строили и программировали их и отправляли к звездам. Через сто лет они начали возвращаться, набитые информацией. Некоторые из них не вернулись. Думаю, с ними мог произойти какой-нибудь несчастный случай. Однако к тому времени, как начали возвращаться первые роботы-исследователи, уже произошла катастрофа, и людей на этой станции не осталось. Я и несколько других роботов — это все. Теперь даже и этих роботов нет: одни попали в лавину, другие погибли от странной болезни — это очень удивляет меня,

ведь мы не подвержены болезням. Некоторые из-за своей неосторожности попали под сильное напряжение: хоть здесь горит свеча, у нас есть электричество. Мы его получаем от солнечных батарей на крыше. Свеча из-за отсутствия ламп. У нас кончился их запас, а пополнить его мы не можем. Во всяком случае из всех роботов остался я один.

Когда роботы-исследователи начали возвращаться, мы передавали их кодированную информацию в центральный банк, перепрограммировали их и отправляли снова. В последние несколько столетий я перестал посылать их снова. Казалось, в этом нет смысла. Наш банк информации заполнен почти до предела. Мне следовало бы дезактивировать исследователей и отправить их на склад, но я не сделал этого. Они так радовались жизни. Основная информация передавалась в банк, а в них оставалась остаточная информация, они принимали ее за псевдовоспоминания и рассказывали друг другу о своих великих приключениях. Некоторые из них вырвались в ночь вашего прибытия, и прежде чем я отозвал их, вы познакомились с образчиком их болтовни. То же они проделали и с Отрядом, но я не не останавливал их, потому что это давало

Отряду занятие.

— Итак, сынок, — сказала Мэг Кашингу, — ты нашел свое Звездное Место. Не такое, как ты искал, но еще более великое.

— Я не понимаю, почему ты говоришь с нами, — обратился Кашинг к Д. и П. — Ты же сообщил нам — помнишь? — что это место для нас закрыто. Что заставила тебя изменить свои намерения?

— Вы должны понять, как тщательно нужно заботиться о безопасности этого места, — сказал Д. и П. — Начиная этот проект, мы искали изолированное место. Мы посадили пояс Деревьев, которые генетически запрограммированы противостоять вторжению, а снаружи разместили кольцо из живых камней. Деревья — пассивная защита, камни — активная, в случае необходимости. С течением времени камни рассеялись. Многие из них ушли. Деревья должны были держать их под контролем, но в некоторых случаях этого не получилось. Ко времени основания станции было ясно, что цивилизация движется к катастрофе, что означало не только необходимость сохранения станции в тайне, но и создание защиты. Мы надеялись, что катастрофа не произойдет еще по крайней мере в течение двухсот лет. К тому времени мы, возможно, нашли бы

решение. Но у нас не оказалось времени. После Катастрофы мы надолго затаили дыхание. К тому времени Деревья хорошо разрослись, но они, конечно, не выдержали бы атаки с применением огнеметов или артиллерии. Но отдаленное расположение плюс тайна спасли нас. Толпы во время Катастрофы были, вероятно, слишком заняты, даже если и знали о нас. Было много более легкой добычи.

— Но это не объясняет, что случилось с нашим отрядом, — сказал Кашинг. — Почему ты изменил свое намерение?

— Я должен еще кое-что объяснить вам, — продолжал Д. и П. — После смерти людей тут оставались только роботы, да и тех становилось все меньше и меньше. У нас было не очень много работы. Системы станции устроены настолько надежно, что не могут выйти из строя. Но одна из систем по непонятной причине все же испортилась. Это система возврата информации…

— Система возврата информации?

— Часть установки, которая выдает информацию. Накоплены горы данных, но их невозможно получить. Я пытался что-то предпринять. Но вы должны понять, что я не техник. Меня готовили к административной работе. Ситуация такова:

есть информация, но получить ее невозможно. Когда появились вы, и Деревья сообщили мне, что среди вас есть чувствительные, у меня возникла надежда. Я велел Деревьям пропустить вас. Я надеялся, что чувствительные смогут проникнуть к информации. И меня поразило, что самый чувствующий среди вас вовсе не интересуется этой информацией и считает ее не заслуживающей внимания.

— Ты говоришь, что Деревья сообщили тебе, — спросил Кашинг. — Может, ты сам чувствующий?

— Технологическая чувствительность, — ответил Д. и П. — Я настроен на Деревья, но ни на что больше. Чувствительность, конечно, но очень ограниченная и избирательная.

— И ты решил, что чувствующий человек сможет пробиться к информации? Когда Элин не сделала этого…

— Я подумал, что все это напрасная трата времени, но теперь я так не думаю. Ее чувствительность проникает слишком далеко, она слишком настроена на вселенские факторы и поэтому бесполезна нам. Проникнув в банк информации, она была потрясена хаосом. Да, я должен признать, что там царит хаос — миллиарды наблюдений безо

всякого порядка. Но утром пришла другая из вас. Вы ее зовете Мэг. Она углубилась в информацию. Не получила ничего, но она узнала о ней…

— Только после того, как мне дали головной кожух робота, — сказала Мэг. — Именно он сделал это возможным.

— Я дал ей кожух вместо хрустального шара, — сказал Ролло. — Просто сверкающий предмет, который помогает сосредоточиться.

— Ролло, — сказала Мэг. — Пожалуйста, прости меня, Ролло. Я надеялась, что ты никогда не узнаешь. Сынок и я знали, но не говорили тебе.

— Вы хотите сказать, — вмешался Д. и П., — что мозг робота все еще живет в кожухе и что когда тело робота дезактивируется или уничтожается, мозг его продолжает жить…

— Не может быть! — напряженным голосом воскликнул Ролло. — Он не может ни слышать, ни видеть. Он закрыт внутри…

— Верно, — сказала Мэг.

— Тысячу лет. Больше тысячи лет.

Кашинг сказал:

— Ролло, нам всем жаль. В тот вечер, когда ты впервые показал кожух робота Мэг, — помнишь? — она почувствовала, что мозг жив. Рассказала мне, и мы согласились, что тебе не

следует знать об этом. Видишь ли, мы ничего не можем сделать.

— Их миллионы, — сказал Ролло. — Лежащие в таких местах, где их никогда не найдут. Собранные в пирамидах племен. Детские игрушки, которые катают по земле…

— Будучи роботом, я сожалею вместе с вами, — сказал Д. и П. — Я тоже потрясен. Но я согласен с этим джентльменом, что мы ничего не можем сделать.

— Мы можем дать им новые тела, — сказал Ролло. — Можем хоть вернуть им зрение и слух. И голос.

— Кто сделает это? — горько спросил Кашинг. — Кузнец в кузне земледельческого племени? Жестянщик, который готовит наконечники?

— И все же, — сказал Д. и П., — этот мозг, изолированный все эти годы, сумел ответить, когда его коснулся человеческий разум. Ответить и помочь.

— Я видела пауков и мошек, — сказала Мэг, — но они ничего для меня не значили. Когда мы стали работать в паре с сознанием робота, то они стали чем-то иным — рисунком, в котором кроется значение, хотя я его не поняла.

— Я думаю, — сказал Д. и П., — что здесь кроется

надежда. Вы достигли банка информации; вы почувствовали наблюдения; вы смогли превратить их в видимые формы.

— Не вижу, чем это поможет нам, — сказал Кашинг. — Видимые формы бессмысленны, если их нельзя интерпретировать.

— Это лишь начало, — возразил Д. и П. — Во второй раз, в третий, в сотый раз значение может стать ясным. Если бы у нас была сотня чувствующих, чтобы каждый был связан с мозгом робота…

— Прекрасно, — сказал Кашинг, — но откуда мы знаем, что это подействует? Если бы мы смогли восстановить систему возврата информации…

— Я использую ваши же слова, — сказал Д. и П. — Кто это сделает? Кузнец или жестянщик? И даже если мы восстановим эту систему, откуда мы знаем, что сумеем прочесть данные и интерпретировать их? Мне кажется, что вариант с чувствующими дает лучшую возможность…

— Со временем, — сказал Кашинг, — мы могли бы найти людей, которые нашли бы способ починки. Если бы были схемы и диаграммы…

— Здесь есть схемы и диаграммы. Я размышлял над этим, над схемами, но для меня они не имеют значения. Вы говорите, что умеете читать?

Кашинг кивнул.

— В университете есть библиотека. Но от нее мало проку. Она подверглась чистке и сохранила лишь написанное за несколько столетий до Катастрофы.

— Здесь есть библиотека, которая избежала этой участи, — сказал Д. и П. — Здесь достаточно материала для обучения людей, которые восстановили бы систему.

Заговорил Эзра:

— Я пытаюсь следить за обсуждением, но получается с трудом. Как будто есть две возможности: восстановить систему или использовать чувствующих. Я сам чувствующий, как и моя внучка, но боюсь, мы не сможем помочь. У нас специализированная чувствительность. Внучка стремится к обобщениям, а я настроен только на растения. Боюсь, что то же самое будет и с другими чувствующими. Вероятно, их много разновидностей.

— Верно, — сказал Кашинг. — Уилсон посвятил главу своей «Истории» росту чувствительности после катастрофы. Он считал, что технология сдерживала развитие чувствительности. После падения технологии число чувствующих увеличилось.

— Возможно, это и так, — сказал Эзра, — но

среди них найдется мало таких, которые смогут сделать то же что и Мэг.

— Мы забыли о мозге робота, — сказала Мэг. — Я думаю, дело не в моей чувствительности, а в нем. Я просто направляла его мозг, давая ему возможность проникнуть в банк информации и увидеть то, что там находится.

— Эта тема печальна для меня, — сказал Ролло, — но думаю, что Мэг права. Не люди — чувствующие, а мозг робота даст нам ответ. Мозги много столетий были замкнуты в себе. В одиночестве они продолжали функционировать. Поскольку внешних стимулов не было, они обратились внутрь. Они продолжали мыслить. Совершенствовали эту свою способность. Ставили перед собой проблемы и пытались их разрешить. Они развили свою особую логику. У них обострился интеллект.

— Согласен, — сказал Эзра. — Для меня это имеет смысл. Нам нужны чувствующие, которые могли бы работать с мозгами роботов, служить их интерпретаторами.

— Ладно, — сказал Кашинг. — Нам нужны мозги и чувствующие. Но я думаю, нужно подыскивать и людей, которые смогли бы восстановить систему. Ты говоришь, здесь есть библиотека?

— Только специальная и научная техническая литература. Но нужны люди, которые умеют читать.

— В университете их сотни, — сказал Кашинг.

— Вы думаете, мы должны подойти к проблеме с двух сторон?

— Да, — сказал Кашинг.

— И я считаю так же, — сказал Эзра.

— И что же мы получим, если нам повезет с этим? — спросил Кашинг. — Базис, для новой человеческой цивилизации? Способ поднятия из варварства и вступления на прежний путь технологии? Ведь если мы восстановим систему выдачи информации, а план с чувствующими не удастся, мы вынуждены будем вернуться к технологии, а мне это не нравится.

— Неизвестно, что мы обнаружим, — сказал Д. и П. — Но мы должны пытаться. Нельзя стоять на месте.

— У тебя должна быть хоть какая-то идея, — настаивал Кашинг. — Ты говорил с вернувшимися исследователями перед тем, как передать их информацию в банк.

— Я говорил с большинством из них, но мои знания поверхностны. Только слабое указание на то, что мы можем найти. Многое не имеет значения.

Роботы-исследователи были запрограммированы на посещение только таких планет, где может возникнуть жизнь. Если их рецепторы не обнаруживают признаков жизни, они не тратят времени. Но даже на тех планетах, где возникла жизнь, не всегда есть разум или аналог разума. Впрочем, это не значит, что на таких планетах нельзя найти что-либо достойное.

— Но на некоторых планетах есть разум?

— Да. И на очень многих. Обычно это странный разум. В некоторых случаях — пугающий. Например, в пятистах световых годах от нас находится то, что можно бы назвать галактическим штабом. Впрочем, это чисто человеческое и потому неверное восприятие. В другом месте, несколько ближе к нам, живет настолько развитая раса, что человечество восприняло бы ее как бога. Я думаю, она особенно опасна человечеству — вы склонны верить в богов.

— Но ты считаешь, что мы могли бы найти факторы, которые помогут человечеству восстать из праха.

— Я уверен в этом, — сказал Д. и П. — Как я вам сказал, у меня лишь поверхностное впечатление о том, что принесли исследователи. Да и то не обо всем. Но вот что я помню: машина счастья, ме-

тод, позволяющий производить счастье и удачу; место смерти огромной конфедерации союзников, и туда отправляются умирать и оставляют весь свой умственный багаж, его можно восстановить, если необходимо; уравнение, которое мне непонятно, но в котором заключен способ путешествия быстрее света; разум, научившийся жить где угодно, а не только в материи мозга; математика, в которой много общего с мистикой и которая использует мистику. Может, мы ничего из этого не сумеем использовать. Но это лишь примеры. Там еще много другого, и я уверен, что многое будет нам полезно.

Впервые заговорила Элин:

— Мы стоим лишь на краю. И видим все несовершенно. Хватаемся за частички и не можем представить себе все. Есть такие великие понятия, которые нам еще недоступны. Мы не замечаем того, чего не можем понять.

Она говорила не с ними, а с собой. Ее ладони на столе, она смотрела сквозь стены в какой-то другой мир.

Она смотрела во Вселенную.

24

— Ты сошел с ума, — говорила Мэг Кашингу. — Если ты пойдешь к ним, они убьют тебя. Они разгневаны из-за того, что мы здесь…

— Они люди, — возразил Кашинг. — Варвары. Кочевники. Но люди. С ними можно говорить. Они разумны. Нам нужны кожухи мозгов, нам нужны чувствующие, нужны люди с технологическим чутьем. С врожденным технологическим чутьем. В старину были люди, которые могли взглянуть на машину и определить, как она работает; инстинктивно, с одного взгляда понять связь ее частей.

— В старину, но не теперь, — сказал Ролло. — Люди, о которых ты говоришь, жили в те времена, когда машины были обычным явлением. Они жили с машинами и среди машин. К тому же то, о чем мы говорим, не обычная примитивная машина с соединениями и движущимися частями. Это электронная система, а электроника давно забыта. Нужны специальные знания, годы обучения…

— Может, и так, — согласился Кашинг, — но у

Д. и П. есть техническая библиотека; а в университете немало людей, умеющих читать и писать и не утративших способности к обучению. Потребуется немало времени. Может, несколько поколений. Но со времен Катастрофы мы и так потеряли много времени. Можем позволить себе роскошь потерять еще чуток. Нам нужна избранная группа чувствующих, снабженных головными кожухами, и техники…

— Кожухи — ключ ко всему, — сказала Мэг. — В них наша надежда. Они единственные кто сохранил древнюю традицию логики. И с помощью чувствительных они смогут добраться до информации. Вероятно, только они смогут интерпретировать и понять эту информацию.

— Но должны быть и такие, кто сумеет записать результаты, — сказал Кашинг. — Мы должны все записывать. Без такой тщательной работы ничего не получится.

— Согласен, что мозг роботов — наша единственная надежда, — сказал Ролло. — Со времени Катастрофы человечество ни на йоту не продвинулось в технологическом смысле. Можно было ожидать, что среди всех этих стычек, грабежей и сумятицы кто-либо заново изобретет порох. Ничего подобного. Насколько мне известно,

никто еще не додумался до этого. Говорю вам, технология умерла. Оживить ее невозможно. Раса отвергла ее. Чувствующие и кожухи старых роботов — вот что нам нужно.

— Д.и П. сказал, что здесь есть кожухи, — вмешался Эзра. — Кожух мозгов погибших роботов.

— С полдюжины, — сказала Мэг. — А нам нужны сотни. Я думаю, они очень индивидуальны. Из сотни лишь один или два способны достичь информации.

— Хорошо, — сказал Кашинг. — Согласен. Нам нужна группа чувствующих; нужно много кожухов. Чтобы получить все это, нужно связаться с племенами. В каждом племени могут быть свои чувствующие; у всех есть пирамиды из кожухов. Некоторые из племен на равнине, сразу за Деревьями. Не нужно далеко идти. Я выйду утром.

— Не ты, — сказал Ролло. — Мы.

— Вы останетесь здесь, — возразил Кашинг роботу. — Увидев тебя, они набросятся и… унесут с собой твой кожух.

— Я не могу оставить тебя, — сказал Ролло. — Мы столько миль прошли вместе. И ты сражался вместе со мной с медведем. Мы друзья. Я не могу отпустить тебя одного.

— Нет, черт возьми! — воскликнул Кашинг. — Я

пойду один. Вы все останетесь здесь… Для Ролло идти слишком опасно. Для меня тоже есть некоторая опасность, но я сумею справиться. А остальными мы не можем рисковать. Вы чувствующие, а нам необходимы чувствующие.

— Ты забываешь, что ни я, ни Элин не из тех чувствующих, что нужны тебе, — сказал Эзра. — Я могу лишь говорить с растениями, а Элин…

— Откуда ты знаешь, что можешь говорить лишь с растениями? Ты ведь не пытался? Но даже если и так, ты можешь говорить с Деревьями, а нам важно иметь такую возможность. Что касается Элин, то ее способности могут понадобиться позже, когда мы овладеем информацией. Она может увидеть связи, которые не видим мы.

— Но здесь может быть и наше племя, — настаивал Эзра. — Это поможет нам.

— Ты сможешь поговорить со своим племенем позже.

— Сынок, ты сошел с ума, — сказала Мэг.

— Такое дело может свести с ума, — согласился Кашинг.

— А ты уверен, что Деревья пропустят тебя?

— Я поговорю с Д. и П. Он прикажет им.

25

Вблизи стало заметно, что кочевников в степи гораздо больше, чем он думал. Вигвамы, конические палатки, заимствованные у древних североамериканских племен, покрывали большое пространство, сверкая на утреннем солнце. Тут и там под бдительным присмотром паслись табуны лошадей. Виднелось множество дымных столбов.

Солнце безжалостно жгло прерию. Дышать было тяжело.

Кашинг стоял у Деревьев, стараясь успокоиться. Теперь, оказавшись в непосредственной близости от племен, он впервые осознал, что его действительно может ожидать опасность.

Накануне он говорил об этом, но одно дело рассуждать об опасности отвлеченно, другое — смотреть ей прямо в глаза.

Но ведь это же люди, сказал он себе. Им можно объяснить ситуацию, они будут слушать. Может, они и впали в варварство после Катастрофы, но за ними все же столетия цивилизации, а это не так легко уничтожить.

Он пошел, сначала торопливо, потом спокойнее. Лагерь не очень близко, придется пройти некоторое расстояние. Кашинг не оборачивался. Лишь на полпути к лагерю он остановился и бросил взгляд на холм. И тут он увидел, как что-то сверкнуло меж деревьев.

Проклятый дурак Ролло тащился за ним!

Кашинг махнул рукой и крикнул:

— Вернись назад!

Ролло остановился, потом снова двинулся вперед.

— Вернись! — орал Кашинг. — Убирайся!

Ролло остановился, подняв руку.

Кашинг сделал угрожающее движение.

Ролло медленно повернулся и пошел назад к Деревьям. Пройдя несколько шагов, он вновь остановился. Кашинг смотрел на него.

Тогда Ролло снова пошел, не оборачиваясь. Кашинг смотрел, как он исчезает среди Деревьев. На горизонте собралась темная туча. Буря, подумал Кашинг. Возможно. Воздух был тяжел, как перед грозой.

Убедившись, что Ролло не следует за ним, Кашинг снова двинулся к лагерю. Появились признаки жизни. Лаяли собаки. К нему направлялась небольшая группа всадников. На краю лагеря

стая мальчишек подняла крик.

Кашинг не замедлил хода. Всадники приближались.

Вот они остановились, глядя на него. Он серьезно сказал:

— Доброе утро, джентльмены.

Они не ответили, глядя на него с каменными лицами. Группа разделилась, пропуская его, а когда он пошел, сомкнулась вокруг.

Он знал, что это плохо, но ничего не мог сделать. Он не должен выказывать испуга. Нужно сделать вид, что это почетным эскорт, сопровождающий его к лагерю.

Не торопясь, он шел вперед, глядя перед собой, не обращая внимания на всадников… Он чувствовал, как по спине его побежал пот. Хотел вытереть лицо, но усилием воли удержал себя.

Лагерь находился прямо перед ним, и Кашинг увидел, что широкая полоса, даже полосы, разделяют прямые ряды вигвамов. У вигвамов стояли женщины и дети с каменными лицами, такими же, как у всадников.

Женщины в большинстве старухи. В бесформенных платьях. Грязные волосы беспорядочно свисают, лица темные от грязи и загара. Большинство босые, руки их изуродованы работой.

Некоторые открывали беззубые рты и выкрикивали проклятья. Остальные стояли молча и угрожающе.

В дальнем конце улицы стояла группа мужчин, глядя на него. Один из них направился к нему. Он был стар и согнут. На нем были кожаные брюки, на плечи наброшена шкура кугуара. Снежно-белые волосы падали на плечи.

В нескольких футах от него Кашинг остановился. Старик смотрел на него холодными выцветшими глазами.

— Сюда, — сказал он. — Иди за мной.

Он повернулся и пошел по улице. Кашинг двинулся за ним.

До него донесся запах пищи и зловоние отбросов, слишком долго пролежавших на солнце. У входа в большие вигвамы стояли оседланные лошади. Собаки, шнырявшие вокруг, визжали, когда в них швыряли чем-нибудь. Солнце нещадно палило, уличная пыль стала горячей. Чувствовалось приближение грозы.

Когда старик подошел к группе мужчин. Они расступились, пропуская его, и Кашинг прошел следом. Конный эскорт остался позади. Кашинг не смотрел на лица окружающих, но знал, что на них та же жесткость, что и на лицах всадников.

Пройдя через рады мужчин, они оказались на свободном пространстве, со всех сторон окруженном людьми. В тяжелом кресле, на которое была наброшена бычья шкура, сидел человек. Старик, служивший Кашингу проводником, отошел в сторону, а Кашинг прошел вперед и остановился перед человеком, сидящим в кресле.

— Я Бешеный Волк, — сказал этот человек и замолчал. Очевидно, он считал, что все знают носителя этого имени.

Это был человек огромного роста, но не дикарь. В лице его светился ум. У него была большая черная борода, а голова обрита наголо. Куртка из волчьей шкуры, увешанная волчьими хвостами, распахнулась на груди, обнажая бронзовый мускулистый торс. Мощные руки лежали на ручках кресла.

— Меня зовут Томас Кашинг.

И тут Кашинг увидел, что рядом с креслом стоит человек, который был предводителем группы стражников.

— Ты пришел с Громового холма, — сказал Бешеный Волк. — Ты из отряда, который с помощью волшебства прошел сквозь Деревья. Вы разбудили Спящих.

— Там нет Спящих, — ответил Кашинг. — А

Громовой холм — это место, откуда уходили к Звездам. Здесь надежда человеческой расы. Я пришел просить о помощи.

— О какой помощи?

— Нам нужны ваши чувствующие!

— Чувствующие? Говори ясно, человек. Что это значит?

— Ваши ведьмы и колдуны. Ваши знахари, если они у вас есть. Люди, которые умеют говорить с растениями, понимают животных, умеют предсказывать погоду. Те, кто предсказывает будущее.

Бешеный Волк хмыкнул.

— И что вы будете с ними делать? У нас их мало. Почему мы должны отдавать их тем, кто разбудил Спящих?

— Говорю вам, там нет никаких Спящих. И никогда не было.

Заговорил стражник:

— Среди них была женщина с пустыми глазами и ужасным лицом. Она говорила то же самое: «Вы ошибаетесь. Там нет никаких Спящих».

— Где сейчас эта женщина? — спросил Бешеный Волк.

— На холме, — ответил Кашинг.

— Будит Спящих…

— Черт возьми, неужели ты не понимаешь? Там нет Спящих.

— С тобой был металлический человек! Их когда-то называли роботами.

— Металлический человек убил медведя, — сказал стражник. — Этот пускал стрелы, но убил медведя металлический человек.

— Верно, — сказал Кашинг. — Мои стрелы не сделали ничего.

— Значит, ты признаешь, что с вами был металлический человек?

— Да. Это мой друг.

— Друг?

Кашинг кивнул.

— А разве ты не знаешь, что робот — это злое существо, что он уцелел с тех дней, когда миром правили ужасные машины? Незаконно иметь другом такую машину.

— Но было не так, — возразил Кашинг. — До Катастрофы. Машины не правили миром. Люди использовали машины. Виноваты не машины, а люди.

— Ты не согласен с легендами о прошлом?

— Да, потому что я читал «Историю».

Он подумал, что не очень мудро спорить. Но обманывать еще хуже. Нельзя показывать сла-

бость. Может, в конце концов Бешеный Волк прислушается к его словам.

— «Историю»? — переспросил Бешеный Волк. — О какой «Истории» ты говоришь?

— «История», написанная человеком по имени Уилсон, тысячу лет назад. В университете…

— В университете на берегу Миссисипи? Вот откуда ты явился. От дрожащих трусливых возделывателей картошки, прячущихся в стенах? Пришел, как будто у тебя есть право требовать наших чувствующих.

— Это еще не все. — Кашинг заставлял себя говорить спокойно. — Мне нужны ваши кузнецы и изготовители оружия. И кожухи мозгов роботов.

— Ах, так, — Бешеный Волк по-прежнему говорил очень мягко. — Это все? Больше тебе ничего не нужно?

На лицах окружающих появилось такое выражение, будто они забавлялись про себя. Они знали своего вождя.

— Все, — ответил Кашинг. — С их помощью мы сумеем отыскать лучший образ жизни.

— А чем тебе не нравится наша жизнь? — спросил Бешеный Волк. — Что в ней плохого? Пищи не хватает? Ее хватает. Земли просторны. Работать не нужно. Говорят, в старые времена люди долж-

ны были работать. Проснувшись и позавтракав, они должны были отправляться на работу. Работали весь день, а вернувшись, ложились рано спать, чтобы утром снова идти на работу. У них не было времени для себя. И жили они не лучше нас. За свою работу они получали только еду и место для сна. У нас есть это и многое другое, и мы не должны работать. Ты пришел из крепости яйцеголовых, чтобы изменить все это, чтобы вернуть нас к старому, чтобы мы работали с рассвета и до заката. Ты разбудил Спящих, хотя мы много столетий несли стражу вокруг холма.

— Я тебе сказал, что там нет Спящих. Ну неужели непонятно? Там, на холме, знания, которые люди собрали со звезд… Знания, которые помогут нам не восстановить прошлое, и найти новые пути.

Бесполезно. Они не поверят ему. Он ошибся.

— Этот человек сошел с ума, — сказал начальник группы стражников.

— Да. Мы напрасно тратим время, — согласился Бешеный Волк.

Кто-то сзади схватил Кашинга. Он попытался вырваться, но не смог.

— Ты согрешил, — сказал Бешеный Волк. — Привяжите его к столбу.

Люди расступились, и Кашинг увидел столб. Не более пяти футов высотой, из свежесрубленного дерева, со срезанной корой.

Молча его заставили подойти к столбу, и привязали к нему, поместив ремни в вырезы на столбе, так что они не могли соскользнуть.

Затем все так же молча отошли.

Однако он не остался один. Вокруг собралась толпа мальчишек.

Кашинг видел, что находится в центре лагеря. От большой площади, на которой стоял столб, расходились улицы вигвамов.

Ком грязи пролетел мимо его головы, другой ударил его в грудь. Стая мальчишек с криками побежала по улицам.

Кашинг впервые заметил, что солнце исчезло и все вокруг потемнело. Воцарилась напряженная тишина. С запада ползло большое черное облако. Вдали гремел гром, а над холмом засверкали молнии.

Где-то в вигваме вожди племени во главе с Бешеным Волком решают, что с ним делать. У него не было иллюзий относительно ожидавшего его конца. Кашинг попытался освободиться: привязали его прочно.

Конечно, безумием было надеяться, что эти лю-

ди прислушаются к его словам. Ему даже не дали возможности объясниться. Разговор с Бешеным Волком велся лишь для соблюдения приличий. Кашинг знал, что причина его неудачи — в мифе о Спящих. Но вчера, говоря с остальными, он был убежден в своей правоте. Это годы в университете предали его. Человек, живший в безопасности и мире, отвыкает видеть реальность фанатизма, вызвавшего Катастрофу.

С легким ощущением нереальности происходящего Кашинг думал, что же произойдет теперь. Никто из оставшихся на холме не в состоянии продолжить работу. Они даже не смогут сделать попытки организовать группу, которая через годы смогла бы добраться до банка информации. У Ролло — ни единого шанса, ведь он робот. Мэг, несмотря на свои способности, слишком робка. Эзра и Элин просто не в состоянии.

Энди, с улыбкой подумал он, если бы Энди мог говорить, он оказался бы полезней всех.

Тяжелые удары грома раскатились на западе, над вершиной Громового холма, как змея, сверкнула молния. Жара усилилась. А темная туча продолжала затягивать небо.

Из вигвамов показались женщины. Мальчишки продолжали швырять камни и комки грязи, но

не попадали. Один ком, однако, попал Кашингу в челюсть. Вдали виднелся табун, который гнали к лагерю.

И тут он увидел — блеск, искры Дрожащих Змей на фоне черного неба, летящие к лагерю. Он затаил дыхание и напрягся.

Змеи? Что здесь делают Змеи?

Не только Змеи. Перед ними бежал Энди, его грива и хвост развевались по ветру, за ним виднелся Ролло, а по обе стороны от них — огромная стая черных пузырей — Попутчики, видимые только благодаря искрам Змей. А еще дальше катились сферы — это был Отряд.

В лагерь ворвался испуганный табун, с диким ржанием лошади пронеслись по улицам, обрушивая вигвамы. Беспорядочно метались люди, и только по широко раскрытым ртам можно было понять, что они что-то кричат; носились собаки, как будто по пятам за ними гнались волки.

Когда лошади приблизились, Кашинг пригнулся. Копыто пронеслось мимо его плеча. Другая лошадь обрушила вигвам и упала, запутавшись в нем. Лягаясь, она пыталась освободиться. Из-под вигвама выполз человек. Вспышка молнии осветила его лицо, и Кашинг узнал Бешеного Волка.

Ролло оказался рядом с ним. Ножом полоснул

по ремням. Теперь лагерь был пуст, только где-то под вигвамами кричали люди. Огненными кольцами вились Дрожащие Змеи, плясали Попутчики, и среди них скакал Энди.

Ролло, перекрикивая гром, сказал Кашингу:

— Их теперь можно не бояться. Они не остановятся до самой Миссури.

За Ролло возбужденно подпрыгивала одна из сфер.

— Теперь мы понимаем, что такое забава. Ролло пригласил нас посмотреть на забаву.

Кашинг попытался ответить Ролло, но его слова заглушил обрушившийся ливень, вой ветра и барабанный стук града.

26

Сухие, заросшие кактусами равнины Миссури остались позади, впереди лежали прерии бывшего штата Миннесота. На этот раз им не нужно прятаться, придерживаясь извивающегося русла Миннесоты, сказал себе Кашинг: они могут напрямик двинуться к двойному городу Миннеаполис — Сент-Пол и к своей конечной цели — университету.

Ни одно кочевое или городское племя и не подумает помешать им.

Первые осенние заморозки окрасили листву в золото и красный цвет. Весной они вернутся на Громовой холм с несколькими лошадьми, везущими припасы, и в сопровождении других обитателей университета. Может, с ними будет и несколько чувствующих кожухи мозгов: зимой нужно будет установить связь с городскими племенами. Возможно, те легче пойдут на сотрудничество.

Впереди шел Ролло, за ним — Энди, вокруг которого, как стая щенят, плясали Попутчики. Сбоку спокойно катился Отряд, и повсюду в осен-

нем воздухе искрились Дрожащие Змеи. Они сопровождали Ролло в его разведывательных походах, плясали вместе с Попутчиками вокруг Энди, плели огненные кольца везде, где можно.

— Вы меня обчистили, — с насмешливой печалью сказал Д. и П., когда они уходили. — Не оставили ни одного Попутчика, ни одной Змеи. Это все ваша глупая лошадь и не менее глупый робот. Всех свели с ума. Хотя я рад, что они уходят: к вам теперь никто не будет привязываться.

— Мы вернемся, — пообещал Кашинг, — как только кончится зима. Не будем тратить времени. И, надеюсь, вернемся не одни.

— Я так долго был один, — ответил Д. и П., — что такой маленький промежуток ничего для меня не значит. Я буду спокойно ждать, потому что теперь у меня есть надежда.

Кашинг предупредил его:

— Может, ничего и не выйдет. Как бы мы ни старались, мы можем и не добраться до информации. А если и доберемся, можем не найти ничего полезного.

— Вся человеческая история основана на вероятности, — ответил Д. и П.

— Вряд ли мы сейчас можем ожидать чего-нибудь другого.

— Если бы только Бешеный Волк был с нами. Если бы только он прислушался.

— Некоторые общественные группы никогда не воспринимают новых идей. Цепляются за известное и не желают отойти от него. За старую религию, старую этику. Но я не таков. Мой оптимизм неизлечим. И как только вы уйдете, я снова начну посылать роботов-исследователей. А когда они вернутся — через сто или тысячу лет, — мы будем ждать их здесь и надеяться, что они принесли информацию, которую мы сможем использовать.

Временами на горизонте они видели маленькие отряды, которые тут же исчезали, разнося весть о их приближении. Возможно, они хотели убедиться, что группу по-прежнему защищают чудовища с Громового холма.

Погода стояла хорошая, и путешествие проходило легко. Кашинг решил, что через десять дней он окажется у стен университета. Там они найдут тех, кто прислушается к их словам и поймет. Может, именно для этого момента университет и жил все эти годы, сохраняя крупицы знаний.

Кашинг был уверен, что в обратный путь к Громовому холму они выступят в сопровождении людей из университета.

Мэг шла перед ними, неся кожух мозга. На протяжении всего пути кожух был с нею. И даже мене она сжимала его руками.

— Мы должны быть уверены в одном, — говорила она Кашингу. — Чувствующий, который использует мозг робота, должен осознать свою ответственность перед ним. Как только контакт установлен, он не должен прерываться. Нельзя разбудить мозг и уйти от него. Он становится частью тебя. Лучшим другом, вторым «я».

— А когда чувствующий умрет? — спросил Кашинг. — Мозг робота переживет множество людей. Когда умрет ближайший друг робота, что тогда?

— Что-нибудь придумаем, — ответила она. — Может быть, другой чувствующий займет его место. Или к тому времени мы создадим электронную систему, которая позволит мозгу вернуться в мир. Дадим ему зрение, и слух, и голос. Я понимаю, это будет возврат к технологии. Мы не хотим этого. Но, сынок, может, как-нибудь можно усовершенствовать технологию?

Возможно, это правда, подумал Кашинг. Если только они сумеют. Он совсем не был уверен в этом. Для того, чтобы создать простейший электронный прибор, потребуются долгие годы труда.

Даже при помощи технической библиотеки Д. и П. Дело не только в знаниях. Нужны еще и материалы. Электроника основывалась не только на знаниях, но и на мощной технологической базе. Даже в момент наивысшего оптимизма Кашинг понял, что, возможно, свыше человеческих сил восстановить эту базу.

Разрушив свою технологическую цивилизацию, человек сделал необратимый шаг. В человеке живет глубокий страх, который и служит предупреждением: будучи восстановленной, технология снова превратится в чудовище. Это вряд ли возможно, но страх остается. Он помешает даже частично восстановить то, что существовало до Катастрофы.

Итак, если человечество не хочет вечно оставаться в варварстве, нужно найти новый путь, основать цивилизацию на иной базе, не на технологии. В бессонные ночи Кашинг старался вообразить себе эту цивилизацию, но не мог. Это было выше его умственных способностей. Первобытный предок человека, который впервые изготовил грубое каменное орудие, не мог и вообразить себе, какими будут наследники этого камня с заостренными краями. Так и сейчас. Человечество уже сделало первый незаметный

шаг к будущему. Каким оно будет? Может, ответ уже есть в банке информации Громового холма.

Кашинг догнал Мэг и пошел рядом с ней.

— Меня беспокоит одно, сынок, — сказала она. — Ты говоришь, что нас примут в университете. И я верю в это, потому что ты знаешь этих людей. Но как же Отряд? Примут ли они Отряд? Как они будут относиться к нему?

Кашинг рассмеялся и вдруг понял, что смеется впервые за много дней.

— Все будет прекрасно, — сказал он. — Подожди, и увидишь. Отряд заинтересуется университетом, а университет — Отрядом.

Он снова коротко рассмеялся.

— Боже, как будет интересно! — сказал он. — Не могу дождаться.

И он позволил сформироваться мысли, которую подавлял все эти дни, потому что она давала надежду, а он боялся надеяться.

Отряд состоит из двух чуждых существ, представителей другой формы жизни, обладающей разумом и создавшей сложную цивилизацию, наделенную интеллектуальным любопытством. Интеллектуальное любопытство должно быть характеристикой любой цивилизации, но интенсивность этой характеристики может чрез-

вычайно варьироваться. Цивилизация Отряда обладает этим любопытством в огромной мере, чему свидетельство — пребывание здесь Отряда.

Возможно, Отряд поможет человечеству в решении его проблем. Неизвестно, сумеет ли он предложить что-нибудь ценное; но чуждое направление мыслей может дать человечеству отправную точку, поможет ему понять иную, нечеловеческую логику.

В свободном обмене информацией и мнениями между Отрядом и университетом обе стороны могут почерпнуть многое. Хотя университет больше нельзя назвать элитарным интеллектуальным сообществом, там все же еще существует традиция обучения и даже исследования. В его стенах обитают люди, одержимые той интеллектуальной жаждой, которая формировала человеческую культуру. Культуру, погибшую за несколько месяцев.

Хотя не совсем уничтожена, напомнил он себе. На Громовом холме сохранились остатки ее, остатки проклятой технологии. Какая ирония, что они теперь — единственная надежда человечества.

Что было бы, спросил себя Кашинг, если бы технологическая цивилизация просуществова-

ла еще несколько столетий? Если бы человек получил всю информацию, содержащуюся на Громовом холме? Впрочем, может, технология продолжала бы свой слепой бег к Катастрофе.

Может, не так уж и плохо, что произошла Катастрофа? В сущности, нам сейчас не так уж и плохо. У нас есть надежда — Громовой холм, Отряд, университет, живые мозги роботов, взлет способностей чувствующих и Деревья, Змеи, Попутчики.

Но при чем тут Змеи и Попутчики?.. Том Кашинг решительно прервал линию своих размышлений. Когда надеешься, не нужно отказываться от малейшей надежды.

— Сынок, — сказала Мэг, — я уже говорила тебе и повторю еще раз. Путешествие было прекрасным.

— Да, — согласился Кашинг. — Да, ты права. Все было прекрасно.